

Диана Уинн Джонс

В СОБАЧЬЕЙ ШКУРЕ

2010

Диана Уинн Джонс. В собачьей шкуре. Роман. Перевод с английского И.Емельяновой

Глава 1

Собачья Звезда, взбешенный, стоял перед Судейскими Креслами. Его пылающая ярость заливала лица собравшихся зеленым светом и подсвечивала кроны крышедеревьев, превращая их влажные голубые плоды в изумрудные.

— Все это *ложь!* — крикнул он. — Почему вы верите не *мне*, а *ему?* — яростная зеленая вспышка озарила главного свидетеля — голубое светило из системы Кастора — и на секунду окрасила его в бирюзовый цвет. Свидетель торопливо отскочил подальше.

— Сириус, — спокойно громыхнул Первый Судья, — мы уже признали тебя виновным. Если ты не можешь сказать ничего осмысленного, замолчи и дай суду вынести приговор.

— Нет, я *не* замолчу! — закричал Сириус на огромную красную звезду. Он не боялся Антареса. Ему самому в свое время не раз приходилось сидеть в одном из этих самых Судейских Кресел рядом с красным гигантом — и тем более униженным он чувствовал себя теперь. — Вы же меня вообще не слушали, вообще. Я *не* убивал ту звезду — я ее только ударил. Я *не* отказывался от ответственности, я обещал отправиться на поиски Зоаи. Вы можете меня обвинить только в том, что я вышел из себя...

— По мнению суда, ты слишком часто выходишь из себя, — в своей обычной суховатой манере заметил алый гигант Бетельгейзе, Второй Судья.

— Но я же признал, что вышел из себя! — сказал Сириус.

— Попробовал бы ты этого не признать — кто бы тебе поверил? — ответил Бетельгейзе.

Среди зрителей пробежала долгая вспышка веселья. Сириус злобно сверкнул на них. В зале голубых деревьев собрались светила из всех сфер и спектральных классов. Нечасто перед судом оказывалась звезда

высокой светимости — и никогда еще подсудимый не был знаменит таким скандальным характером.

— И верно — смешно! — взревел Сириус. — Вы поразвлеклись пришли, да? Правосудия тут и отблеска нет. Говорю вам, я невиновен! Я не знаю, кто убил того юного дурачка, но это был *не* я!

— Суд не намерен повторять все сначала, — сказал Антарес. — У нас есть свидетельство твоей Спутницы, что ты часто так сильно злишься, что сам не понимаешь, что творишь.

Сириус перехватил предупреждающий взгляд своей Спутницы. Он понял: она намекает, что ему не следует ухудшать свое положение новой вспышкой гнева. Ее показания содержали немногим больше того, что все и так знали. Это не она подвела его под суд. Но он боялся, что больше никогда не увидит ее, и знал, что тем сильнее разгневется, если взглянет на нее еще раз. Она была так прекрасна: маленькая, изящная и жемчужная.

— Сиди я в этом кресле, я бы подобное свидетельство доказательством не счел, — возразил Сириус.

— Мы и не сочли, но оно подтверждает показания главного свидетеля, — объяснил Антарес, — что, когда он застал тебя врасплох, ты попытался убить его, швырнув в него Зоаи.

— Я этого не делал, — сказал Сириус. Больше он ничего не мог сказать. Мог только стоять и сердито сверкать, не имея никаких доказательств своей невиновности. Он не признал, что угрожал убить голубого касторца, который ухаживал за его Спутницей, и уничтожил молодое светило, распускаявшее о них сплетни. Но ни то, ни другое не доказывало его невиновности.

— Другие свидетели видели падение Зоаи, — сказал Антарес. — Не говоря уж о взрыве Новой звезды...

— Да идите вы в плазму! — огрызнулся Сириус. — Больше никто ничего не видел.

— Повтори это еще раз, — вставил Бетельгейзе, — и мы добавим к обвинениям неуважение к суду. Впрочем, все твои слова и так крайне неуважительны.

— У тебя есть еще что сказать? — спросил Антарес. — Кроме как в очередной раз повторять всю эту ерунду?

Сириус в замешательстве посмотрел на трех судей — двух красных сверхгигантов и белого гиганта Поляриса. Он знал: они считают, что он рассказал не все. Наверно, надеются, что теперь он выложит недостающее.

— Нет, мне больше нечего сказать, — ответил он. — Только то, что это *не* ерунда. Я...

— Тогда помолчи, пока наш оратор произнесет приговор, — сказал Антарес.

Полярис поднялся — спокойный, высокий и уверенный в себе. Будучи цефеидой, он слегка заикался и зачитывал приговор только потому, что двое других судей превосходили его по светимости.

— Об-битатель Сириуса, — начал он.

Сириус поднял глаза и попытался успокоиться. Он с самого начала не слишком надеялся на благополучный исход, а когда его признали виновным, и вовсе оставил надежду. Он думал, что готов ко всему. Но перед самым вынесением приговора его затошнило. Дело шло о его жизни и смерти. Но, похоже, он это осознал только сейчас.

— Этот суд, — сказал Полярис, — с-счел тебя виновным по трем обвинениям, а именно: у-убийство молодого светила из с-созвездия Орион; недопустимое и-использование Зоаи для с-сов-вершения уп-помянутого уб-бийства; и преступная небрежность, послужившая причиной н-нестабильности, нерегулярности и п-повреждению всей твоей сферы влияния и п-приведшая к-к п-потере З-зоаи. — Полярис не справился с заиканием и вынужден был умолкнуть.

Сириус ждал. Он попытался представить кого-то другого хозяином своей зеленой сферы, но не смог. Сириус опустил взгляд и попытался ни о чем не думать. Но этого делать не стоило. Там, внизу, сквозь вращающиеся звездные пятна, он увидел ничто. Он ужаснулся. Ему понадобились все его силы, чтобы удержаться от крика-мольбы о том, чтобы его не превращали в ничто.

Полярис снова заговорил.

— В-вынося этот п-приговор, — сказал он, — суд уч-читывает т-твою высокую свет-тимость и те ус-слуги, которые ты р-ранее оказывал суду. Учитывая это, а также тот ф-факт, что ты п-подвержен вспышкам гнева, во время которых т-ты не к-контролируешь себя, суд р-решил возродить древнюю п-прерогативу в-вынесения ос-собого рода от-тлож-женного п-приговора.

Что это значит? Сириус не знал, что и думать. Он посмотрел на свою Спутницу и понял, что лучше бы он этого не делал, потому что увидел в ее глазах сомнение и страх.

— Об-битатель С-сириуса, — продолжал Полярис, — с-суд п-приговаривает тебя к л-лишению всех с-сфер, почестей и с-светимости и к изгнанию от-тсюда в тело существа, характерного для той с-сферы, куда, как с-

считается, уп-пал п-пропавший Зоаи. Если з-за время ж-жизни этого существа ты сможешь н-найти и вернуть себе З-зоаи, суд будет р-рад восстановить тебя во всех т-твоих бывших с-сферах и т-титулах. Н-неудача в возвращении З-зоаи не повлечет д-дальнейшего н-наказания. По мнению суда, достаточно будет, если ты п-просто умрешь, как обычно умирают существа на той с-сфере.

Как ни медленно зачитывал Полярис этот необыкновенный приговор, Сириус еле успел осознать его к тому моменту, когда Полярис сел обратно в свое кресло. Неслышанно. Хуже, чем ничего, потому что его приговорили не просто к изгнанию, а к надежде — безнадежной, жестокой надежде, которая будет сопутствовать ему всю жизнь, и никто не знает, сколько она продлится. Он опять вспыхнул.

— Это самый супербредовый приговор, какой я только слышал!

— Замолчи, — сказал Антарес. — Суд приказывает увести арестованного и привести приговор в исполнение.

— Попробуй выговорить «супербредовый», Полярис! — крикнул Сириус, когда его уводили.

Приговор привели в исполнение сразу же. Когда Сириус пришел в себя, он больше не мог протестовать. Не мог ни говорить, ни отчетливо видеть. Да и думать не особенно пытался. Он был очень слаб и очень, очень голоден. Все его силы уходили на сражение за пищу в теплой кучке таких же, как он, существ. Только он нашел себе подходящий сосок и принялся за еду, как огромная могучая рука подхватила его и перевернула вверх брюшком. Он возмущенно пищал и пытался отбиваться.

Хриплый оглушительный голос, вероятно, женский, произнес слова, которые он не понял:

— Это же надо, уже шестой кобель в помете. И только одна сучка. Черт побери!

Сириуса бесцеремонно сунули обратно, и он опять пробрался к своему соску. После этого он довольно долго не думал вообще ни о чем, кроме еды. Потом он уснул, уютно устроившись среди подобных себе существ рядом с громадной пушистой горой. И только через несколько дней он подумал о чем-то, кроме еды и сна.

Его охватила жажда познания. Он пополз, с трудом передвигая четыре короткие лапки — такие слабые, что подняться на них он не мог. То там, то тут ему пришлось перебираться через складки грубой ткани, на которой они все лежали. Другие существа так же слепо ползали вокруг. Несколько раз они валили и опрокидывали Сириуса, но он полз дальше,

моргая и пытаясь разглядеть, откуда идет такой яркий свет. Подстилка закончилась, и Сириус оказался на холодном ровном полу, ползти по которому было гораздо легче.

Он уже почти добрался до полосы теплого, яркого света, когда раздалась шаги. Пол затрясся. Сириус нерешительно остановился. Кто-то, обладавший непреодолимой силой, опять схватил его — униженного, пинающегося, — поднял и перевернул. Над ним нависло громадное расплывчатое лицо.

— А ты храбрец, — произнес хриплый, оглушительный женский голос. Сириус моргал, пытаясь разглядеть, кто его держит, а голос сказал: — Мне не нравятся твои глаза, парень. Что-то говорит мне, что Бесс была плохой девочкой.

Поскольку Сириус не понял ни слова, он почувствовал только досаду, когда его водворили обратно в темноту на грубую подстилку. Теперь ему опять придется проползти весь этот путь. Он подождал, пока тяжелые шаги уйдут, и снова пополз вперед.

У него ничего не вышло. Каждый раз, когда он выбирался на свет, кто-нибудь — или женщина, или существо с резким юношеским голосом — возвращал его обратно. Он отчаянно пищал. Что-то в нем жаждало этого света. Почему ему не позволяют туда добраться?

На следующий день он добрался до двери, когда они пришли — женщина, парень с резким голосом и еще кто-то. Они чуть на него не наступили. Сириус это понял и в ужасе съезжился на полу. Женщина с раздраженным восклицанием подняла его с холодного пола и вынесла на свет.

— Опять этот! Он и *правда* бродяга. — Сириус к этому времени уже привык к тому, что его хватают и поднимают, и не пытался вырваться. — Ну? — спросила женщина. — Как вы думаете, дорогая миссис Каннинг? Эти отметины неправильные, верно? И посмотрите на его глаза.

Сириус почувствовал, как его разглядывает вторая женщина. Почему-то он ощутил, что что-то не так. Он забился и был за это крепко сжат.

— Нет, — задумчиво сказал новый голос, встревоживший Сириуса. Голос и запах этой женщины вызвали у него в голове волну — почти воспоминание. — Неправильные глаза, неправильный окрас ушей. Должно быть, дорогая миссис Партридж, ваша собака ухитрилась нагулять щенков на стороне. А остальные каковы?

— Почти такие же. Взгляните.

Послышались возмущенные повизгивания, и Сириус понял, что его товарищей, не привыкших к хватанию и рассматриванию, тоже хватают и

рассматривают. Три громких голоса, заглушавших щенячий визг, начали неспешную беседу. А из самой середины повизгиваний раздался низкий, тревожный вой.

— Замолчи, Бесс! Ты была плохой девочкой! — сказал голос по имени «миссис Партридж». — Так вы думаете, мне за них ничего не заплатят?

— Разве что фунт-полтора в зоомагазине, — ответил голос по имени «миссис Каннинг». — Или же...

— Я вам очень обязана! — сказала миссис Партридж. В ее голосе так отчетливо прозвучала нотка гнева, что Сириус сжался, а его товарищи притихли. Они молчали, когда их клали обратно на пол, только один или двое тихонько захныкали, когда их начала вылизывать большая встревоженная мать.

Люди ушли, но скоро двое вернулись — торопливыми сердитыми шагами. Все щенки невольно съежились.

— Черт тебя подери, Бесс! — сказала миссис Партридж. — Итак, я заполучила выводок метисов, а ведь могла бы выручить за этот помет почти сто фунтов стерлингов. Ты принес мешок, Бриан?

— Угу. — Резкоголосый парень редко произносил больше двух слов подряд. — И кирпич. Может, оставить ей одного, миссис Партридж?

— Думаю, да, — нетерпеливо сказала женщина. Сириус почувствовал, что его опять схватили и подняли. — Не этого! — резко сказала миссис Партридж. — Мне не нравятся его глаза.

— Разве? — Парень, похоже, удивился, но опять отпустил Сириуса и поднял следующего, сидевшего рядом с матерью. Мать тоскливо выла, но не пыталась остановить парня, который стал хватать щенков одного за другим и швырять в пыльную, пахнущую мякиной темноту. Они скатились на дно мешка, пища и слабо размахивая лапками. Потом этот шевелящийся, попискивающий клубок куда-то понесли, Сириуса сдавили и царапали, мешок трясся, и в конце концов Сириус от ужаса чуть с ума не сошел. Потом сквозь запахи пыли и мякины пробился какой-то новый запах. Даже в панике Сириус им заинтересовался. Но в следующую секунду мешок сильно качнулся и полетел, к еще большему ужасу Сириуса, в холод, холод, холод. Сириус в панике обнаружил, что вдыхать можно только какое-то холодное вещество, которое его душит.

Как только Сириус это понял, у него хватило соображения задержать дыхание. Но дергался и рвался он безо всякого соображения. Пока у него в теле еще оставалось немного воздуха и сил, он размахивал всеми своими слабенькими короткими лапками, царапался крохотными коготками и вообще сражался с тьмой и холодом, словно с живым врагом.

Остальные щенки тоже барахтались, колотя и царапая друг друга. Но, один за одним, они почувствовали, что холодовой шок и удушье для них чересчур. Скоро один только Сириус рвался и царапался в темноте. И то только потому, что где-то в глубине его подсознания сидело ощущение, что нет ничего хуже, чем холодное ничто.

Тьма распахнулась. К тому моменту Сириусу было уже почти все равно, но он подумал, что, наверно, умер. Казалось, умереть означало выплыть в серо-зеленый свет. В этом свете ничего не было видно, и сверху он был ярче. Сириус почувствовал, что поднимается к яркому свету. Круглые, мерцающие желтые пузыри проплыли вверх перед его глазами и напомнили о какой-то другой жизни, которую он не мог вспомнить. Потом свет стал похож на серебряный купол над головой, толстый и твердый на вид. И Сириус очень удивился, безо всякой боли и шума поднявшись прямо через этот купол в огромную ясность — синюю, зеленую и теплую. Для него это оказалось чересчур. Он судорожно вдохнул, подавился, и от него остался только насквозь промокший живой комочек, плывущий по течению быстрой речки.

А тем временем гнилой мешок, который он разорвал, разошелся под давлением течения, и из него выплыли остальные промокшие комочки. Двоим уже нельзя было помочь, и они просто катились по придонному илу и камням. Но четверо оставшихся поднялись на поверхность, и течение понесло их вслед за первым. Покачиваясь и вращаясь, один за другим они проплыли через излучину и оказались между солнечных берегов, поросших травой. И тут от тепла, льющегося сверху, Сириус начал понемногу приходить в себя. Скоро он очнулся и понял, что откуда-то идет тепло, что сам он беспомощен и находится в каком-то кошмаре, и что единственная надежда — на это самое тепло. Сириус решил на него положиться.

Берег зарос боярышником. Течение занесло Сириуса в тень росших на берегу кустов, и он вдруг оказался в глубокой бурой прохладе. Тепло исчезло. У Сириуса отобрали его единственное утешение. Он так возмутился, что открыл глаза и попытался протестующе запищать.

Он не смог произнести ни звука. Но через несколько секунд речка опять вынесла его на свет. Солнце ударило по глазам и рассыпалось тысячько блесток по поверхности воды. Сириус опять плотно зажмурился. Его так потрясло это сияние, что он обмяк еще больше и еле заметил, что тепло вернулось.

И стало сильнее — золотистое, настойчивое тепло.

— Это действительно вы, Ваша Светимость! — сказал кто-то. — Я

так и думал!

Голос был совсем не похож на те, что раньше слышал Сириус. Его это озадачило. Голос был незнакомым, хотя Сириусу казалось, что когда-то он уже слышал подобные голоса. Он не был уверен, что доверяет этому голосу. Все голоса, которые Сириус помнил, не сделали ему ничего хорошего — и ему казалось, что он и раньше слышал какие-то голоса, которые тоже не сделали ему ничего хорошего.

— Вы ведь не умерли, нет? — спросил голос. Он казался встревоженным. Это был теплый, золотой голос, и, кроме ясно звучащей тревоги, была в нем какая-то ярость, как будто говоривший мог быть куда опаснее миссис Партридж и ее друзей, если пожелает.

Сириус и сам не знал, умер он или нет. Он чувствовал себя слишком слабым, чтобы отвечать этому сильному, яростному голосу, так что он поплыл дальше молча.

— Вы не можете ответить? — Тепло, игравшее на крохотном теле Сириуса, стало сильнее и крепче, словно говоривший начал терять терпение. Сириус был не в состоянии даже испугаться. Он просто плыл дальше. — Похоже, не можете, — сказал голос. — Они зашли слишком далеко! Ну что ж, я сделаю для вас все, что могу. И пусть попробуют меня остановить!

Сириус почувствовал, что говоривший исчез, но тепло, окутавшее промокшее тельце, осталось. Он проплыл еще немного и уперся в какие-то предметы — длинные, зеленые и упругие. Здесь тепло его остановило и принялось мягко покачивать. Это было почти приятно. А четверо остальных полузахлебнувшихся щенков продолжали плыть посреди речки, огибая излучины, и выплыли туда, где река становилась шире и грязнее, а на берегах стояли дома.

Рядом с Сириусом звонкий голос произнес непонятные слова:

— Ого, вот так так! В камышах мертвый щенок!

— Не трожь его! — произнес голос постарше и поглубе. И третий голос, ласковый и мелодичный, сказал: — Дайте посмотреть!

— Не трогай его, Кэтлин! — сказал второй голос.

Тем не менее раздался плеск и шуршание. Пара рук, гораздо меньших, чем те, к которым привык Сириус, но гораздо более нервных и дрожащих, вытащила его из воды и подняла высоко в воздух. Он не чувствовал себя в безопасности. Дрожание рук и холодный ветер испугали его. Он задергался и ухитрился издать слабый испуганный писк. Руки чуть не вырвали его.

— Он не мертвый! Он живой! Бедняжка, он совсем замерз!

— Кто-то пытался его утопить, — сказал самый звонкий голос.

— Брось его обратно, — сказал второй голос. — Он еще слишком маленький, чтобы лакать из блюда. Все равно сдохнет.

— Нет. — Руки, державшие Сириуса, обрели упрямую твердость. — У меня есть старая детская бутылочка. Я не дам ему умереть.

— Мама не позволит тебе его держать, — сердито сказал грубый голос.

— Не позволит. А кошки его убьют, — сказал самый юный голос. — Правда, Кэтлин.

Девочка, державшая Сириуса, жестом защиты прижала его к груди и пошла — рывок, толчок, рывок — прочь от реки через луг.

— Бедняжка, — сказала она. Оба мальчика последовали за ней, не прекращая спорить. От шума у Сириуса заболели уши, к тому же девочка его все время встряхивала, когда оборачивалась, чтобы возразить мальчикам. Но он понимал, что она защищает его от мальчишек, и был ей благодарен. В ее нервных объятиях он успокоился и согрелся.

— Ой! — воскликнула Кэтлин, наклонившись над ним. — Он хвостом виляет!

Робин, младший мальчик, попросил показать.

— Какой странный хвостик, — с сомнением сказал он. — А ты точно уверена, что это не крыса?

— Нет, — сказала Кэтлин. — Это щенок.

— Это крыса, — сказал Бэзил, старший мальчик. — Ирландская крыса. Шеймус О'Крыс!

— Заткнись, — устало сказала Кэтлин.

Глава 2

Сириуса принесли куда-то в тепло и осторожно положили в корзинку. Он уснул. Пока он спал, его перепачканная шерсть высохла и стала слегка волнистой. Последней высохла рыжая шерсть на висячих ушках, и ему стало совсем хорошо. Он проснулся, от души потягиваясь передними и задними лапками, и обнаружил, что рядом находятся чужие, враждебные существа.

Эти существа не разговаривали. Они вообще не умели говорить. Но у них были такие твердые и четкие ощущения, что Сириус понимал их не хуже, чем если бы они говорили.

— Что это? Не слишком хорошо пахнет.

Носик Сириуса дернулся. Если уж на то пошло, запах этих существ ему тоже не понравился.

— Это одна из тех тварей, которые лают и загоняют вас на деревья.

— Ты уверена? Он не выглядит таким уж большим.

— Потому что, — в ответе чувствовалось великое презрение, — это еще младенец. Он вырастет.

— Зачем его принесли в наш дом?

— Пусть лучше не загоняет *нас* на деревья!

— А давайте уничтожим его, пока он еще не может нас никуда загнать.

— Обязательно, при первой же возможности. А до тех пор оставьте его в покое. Он не стоит нашего внимания.

— Брысь! Иди отсюда, Тибблс. Ромул и Рем, пошли вон. — Кэтлин и Робин опустили на колени у корзины. Странные существа исчезли вместе со своим презрением и раздражением. Сириус вильнул хвостиком, открыл глаза и попытался разглядеть, как выглядят его спасители. Они были такие большие, что ему оказалось трудно сфокусировать на них взгляд.

— Смешной хвостик! — со смехом сказала Кэтлин.

— Смешные *глаза!* — сказал Робин. — Кэтлин, у него *зеленые* глаза. У собак ведь не бывает зеленых глаз, верно? Как ты думаешь, может, это не щенок?

— Это щенок, я знаю, — ответила Кэтлин.

— А Бэзил скажет, что это котенок, — сказал Робин. — Вот увидишь, он обзовет его Шеймусом О'Котом.

— Ну и пусть, — беззаботно сказала Кэтлин. Только так она могла выразить странное чувство, которое возникало у нее при виде этих глаз.

Они были словно травянисто-зеленые капли на круглой щенячьей голове, сияющие и глубокие. Зелень была сверху прикрыта той молочной мутью, что бывает в глазах у всех детенышей, и Кэтлин знала, что щенку нелегко ее разглядеть. Но где-то в зеленых глубинах ей почудилось что-то огромное, чудесное и вызывавшее благоговение.

— Почему бы не назвать его Шеймусом? — предложил Робин. — Тогда ты опередишь Бэзила.

— Это дурацкое имя, — ответила Кэтлин.

— Тогда надо назвать его каким-нибудь кошачьим именем. Как насчет Лео? Это означает «лев».

— Кажется, у львов желтые глаза, — неуверенно сказала Кэтлин. — Но «Лео» звучит гораздо величественнее, чем «Шеймус». Я подумаю, пока буду его кормить.

Она протянула Сириусу бутылку с резиновым наконечником, из которого сочилось молоко. Он радостно присосался к бутылочке, Кэтлин принялась осторожно кормить его — и перекормила. Сириуса затошнило. Это его не слишком обеспокоило, но Кэтлин, похоже, пришлось немало повозиться с мокрой тряпкой. И пока она наводила порядок, Сириус почувствовал новое присутствие.

Это существо было большим — больше, чем Кэтлин и Робин, вместе взятые — и чем-то слегка напомнило ему женщину по имени миссис Партридж, которая приказала тому парню его утопить. В этой женщине была та же уверенность, что все должно быть так, как она считает нужным. И ей — это Сириус почувствовал сразу — он точно так же не понравился. Он забился в угол каминной решетки, чувствуя себя очень маленьким и беззащитным, и воздух над ним задрожал от жесткого высокого голоса. Очень холодного голоса, в то же время полного разнообразных сильных эмоций.

— Принести это грязное животное в мой дом, даже разрешения не спросив... Даже не задумалась о *моих* чувствах... позволила ему испач-

кать весь каминный коврик, и кто знает, какие у него инфекции. А как насчет кошек? Ты очень эгоистичная девочка, Кэтлин. Видит господь, я ни на минуту не переставала сожалеть о том, что Гарри настоял, чтобы мы взяли тебя в дом, но это последняя *соломинка!* И нечего сидеть с упрямым лицом, Кэтлин. Робин, возьми эту грязную тварюшку и утопи в бочке.

— Но, Даффи, кто-то уже пытался утопить его в реке! — робко возразила Кэтлин.

— Этот кто-то гораздо умнее тебя! — сердито ответила женщина по имени Даффи. — Посмотри, что он тут устроил! Робин, ты меня слышишь?

— Я за ним убираю, — жалобно сказала Кэтлин. — И всегда буду убирать.

— Он просто еще маленький, мам, — объяснил Робин. — Он не знал, когда остановиться. Но когда он вырастет, он будет нам очень полезен. Что, если в твой магазинчик заберутся грабители?

— Там установлена прекрасная сигнальная система. Я сказала раз и навсегда, что в моем доме не будет никаких собак!

— Пожалуйста, Даффи, позвольте мне его оставить, — взмолилась Кэтлин. — Я буду следить, чтобы он не пачкал. Пусть он будет мне подарком на день рождения. Я ведь еще не получила ни одного подарка.

Это заставило хозяйку холодного голоса замолчать. Она испустила сердитый раздраженный вздох, от которого у Сириуса шерсть на спине стала дыбом.

— И будешь его кормить, и купишь на него лицензию, и будешь его выгуливать и обучать! Хотела бы я увидеть, как все это проделывает такая маленькая неряха, как ты! Нет.

— Если вы позволите мне его оставить, — в отчаянии сказала Кэтлин, — я буду делать все, что вы захотите. Я буду делать всю работу по дому, и готовить, и вообще. Обещаю.

Снова недолгое молчание.

— Ну что ж, — сказал холодный голос. — Я думаю, это избавит меня... Ладно. Оставь себе эту грязную тварюшку. Но не вини меня, если кошки разорвут ее на куски.

Большое существо ушло, и воздух снова успокоился. Сириус обнаружил, что его поднимают и прижимают к груди.

— Ты с ним поосторожнее, а то его опять стошнит, если будешь его так тискать, — сказал Робин и торопливо ушел, опасаясь новой уборки.

— Ты будешь хорошо себя вести, ладно? Конечно, будешь, — шепнула

Кэтлин Сириусу. Две капли упали ему на голову, и он вздрогнул. — Ты будешь моим верным псом. Я знаю, что ты особенный, ведь у тебя такие необыкновенные глаза. У нас с тобой будет много-много приключений. И не бойся кошек. Я буду следить, чтобы они тебя не обижали. — Кэтлин осторожно положила Сириуса обратно в корзинку, и он уснул.

К вечеру Сириус настолько пришел в себя, что вылез из корзинки и принялся за изучение окружающего мира. Он брел по дому, покачиваясь на нетвердых лапках и удерживая равновесие с помощью длинного пушистого хвоста, и набрел на ноги домочадцев. Его носик блестел от огромного количества новых запахов. Кошки сидели высоко на полках и столах и презрительно наблюдали за ним. Сириус чувствовал их раздражение, но понимал, что в присутствии людей они не посмеют сделать ему ничего плохого. Поэтому он не стал обращать на них внимание и сосредоточился на человеческих ногах. Дети носили на ногах какие-то предметы из ткани и резины. У Робина и Кэтлин ноги были примерно одного размера, но предметы на ногах у Кэтлин были старыми и изношенными. Ноги Бэзила оказались удивительно большими. Сириус принялся их обнюхивать, Бэзил наклонился и назвал его «Шеймус О'Кот».

— На самом деле я думаю назвать его Лео, — сказала Кэтлин.

— Лучше Крысом, — ответил Бэзил. — Шеймусом Крысом.

— Я тебе говорил, — сказал Робин.

Нашлась еще одна пара ног. Они принадлежали человеку, которого Бэзил и Робин звали папой, а Кэтлин — дядей Гарри. Эти ноги оказались самыми большими. На них было надето что-то кожаное, с красивыми шнурками, которые развязывались, если взять их зубами и потянуть. Сириус зажал в зубах шнурок и отскочил, размахивая хвостом и рыча от удовольствия.

Раздался голос, похожий на удар грома:

— *Брось!*

Сириус сразу же отпустил шнурок и отправился исследовать последние ноги — ноги Даффи. Ему не нравилась ни сама Даффи, ни ее запах, но ноги у нее оказались интересные. Они были одеты в кожаные полоски, так что края ног оставались открытыми. Каждая нога заканчивалась несколькими толстыми выступами с твердыми плоскими когтями, совершенно бесполезными на вид. Сириус с любопытством ткнулся в них носом.

— Не трогай! — сказал холодный голос.

Сириус послушно поднял голову и — то ли из нелюбви к Даффи, то ли просто по зову природы, он не знал — сделал лужу прямо между

двумя большими пальцами.

— Ох, Лео! — Кэтлин бросилась к его произведению с тряпкой.

— Грязный Шеймус Крыс! — заявил Бэзил.

— Это существо... — начала Даффи.

Но раскатистый голос перебил ее, спокойно погромыхая:

— Ладно, ладно. Ты уже высказалась, Даффи. А я говорю, что без собаки в доме чего-то не хватает. Как, ты говоришь, его зовут, Кэтлин?

Сириус понял, что ему ничего не грозит. В этом доме все подчинялось словам человека с раскатистым голосом. Сириус продолжал изучать комнату, а люди принялись спорить, как его назвать.

Этот спор так никогда и не решился полностью. В последующие дни Сириус обнаружил, что откликается на Лео, Шеймуса, Шеймуса О'Кота, Шеймуса Крыса, Крыса, Пса и Это Существо. Со временем добавлялись и исчезали другие имена. Эти использовались чаще всего. Больше всего кличек придумывал Бэзил. Даффи звала его Эта Собака или Это Существо. Робин обычно звал его Лео, если рядом была только Кэтлин, и Шеймус, если там был еще и Бэзил. Раскатистый голос его вообще никак не называл. Кошки тоже. Скоро только Кэтлин называла его Лео.

Сириус не возражал. Он по интонациям определял, что обращаются именно к нему, и отзывался. Больше всего ему нравился голос Кэтлин — мягкий, отличавшийся особенным певучим звучанием, и означавший, что его сейчас покормят или погладят. Меньше всех ему нравился голос Даффи. Голос Бэзила был немногим лучше. Обычно Бэзил подзывал его, чтобы щелкнуть по носу или грубо покатаить по полу. Но даже если Бэзил ничего этого не делал, Сириус рядом с ним чувствовал себя маленьким и слабым. А еще у Бэзила была неприятная привычка насмешливо глядеть ему прямо в глаза.

Глаза Сириуса скоро потеряли младенческий молочный оттенок. Сначала они стали травянисто-зелеными, потом посветлели. «Волчьи глаза, — сказал Бэзил и какое-то время называл Сириуса Волком. Примерно тогда же Сириус обнаружил, что может есть из блюда, и его перестали кормить из бутылочки. Он рос. И рос. И продолжал расти.

— Это твое животное что, собирается вырасти размером с лошадь? — спросил однажды раскатистый голос, неожиданно обративший внимание на Сириуса.

— Может, это датский дог? — предположил Робин.

— Ох, надеюсь, что нет! — сказала Кэтлин, которая знала, сколько Лео ест. Сириус понял, что она тревожится, и утешающе завилал хвостом, свисавшим из корзинки. К этому времени он уже еле помещался в

корзинке, а хвост у него был длинный и сильный.

Этот хвост был большим испытанием для всех. Сириус им размахивал. Он выбивал им пыль из ковра каждый раз, как кто-нибудь из домочадцев входил в комнату. Он считал это знаком вежливости. Где-то в туманной глубине разума, куда Сириус не мог толком заглянуть, он знал, что благодарен им всем — даже Даффи — за то, что они его пригрели и кормят. Но его вежливость ценили только Кэтлин и Робин. Все остальные говорили «Ну неужели этому существу обязательно надо так размахивать хвостом?». а иногда начинался скандал.

Хвост, казалось, жил своей собственной жизнью. Бегая по дому, Сириус обычно поднимал его вверх, изогнув полумесяцем, и вообще о нем не думал. В туманной глубине разума бродила мысль, что, возможно, у него не всегда был хвост, потому что Сириус вспоминал о нем только тогда, когда было уже слишком поздно. Если он радовался какой-то мелочи, если Робин начинал прыгать вокруг или Кэтлин приходила из магазина, Сириус весело бросался к ним, и его хвост начинал стремительно вертеться, сбивая все на своем пути. Мелкие предметы падали со столиков и разбивались. Кошки разлетались в разные стороны. Газеты тоже. И Бэзилы окаменелости. А в следующий миг на него обрушивался удар кошачьих когтей или тяжелой руки. За размахивание хвостом ему доставалось куда чаще, чем при обучении навыкам, положенным домашней собаке. В те дни Сириусу, избитому и пристыженному, частенько приходилось прятаться под буфетом, пока Кэтлин в слезах убирала осколки или складывала на место раскиданные газеты. Над ней постоянно нависала Даффи.

— Я тебя предупреждаю, Кэтлин. Если это существо когда-нибудь заберется ко мне в мастерскую, я его уничтожу.

От ее холодного голоса Сириуса пробирала дрожь.

Мастерская и магазин занимали две комнаты в передней части дома. Даффи проводила там большую часть дня — то издавала странный треск и стук в ближней комнате, то беседовала с разными людьми, заходившими в дальнюю комнату, которая выходила на улицу. Это были в основном женщины с громкими голосами, которые называли хозяйку Даффи. Если они приходили, когда Даффи нависала над Кэтлин в гостиной, они останавливались перед дверью и кричали: «Эй, Даффи! Это я!». пока Даффи не выходила.

В те дни мир Сириуса ограничивался домом и задним двором. Мастерская и магазин занимал большую часть первого этажа, так что Сириусу, конечно, было интересно туда попасть. Он обладал врожденным

любопытством. Кэтлин часто говорила:

— Считается, что любопытство сгубило кошку, но по-моему, любопытство сгубило собаку. Не суй туда нос, Лео.

Сириус несколько раз пытался сунуть свой любопытный круглый нос в дверь, которая вела в мастерскую. Но Даффи его не пускала. Обычно она выгоняла его пинками, иногда — веником. А однажды она захлопнула дверь, больно стукнув его по носу. Но он не отступал. Не то чтобы ему нравился пыльный глинистый запах из-за двери или хотелось быть вместе с Даффи. Просто он чувствовал, что лишен большей части своего мира. Кроме того, кошек-то туда пускали, а он быстро начинал им завидовать.

К этому времени трудно было сказать, кто кому больше завидует — Сириус кошкам или они ему. Он завидовал их надменному изяществу, завидовал легкости, с которой они запрыгивали в недоступные ему места, и способности незаметно появляться и уходить. Сам он ничего не был способен сделать незаметно. Кошки, со своей стороны, недолюбливали его за то, что он был собакой, что он был в доме новичком и привлекал всеобщее внимание.

Этим кошкам сильно не хватало человеческой нежности и ласки. Пока не приходила Кэтлин, никто, кроме Даффи, не обращал на них никакого внимания. Даффи время от времени приходило в голову, что она любит кошек. В таких случаях она хватала кого-нибудь из них, прижимала к груди и объявляла:

— Уси-пуси, мамочка так любит киску!

Ромул и Рем, полосатые близнецы, вырывались из ее хватки и удирали. Но Тибблс терпела. Ласковой кошке даже подобное тисканье казалось лучше полного безразличия. Тибблс была красивой кошкой, белой с эффектным полосатым пятном на спине, и заслуживала лучшего обращения.

Все трое любили Кэтлин. Она их щедро кормила, с самого начала отличала Ромула от Рема, ласкала и гладила Тибблс. А потом появился Сириус. Кэтлин по-прежнему кормила кошек, но больше Сириус ей ничего не позволял делать. Обнаружив Тибблс на коленях у Кэтлин, он в первый раз в жизни залаял. Разразившись высоким яростным лаем, он бросился на Кэтлин и ухитрился поставить передние лапы ей на колени. Тибблс поднялась и зашипела. Ее лапа вылетела вперед — один, два, три раза, пока Сириус не отскочил. Ему повезло, что глаза остались целы. Но он не перестал лаять, и взерошенная Тибблс вспрыгнула на буфет, яростно шипя и обещая отомстить.

— Ох, Лео! — с упреком сказала Кэтлин. — Так делать нехорошо. Почему ей нельзя сидеть у меня на коленях?

Сириус не понял вопроса, но решил, что Тибблс будет сидеть у Кэтлин на коленях только через его труп. Кэтлин принадлежала *ему*. Проблема была в том, что сама Кэтлин никак не могла это запомнить. Кэтлин была добра ко всему живому. Она кормила птиц, спасала мышей от кошек и пыталась выращивать цветы в потрескавшихся чашках у себя в спальне на подоконнике. Сириус ночевал у Кэтлин в спальне, сначала в корзинке, потом, когда корзинка стала слишком тесной и неудобной — у нее на кровати в ногах. Вечерами Кэтлин часами сидела в кровати, держа на коленях открытую книгу, и разговаривала с Сириусом. Он не понимал, что она говорит, но мрачно подозревал, что она ему рассказывает про свою огромную любовь ко всему живому.

Однажды во время дождя Ромул забыл про Сириуса и запрыгнул в окно спальни Кэтлин, чтобы поспать ночью у нее на кровати, как он делал до появления Сириуса. И тогда Сириус в первый раз в жизни настоящему зарычал. С грозным рыком он вскочил на лапы. Ромул тоже зарычал и удрал, по дороге сбив на пол цветочные горшки Кэтлин.

— Не надо так делать, Лео, — огорченно сказала Кэтлин. — Ему *можно*. А теперь посмотри, что он из-за тебя сделал! — Она так расстроилась из-за своих загубленных цветов, что Сириусу пришлось лизнуть ее в лицо.

Вскоре Сириус понял, что кошки замышляют месть. Это его не встревожило. Он знал, что кошки умны, особенно Тибблс, но совершенно не боялся их. К этому времени Сириус был по крайней мере вдвое больше кошки, и все еще продолжал расти. Лапы у него, как говорила Кэтлин, выросли с чайные чашки, и он обзавелся набором отличных новых зубов. Робин, прочитавший массу книг о собаках, сказал Кэтлин, что Лео определенно наполовину лабрадор. Но вот кто он был на вторую половину, им никак не удавалось понять.

Волнистая, удивительно блестящая шкура Сириуса имела золотисто-кремовый окрас, и только на каждом ухе было по яркому буровато-рыжему, цвета лисьей шкуры, пятну. И к тому же у него были странные зеленые глаза.

— Может, он рыжий сеттер? — неуверенно предположил Робин. — У них есть такая длинная шерсть на задней стороне лап.

— Он убудок, — сказал Бэзил. — Его мать была лисицей, а отец — белым крысом.

— Крысой, — поправил его Робин.

— Я так и думал, что ты согласишься, — сказал Бэзил.

Кэтлин, которая редко спорила с Бэзилем, ничего не сказала и пошла наверх стелить постели, а Сириус последовал за ней.

— Я думаю, что ты породы грифон, — сказала Кэтлин. — Вот смотри. — Она открыла дверь гардероба Даффи, чтобы Сириус мог посмотреть на себя в большое зеркало.

Сириус не растерялся и не принял свое отражение за другую собаку. Он даже не попытался оббежать зеркало, чтобы посмотреть, как туда попало его отражение. Он просто сел на пол и посмотрел в зеркало. Кэтлин воодушевилась:

— Ты действительно умен!

Сириус посмотрел в глаза своему отражению. Ему неоткуда было знать, насколько у него необычные глаза, но все же на мгновение ему показалось, что он смотрит в неизмеримую даль. Там он увидел необыкновенных существ и места, настолько непохожие на спальню Даффи, что их даже представить себе было трудно. Но видение явилось на миг и исчезло. Остались только зеленые глаза толстого пушистого щенка. Обеспокоенный встречей с непонятным, Сириус зевнул, словно крокодил, продемонстрировав все свои великолепные новые зубы.

— Да ладно тебе! — со смехом сказала Кэтлин. — Ты не настолько скучный!

На следующий день из-за этих великолепных зубов у Сириуса возникла новая проблема. Ему захотелось грызть. И грызть и грызть. Он начал с того, что сжевал свою корзинку, превратив ее во что-то вроде травяной юбки. Потом перешел к каминному коврику. Кэтлин вытащила коврик у него из пасти и дала ему старый ботинок, умоляя его ничего больше не жевать. Сириус в полчаса сжевал ботинок до дыр и огляделся в поисках чего-нибудь еще. Бэзил оставил на полу ящик с окаменелостями. Сириус выбрал кусок окаменевшего дерева, зажал его между передними лапами и собирался с наслаждением изгрызть, но тут прибежал Бэзил и так пнул Сириуса, что тот с воем покатился по комнате.

— Крыс вонючий! Только попробуй еще раз, и я тебя убью!

Сириус боялся пошевелиться. Он помахал хвостом в попытке извиниться и опять огляделся в поисках чего-нибудь, что можно было бы сжевать и изгрызть. Прямо у него перед носом с полки свисал отличный черный провод. Сириус задрал голову и с наслаждением принялся жевать. Так его и нашел Робин — с задранной головой и с проводом, свисающим по сторонам пасти.

— Кэтлин! Теперь он сжевал телефонный провод!

— Я пойду куплю резиновую кость, — сказала Кэтлин и ушла. Робин, боясь, что вот-вот придет Даффи, поскорее обмотал телефонный провод черной липкой лентой. Бэзил торопливо убрал свои окаменелости подальше от Сириуса.

Сириус тихонько забрался под буфет и улегся там, опустив морду на лапы и радуясь, что про него все забыли. И вдруг он понял, что ему на самом деле хочется сгрызть. Просто идеальный выбор. Тихонько постукивая по полу когтями, Сириус подобрался к двери и поднялся по лестнице. Он без труда приоткрыл носом дверь хозяйской спальни и с некоторым трудом открыл гардероб. Внутри стояли ботинки — такие длинные, большие кожаные ботинки, со шнурками и толстыми подошвами, которые так приятно грызть. Сириус выбрал самый сочный ботинок и утащил под кровать, чтобы насладиться добычей в тишине и покое.

Там его нашел раскатистый голос и принялся гонять тростью по всему дому. Даффи долго говорила что-то своим холодным голосом. Кэтлин плакала. Робин пытался объяснить про смену зубов. Бэзил усмехался. И все это время Тибблс сидела на буфете, деловито вылизывая внутреннюю сторону передней левой лапки, и, похоже, обдумывала какую-то мысль. Чтобы утешиться и выразить свое презрение к Тибблс, Сириус отправился в кухню и съел кошачий ужин. Потом он мрачно улегся на пол — жевать невкусный резиновый предмет, который ему дала Кэтлин.

— Это решает все, — заявила Даффи. — Когда ты пойдешь в школу, Это Существо и дня не останется в доме. Ты привяжешь его во дворе.

— Да. Да, хорошо, — робко сказала Кэтлин. — Я буду его выгуливать после школы. Я сегодня же начну приучать его к прогулкам.

Она купила еще кое-что, кроме резиновой косточки. А именно — красный кожаный ремень, который она застегнула у Сириуса на шее. Ему это не понравилось. Ремень был тугой, под ним чесалось. Но как Сириус ни вертелся, избавиться от этого ремня ему не удалось. Затем Кэтлин прицепила к красному ремню еще один ремень с петлей на конце — и, к огромному восторгу Сириуса, открыла боковую дверь в огромный мир, где он еще никогда не был.

Сириус в восторге помчался к выходу, но его остановил резкий рывок. Что-то дернуло его за шею. Он напрягся. Он двинулся вперед, таща Кэтлин за собой. Он издавал хриплые задыхающиеся звуки, чтобы Кэтлин поняла, что надо исправить. Он встал на задние лапы, пытаясь освободиться.

— Нет, Лео, — сказала Кэтлин. — Не надо тянуть.

Но он продолжал тянуть, возмущенный до глубины души. Он не раб

и не пленник. Он Сириус. Он — свободное светило, звезда высокой светимости. Его нельзя держать на привязи. Он уперся в землю всеми четырьмя лапами, и Кэтлин пришлось идти спиной вперед, таща его за собой.

Глава 3

Когда вас тащат на веревке, это больно и неприятно. Но Сириус окоченел от потрясения, и Кэтлин пришлось тащить его по всему коридору. Он был не тем, чем казался. Ему казалось, что мир остановился прямо перед его передними лапами, и он смотрит в бесконечные облачные зеленые глубины. То, что было в этих глубинах, пугало его, потому что он не мог этого понять.

— Ну в самом деле, Лео! — сказала Кэтлин в конце коридора.

Сириус сдался и пошел, сначала рассеянно, пытаясь понять, что произошло. Но он не мог позволить себе роскоши думать. Как только они оказались на улице, ему в нос одновременно ударил миллион новых запахов. Кэтлин шла быстро, и так же быстро шли другие ноги вокруг нее. А чуть подалее, со свистом и со странным запахом, пронеслись большие ревушие предметы. Сириус шагнул было в сторону, чтобы поближе посмотреть на эти предметы, и сразу отвлекся на что-то восхитительно пахнущее гнилью в канаве. Когда Кэтлин оттащила его оттуда, он почувствовал запахи, которые несколько собак оставили на фонарном столбе, а за ними — мусорный контейнер, который пах так вкусно, что у него слюнки потекли.

— Нет, Лео, — сказала Кэтлин, таща его дальше.

Сириус был вынужден последовать за ней. Его гордость была оскорблена тем, что он такой маленький и слабый, ведь он знал, что когда-то он был почти бесконечно силен. Как же получилось, что он теперь такой? Что произошло, что его так уменьшило? Но он не мог думать над ответом, когда на тротуаре поблескивало что-то черное, что требовалось немедленно обнюхать.

— Оставь, — сказала Кэтлин. — Это грязь.

Сириусу казалось, что Кэтлин говорит то же самое каждый раз, как только он найдет что-то действительно интересное. Кэтлин казалось, что

она сказала это несколько сот раз, пока они не дошли до луга у реки. А здесь его внимания властно потребовали еще несколько новых запахов. Кэтлин сняла поводок, и Сириус весело бросился во влажную зеленую траву. Он бегал туда-обратно, останавливаясь и приносясь, и его хвост скрутился в напряженный, взволнованный вопросительный знак. Прекрасные запахи. Восхитительные запахи. Что он искал на этой великолепной зеленой равнине? Он искал что-то. Он становился все больше и больше в этом уверен. Этот куст? Нет. Тогда этот пахучий кусок глины? Нет. Но что тогда?

Издали доносился слабо знакомый запах. Может, так пахнет то, что он ищет? Сириус помчался на запах, Кэтлин побежала за ним. Он остановился на берегу реки. Он ее знал, эту большую коричневую штуку — слабо припоминал — и шерсть у него на спине приподнялась. Нет, он ищет не это. И, конечно, хотя она коричневая и ни на секунду не перестает двигаться, но, судя по запаху, это всего лишь вода? Сириус почувствовал, что ему стоит проверить эту теорию — и быстро. Вода течет так быстро, подумал он, что скоро она проползет мимо и исчезнет, если он ее немедленно не поймает. Сириус осторожно зашел в нее. Да, это была вода, текущая вода. И она оказалась гораздо вкуснее, чем та вода, которую Кэтлин наливала ему в миску на кухне.

— О, нет! — сказала запыхавшаяся Кэтлин, выбежав на берег и увидев, как Сириус, вымазавший лапы в вонючей грязи, лакает из реки, как будто ничего не пил целую неделю. — Вылезай.

Сириус послушно вышел на берег. Он был очень счастлив. Он потерял о ноги Кэтлин, тем самым стерев с лап немного грязи, и продолжил изучать луг. Он все еще не мог понять, чего он ищет. Затем, неожиданно, как это бывает с щенками, он почувствовал, что устал — так устал, что не может пошевелиться. Кэтлин никак не могла заставить его встать. В конце концов она села рядом с ним и стала ждать, пока он отдохнет.

И там, сидя посреди зеленого луга, Сириус кое-что вспомнил. Он почувствовал, что внутри собственной головы он сидит в зеленом пространстве, громадном, безграничном, странном и еще более живом, чем тот луг, на котором сидит его тело. Это его напугало. Но он знал, что если будет внимательно разглядывать луг, то через некоторое время будет знать на нем каждую кочку и каждую кротовину. И точно также, подумал он, я могу изучить громадные зеленые пространства в своей голове.

«. не понимаю,» — подумал он, тяжело дыша и высунув язык. — «Почему эти странные зеленые пространства кажутся мной?»

Но его мозг был еще недостаточно велик, чтобы вместить эти пространства. Сириус попытался закрыться от них. Для этого он сжал зеленое видение в узкий канал, через который полились болезненные и жалкие воспоминания. Сириус знал, что его в чем-то несправедливо обвинили. Он знал, что кто-то его ужасно подвел. Как и почему, он не мог сказать, но он знал, что его приговорили. Он тогда злился, но толку не было. И еще существовало Зоаи. Он понятия не имел, что такое Зоаи, но знал, что должен найти его как можно быстрее. И как его найти, если он не знает, на что оно похоже, если он сам настолько мал и слаб, что даже такое доброе существо, как Кэтлин, может тащить его за собой на веревке? Он тихонько захныкал от безнадежности и непонимания.

— Ну, ну. — Кэтлин ласково похлопала его по спине. Ты *устал*, верно? Пойдем-как лучше домой.

Девочка встала с влажной примятой травы, снова привязала к ошейнику поводок, затем потянула, и Сириус пошел за ней. Он слишком устал и был слишком удручен, чтобы сопротивляться. Они вернулись тем же путем, как и пришли, и на этот раз Сириуса не интересовали разнообразные запахи. Ему и так было о чем подумать.

Взглянув на Сириуса, Робин что-то сказал. Это было «Он довольно грязный, верно?», но Сириус, конечно, его не понял. Бэзил тоже что-то сказал, и в отдалении прозвучал холодный голос Даффи. Кэтлин быстро принесла тряпки и полотенца и принялась оттирать Сириуса, а Даффи все говорила и говорила, и голос ее звучал так, что Сириус ежился. Он внезапно понял две вещи. Одна — то, что Даффи — а возможно, и вся семья — обладает властью над его жизнью и смертью. И вторая — ему нужно понимать, что они говорят. Если он не сумеет понять, чем недовольна Даффи, он, возможно, повторит ту же ошибку, и его за это убьют.

После этого он заснул на коврике у камина, вытянув все четыре лапы, и какое-то время мир для него не существовал. Он лежал прямо на проходе. Робин пинал его в одну сторону, Бэзил в другую. Громовой голос попытался закатить его под диван, но это было все равно что катить тяжелое бревно, и он сдался. Сириус так крепко спал, что ничего не замечал, и в голове у него немного прояснилось. Как будто из-за всего того, что Сириус видел и вспомнил в тот день, его мозг невольно вырос.

Проснулся Сириус страшно голодным. Он съел собственный ужин и доел за кошками остатки второго ужина, который им дала Кэтлин. Потом он с надеждой поискал чего-нибудь еще съестного, но не нашел. Тогда Сириус со вздохом улегся на пол, опустил морду на огромные

неуклюжие лапы, принялся наблюдать, как ужинают люди — они всегда оставляли себе самое вкусное — и изо всех сил пытался понять, что они говорят. Он с радостью обнаружил, что, сам того не замечая, уже знает довольно много слов, и даже знает, что означают некоторые из них. Но большая часть разговора звучала как бессмысленное бормотание. Ему понадобилось несколько дней, чтобы разложить это бормотание на слова и разобраться, как одни слова могут связываться с другими. Справившись с этой задачей, Сириус обнаружил, что раньше пропускал мимо ушей самую важную часть этих слов.

Он думал, что моментально выучил слово «гулять». Каждый раз, когда Кэтлин его говорила, Сириус вскакивал, зная, что это означает зеленый луг и текущую воду. В восторге от того, что обещало это слово, его хвост обретал собственную жизнь и сшибал на пол все вокруг, и Сириус позволял надеть на себя поводок ради того, что будет потом. Но он считал, что все эти удовольствия связаны со звуком «ля». Бэзил это обнаружил и немало поразвлекался.

— Шляпа, Крыс! — покрикивал он. — Глянь! Земля!

Каждый раз Сириус вскакивал, размахивая хвостом и наострив рыжие висячие уши, только для того, чтобы разочароваться. Бэзил покатывался от хохота.

— Нет, обломись, Крыс. Тля, для, конопля!

На самом деле Бэзил оказал Сириусу услугу — научил его прислушиваться к началу слов. К концу недели Сириус старался расслышать тот звук, который люди произносили, собрав губы трубочкой. Этот звук казался ему трудным. Он не был уверен, что когда-нибудь научится произносить его сам. Но он знал, что когда перед «ля» шло «гу», это было настоящим, и никак иначе. Он не отзывался на «валять» или «стрелять». и Бэзил из-за этого сильно досадовал.

— От этого Крыса больше никакой радости, — бормотал он.

Кэтлин с облегчением обнаружила, что Лео почти перестал грызть вещи. Сириус был слишком занят обучением и наблюдением, чтобы делать что-то еще, кроме как рассеянно жевать свою резиновую кость. Теперь он рвался к знаниям. Он продолжал постигать огромное зеленое нечто в самом себе, постоянно ускользавшее от его зрения. Он никак не мог как следует его разглядеть, но увидел достаточно, чтобы знать, что теперь он стал чем-то глупым и невежественным, подвешенным на четырех неуклюжих лапах, с разумом, похожим на симпатичное решето. Он должен был узнать, почему это произошло, иначе он никогда не сможет ничего понять про Зоаи.

Так Сириус слушал и слушал, и наблюдал, пока у него не начинала болеть голова. Он наблюдал за кошками, как и за людьми. И медленно, медленно начинал постигать смысл вещей. Он узнал, что животные считаются ниже людей, потому что они глупее, меньше и не такие ловкие. Люди пользовались своими руками тысячью хитрых, тонких способов. Если они не могли что-то сделать руками, им хватало ума придумать какой-то подходящий инструмент. Осознание этого факта оказало огромную помощь Сириусу. У него были странные, туманные воспоминания о том, как он сам пользовался Зоаи примерно так же, как люди пользуются инструментами. Но животные этого делать не могли. Поэтому у людей и была власть над их жизнью и смертью.

Тем не менее Сириус замороженно наблюдал, как кошки, особенно Тибблс, пользуются лапками почти так же ловко, как люди руками. Тибблс могла стянуть салфетку с мясного блюда, а Ромул и Рем выпускали когти и вытаскивали мясо наружу. Она могла опустить шпингалет на кухонном окне и попасть в дом дождливой ночью. И еще она могла открыть любую дверь, у которой не было круглой ручки. Сириус смотрел вниз на свои громадные толстые лапы и глубоко вздыхал. От них было столько же толку, сколько от ног Даффи. Может, он был сильнее, чем все три кошки вместе взятые, но он не мог так пользоваться лапами, как они. Он понимал, что из-за этого он больше зависит от людей, чем кошки. Кошки жили интересной собственной жизнью и в доме и снаружи, а Сириусу нужно было ждать, пока его человек куда-нибудь поведет. Он впал в глубокое уныние.

Потом он обнаружил, что тоже умеет соображать.

Это было связано с нарядным звенящим красным ошейником. После первой прогулки Кэтлин так и не сняла ошейник с Сириуса. Сириус возненавидел ошейник. От него чесалась шея, а постоянный звон страшно раздражал. Но Сириус очень скоро понял, что это не просто неприятный предмет, а знак и инструмент человеческой власти над ним. Человеку — например, Бэзилу — достаточно было только ухватиться за ошейник, чтобы Сириус оказался беспомощным пленником. И если затем Бэзил щелкал Сириуса по носу или отбирал у него кость, то этим он демонстрировал свою власть над щенком.

Так что Сириус принялся обеспечивать себе возможность освобождаться от этого ошейника, когда захочет. Он стал чесаться. Чесаться. Чесаться. А ошейник звенел, звенел, звенел.

— Пусть эта грязная тварь перестанет чесаться, — сказала Даффи.

— Я думаю, может, ему ошейник тесноват, — сказал Робин. Они с

Кэтлин осмотрели ошейник и ослабили его на две дырочки.

Для Сириуса это было существенное облегчение. Ошейник больше не чесался, хотя и звенел еще назойливее, чем раньше. Той ночью, немного повозившись под кроватью Кэтлин, он сумел зацепиться ошейником за одну из кроватных пружин и попытался стащить его, отступая назад. Ошейник застрял у него за ушами. Было больно. Ошейник не сдвигался. Сириус не мог его ни снять, ни надеть обратно. Он даже не мог отцепить ошейник от пружины. Его уши его убивали. Он запаниковал, завизжал и запрыгал, раскачивая кровать.

Кэтлин с криком села.

— Лео! Помоги! У меня под кроватью привидение! — Она немного успокоилась и добавила: — Что ты там такое *делаешь*, Лео? — После этого Кэтлин включила свет, встала и заглянула под кровать. — Глупый щенок! Как ты ухитрился так застрять? Сиди спокойно. — Она отцепила Сириуса и вытащила его из-под кровати, и он в порыве благодарности облизал Кэтлин все лицо. — Перестань, — сказала Кэтлин. — И давай спать.

Сириус послушно свернулся у Кэтлин на кровати и подождал, пока она не уснула. Затем он слез на пол и снова начал чесаться. И как только рядом никого не оказывалось, он принимался усердно чесаться, всегда в одном и том же месте, в складках кожи под подбородком. Было не слишком больно, и все же вскоре он заполучил очень удовлетворительную ссадину.

— Твоей лошадке ошейник туговат, — сказал Кэтлин громовой голос. — Посмотри.

Кэтлин посмотрела и почувствовала себя ужасно.

— О, мой бедный Лео! — Она ослабила ошейник еще на три дырочки.

Этой ночью, к своему великому удовлетворению, Сириус обнаружил, что может оставить ошейник висящим на кроватной пружине, а сам — бегать по дому так, что единственным сопровождающим его звуком был негромкий стук когтей. Не так-то легко оказалось надеть ошейник обратно. Кэтлин еще дважды просыпалась, думая, что у нее под кроватью привидение, прежде чем Сириус сообразил, что просовывать голову в ошейник надо с другой стороны. Тогда ошейник соскакивал с пружины и надевался ему на шею одним аккуратным движением. Он свернулся на кровати Кэтлин, очень довольный собой.

От этого достижения уверенность Сириуса в себе сильно выросла. Он начал подозревать, что может решить почти любую проблемы, если как следует ее обдумает. Может, у него и неуклюжее тело, но соображает

он не хуже кошек. Он очень вовремя это понял, потому что однажды после обеда, когда Кэтлин, Робин и Бэзил были на прогулке, еще когда Сириус знал всего несколько слов из человеческой речи, Тибблс сделала все возможное, чтобы избавиться от него навсегда.

Сириус, которому было скучно и одиноко, тихо забрался на диван и уснул там. Ему нравился этот диван. Он считал несправедливым, что люди не пускают его в самые удобные места в доме. Но он решился только подремать. По второму этажу ходила Даффи. Похоже, сегодня она решила остаться дома, а Сириус на собственной шкуре понял, что в такие дни надо быть особенно осторожным.

Он продремал почти час, когда на него прыгнул Ромул. Он врезался в Сириуса, как бомба, выпустив когти и шипя. Сириус с визгом вскочил. Сперва он был изумлен, и только. Но Ромул был тяжел и решительно настроен. Он вцепился когтями Сириусу в спину, и Сириус, секунду или около того, не мог его стряхнуть. В эти секунды Сириус пришел в ярость. Она была словно язык зеленого пламени у него в голове. Как Ромул посмел! Сириус сбросил кота со спины и погнался за ним, рыча и оскалив все свои острые белые зубы. Ромул только один раз на него оглянулся, перепрыгнул через подлокотник дивана и исчез. Зубы Сириуса щелкнули в воздухе. Когда он добрался до ковра, Ромула нигде не было видно.

Пузырящееся шипение привлекло внимание Сириуса к Рему, который стоял, выгнув спину, на пороге мастерской. Дверь в мастерскую была открыта. Рем скалился и плевался. Зеленая ярость Сириуса вспыхнула еще ярче. Он ответил глубоким раскатистым рычанием, которое удивило его самого почти так же, как Рема. Шерсть у него на спине и плечах вздыбилась, а глаза вспыхнули зеленым пламенем. Рем уставился на этот кошмар из глаз, зубов и вздыбленной шерсти, и его собственная шерсть стала подниматься, подниматься и подниматься, пока он не стал казаться чуть ли не в два раза больше, чем был. Он плюнул. Сириус зарычал, как мотоцикл, и медленно двинулся вперед на напряженных лапах, чтобы разорвать Рема на кусочки. Он был зол, зол, зол.

Рем только и дожидался того, чтобы Сириус двинулся к нему. Затем он безо всякого мужества или достоинства метнулся в сторону. Он сделал то, что хотела его мать, но даже ради Тибблс он не собирался глядеть на этот кошмар дольше необходимого. Когда Сириус добрался до двери в мастерскую, Рема нигде не было видно. Была только Тибблс, одна на пыльном полу в середине комнаты.

Перед входом в мастерскую Сириус остановился. Несмотря на пылав-

шую в нем ярость, он осознал, что что-то здесь не так. Эта дверь должна быть закрыта. Видимо, Тибблс ее открыла. Видимо, она пытается заманить его внутрь с какими-то своими целями. Осторожность велела не поддаваться на провокацию. Но ему всегда хотелось осмотреть мастерскую и магазин, и он по-прежнему был очень зол. Чтобы посмотреть, что будет дальше, он еще немного приоткрыл дверь и грозно зарычал на Тибблс.

Увидев и услышав его, Тибблс превратилась в арку толщиной с бумажный лист, и ее хвост поднялся отчаянным вопросительным знаком. Что это, щенок или чудовище? Она была в ужасе, но не отступала, потому что это был шанс от него избавиться.

Ее ужас дал Сириусу возможность испытать довольно забавное ощущение власти. Медленно, на напряженных лапах он вошел в комнату. Тибблс плюнула и отступила в сторону, так выгнув спину, что она казалась куском бумаги, трепещущим на ветру. Сириус видел, что она хочет, чтобы он за ней погнался. Секунду он подумал, как приятно было бы взять ее узкую выгнутую спину в зубы и мотать головой, пока она не переломится. Но Сириус был уверен, что не сумеет ее поймать, так что не стал обращать на нее внимания. Вместо этого он важно прошел по пыльному полу, рассматривая предметы, сложенные у стен и загромождавшие полки.

Сириус осторожно понюхал их. Что это за вещи? Им овладело любопытство, рычание стихло, и шерсть на спине снова улеглась блестящими волнами. У предметов был невыразительный, глинистый запах. Некоторые были влажными и розовыми, некоторые — бледными и сухими, а некоторые блестели, раскрашенные безобразными серо-зелеными красками. Они напоминали чашки, из которых пьют люди, и Сириус подумал, что они, вероятно, сделаны из того же материала, что и плошка с надписью ПЕС, в которую Кэтлин наливает для него воду. Но Сириус не мог сунуть язык ни в одну из них. Люди не могли бы из них пить.

Затем он вспомнил ту штуку на камине в гостиной, которую Кэтлин однажды утром разбила, вытирая пыль. В этой штуке была одна роза. Даффи была взбешена.

Тогда Сириус понял. В эти штуки ставят розы, и они бьются. Если пес погонится среди них за кошкой, результат будет очень эффективным. Даффи обязательно выполнит все свои холодные угрозы. Какая умная эта Тибблс!

Осторожно, тщательно следя за лапами, чтобы ничего не разбить, Сириус внимательно осмотрел две комнаты, в которых располагалась

мастерская. Он принюхался к рядам керамики ручной работы. Он обнюхал глазурь. Он осмотрел влажную новую глину. Он поставил лапу на табуретку, чтобы осмотреть розовое пыльное колесо, на котором Даффи делала эти вещи, и принюхался к печи, в которой она их обжигала. Там пахло лучше всего. Этот запах породил странное чувство тоски по дому.

Сириус зашел в магазин, где ряды блестящих горшков, раскрашенных в блеклые цвета, ждали, пока их кто-нибудь купит. Там он не нашел ничего интересного. И вообще мастерская и магазин его разочаровали. Сириус изумился, что кто-то, пусть даже Даффи, может придавать значение подобным вещам. Но он был уверен, что Даффи действительно считает их важными. Холодный пыльный запах мастерской соответствовал ее характеру.

Тибблс следовала за ним, словно разгневанная тень. Как это существо может отказаться от соблазна погнаться за ней — ради того, чтобы вот так ходить и принюхиваться? Но Сириус не обращал на нее внимания. Решив, что он уже достаточно увидел, пес осторожно развернулся и, следя за каждым шагом, направился к открытой двери. Он решил вернуться обратно на диван.

Но Тибблс это не устраивало. Твердо решив выполнить свой план, она бросилась на Сириуса и вонзила когти ему в морду. Затем кошка прыгнула на полку под самым потолком, почти полностью заставленную вазами и горшками.

Тут-то она и промахнулась. То ли она поспешила и не успела рассчитать прыжок, то ли просто решила, что все разбитые горшки все равно можно будет свалить на Сириуса. В результате Тибблс врезалась в здоровенную пурпурную вазу. Ваза перевернулась, медленно и грозно, врезалась Тибблс в бок и упала на пол кучкой черепков. Тибблс еле успела вонзить когти в самый край полки и повисла, пытаясь зацепиться за полку снизу когтями задних лап. Сириус метнулся прочь, почти оглушенный грохотом. Оглянувшись, он увидел, как Тибблс отчаянно скребет когтями полку, а другой конец полки резко поднимается вверх.

Глава 4

Сириус беззвучно пробежал по ковру в гостиную, инстинктивно припадая на задние лапы и поджав хвост. Даффи мчалась вниз. Из мастерской доносился грохот, звук одной разбивающейся вазы следовал за другой. Вазы соскальзывали с наклонившейся полки через голову беспомощной Тибблс, одна за другой падали в кучу у дверей и разбивались.

Когда Даффи ворвалась в гостиную, Сириус метнулся в кухню, влетел под раковину и забился за мусорное ведро. Там уже спрятался Ромул. Он вяло плюнул в Сириуса, но оба понимали, что положение слишком серьезное, чтобы драться. Они оба свернулись, дрожа, бок о бок в этом грязном закутке, и прислушивались к жутким звукам, доносившимся из мастерской.

В самый горячий момент Сириус и Ромул поняли, что разговаривают друг с другом.

- Что случилось? Что пошло не так?
- Это она виновата. Она прыгнула на полку. Все посыпалось вниз.
- Ее убивают. *Сделай* что-нибудь!
- *Сам* сделай что-нибудь.

Судя по звукам, Тибблс действительно убивали. Снова и снова раздавались тяжелые удары и холодные высокие вопли Даффи. Затем раздался жуткий визг, наполовину кошачий, наполовину человеческий. В комнату влетел Рем — толстый полосатый сгусток паники — и тоже помчался к мусорному ведру. Увидев, что Ромул и Сириус уже там, он остановился и в отчаянии пригнулся, сердито глядя на них.

- Помогите! Дайте мне спрятаться! Она нас убивает!
- Даффи уже бесновалась в гостиной.
- Где эта *треклятая* кошка?

От этого вопля Рем как-то ухитрился втиснуться рядом с Ромулом, дрожа так, как будто у него внутри мотор. Сириус почувствовал, что с

противоположной стороны его выталкивают наружу.

— Эй!

— Извини, извини, извини! — дрожал Рем. — О, боги!

Из соседней комнате раздался визг, похожий на паровозную сирену. Что-то разбилось, возможно, новая ваза для роз.

— Проклятье! — завопила Даффи. — *Вот ты где, дьяволица!*

Было ясно, что Тибблс попалась. Послышались тяжелые, резкие удары. С такими же звуками Кэтлин выбивала пыль из ковров, развешанных на веревке. Даффи визжала в такт избивению:

— Я — тебя — научу — как — бить — мою — керамику!

Сириус обнаружил, что не может этого вынести. Может, Тибблс и заслуживает наказания, но никак не избивения до смерти. Свойственная собакам ненависть к раздорам в семье, а также мощное зеленое чувство справедливости, заставили его выбраться из-под раковины и стремглав кинуться в гостиную. Следом понесся взрыв изумления Ромула и Рема.

Даффи стояла на коврик у камина, широко расставив обутые в сандалии ноги. Одной рукой она держала Тибблс, сжавшуюся и беспомощно повисшую в воздухе, а другой рукой сильно и ритмично колотила ее. Сириусово зеленое чувство справедливости смешалось с гневом. Ему так захотелось вонзить сразу все свои белые зубы в выпуклую мышцу Даффиной ноги, что пришлось сказать себе, что эта нога наверняка окажется очень мерзкой на вкус. Поэтому Сириус бросился на Даффи, с силой врезался ей в живот и упал на пол. Даффи пошатнулась.

— Пропади ты пропадом, животное! Убирайся!

Сириус вскочил и принялся прыгать вокруг Даффи, пытаясь допрыгнуть до Тибблс и возбужденно лая.

— Немедленно прекрати лезть не в свое дело! — заорала Даффи, поднимая ногу для пинка.

Сириус понял, что до Тибблс ему не дотянуться — Даффи держала ее слишком высоко. Но когда Даффи попыталась его пнуть, он быстро оббежал восьмеркой вокруг ее ног и заставил ее потерять равновесие. Чтобы ухватиться за камин, Даффи пришлось выпустить кошку. Тибблс шлепнулась на все четыре лапы и, словно белая молния, унеслась наверх.

— Черт! — завизжала Даффи и замахнулась на Сириуса. Он помчался за диван, решив, что его опять побьют шваброй. Даффи бросилась за ним.

К счастью, они успели только дважды оббежать вокруг дивана, когда открылась боковая дверь, и вошли Робин, Бэзил и Кэтлин.

— Что тут творится? — спросил Бэзил.

К изумлению и облегчению Сириуса, Даффи тут же о нем забыла и начала долго и пронзительно вопить про убытки, который она понесла из-за этих негодных кошек. Ромул и Рем воспользовались возможностью и удрали через открытую дверь. Никто из них в тот день больше не появлялся. Сириус предполагал, что и ему следовало бы поступить так же, но ему не слишком этого хотелось. Он был так рад снова увидеть Кэтлин. Он побежал к ней, повизгивая от удовольствия.

Пока Даффи торжественно распахивала двери мастерской и демонстрировала кучу черепков, Кэтлин обняла Сириуса.

— Я очень рада, что в этот раз ты не при чем, — прошептала она.

Сириусу казалось несправедливым, что Кэтлин пришлось убирать разбитые горшки. Но он заметил, что Кэтлин всегда делала почти всю работу по дому. Он улегся недалеко от двери в мастерскую и протестующе хныкал, пока она не закончила и не увела его на луг.

Тем временем Даффи помчалась наверх ловить Тибблс. Но Тибблс сообразила как следует спрятаться в самой глубине посудного шкафа, и Даффи ее не нашла.

Тем вечером после ужина Даффи сердито закрылась в мастерской и принялась работать на гончарном круге, чтобы восстановить хотя бы часть разбитого товара. Услышав, что круг завертелся, Тибблс наконец решилась выйти из своего укрытия. Сильно избитая, взъерошенная и голодная, она спустилась вниз и, хромая, пробралась в гостиную. Ее увидел только Сириус. Робин, Кэтлин, Бэзил и громовой голос сидели за столом и играли в какую-то игру. Сириус лежал на коврик у камина с крепкой сырой костью в лапах, наклонив голову набок и с наслаждением грызя кость задними зубами. Он посмотрел на Тибблс сверху вниз. Кошка, заметив, что он ее увидел, остановилась в дверях.

— Все в порядке. Опасности нет, — сказал ей Сириус. — Она в мастерской. А в кухне полно мясных обрезков.

Тибблс не ответила. Она изящно ушла в кухню, элегантно встряхивая каждой лапкой, прежде чем поставить ее на пол. Человек на это пожал бы плечами, а Сириус просто вернулся к своей кости.

Спустя некоторое время, когда Сириус расправился с костью и дремал, Тибблс вышла из кухни и медленно подошла к каминному коврику. Она выглядела получше, но все еще была очень взъерошена. Кошка села, обернув хвост вокруг лап, и уставилась на Сириуса.

— Мне все еще больно. Это все из-за тебя.

Сириус поднял бровь и посмотрел на нее зеленым глазом.

— Из-за тебя тоже. Но извини. Я испугался, что она тебя убьет.

— Она хотела меня убить, — сказала Тибблс. — Она любит эти дурацкие глиняные горшки. Спасибо, что остановил ее. — Она подняла переднюю лапку и вяло лизнула ее. — Я чувствую себя ужасно, — жалобно сказала она. — Что же мне делать?

— Иди сюда, я тебя вылижу, — решился предложить Сириус.

Он ожидал, что Тибблс встретит это предложение с презрением, но она встала и небрежно, как будто ей было все равно, улеглась у него между передними лапами. Изумленный и польщенный, Сириус робко лизнул ей спину. На вкус она была чистая и пушистая.

— Повыше и немного правее, — сказала Тибблс, изящно подбирая под себя лапки.

Через полчаса Кэтлин подняла глаза от карт.

— О боже праведный! — воскликнула она. — Вы только посмотрите на это!

Все посмотрели и вскрикнули, увидев, как Тибблс свернулась клубком между лапами пса, а его голова покоится у нее на спине. На полосатой спине Тибблс виднелись прилизанные влажные места.

Увидев, что люди на нее смотрят, кошка подняла голову и дерзко уставилась на них. «А почему это я не должна тут сидеть?» Затем она ласково повернула свой розовый носик к черному носу Сириуса и опять принялась мурлыкать.

Сириус ударил своим тяжелым хвостом об пол. Он чувствовал тепло и гордость от того, что эта красивая белая кошка мурлычет для него. Сириус посмотрел на свернувшееся клубком маленькое тело и призадумался. Это было знакомо. Точно так же, туманно выступая из глубин, было знакомо все, что произошло сегодня. Когда-то, в туманном зеленом прошлом, рядом с ним тоже были трое других существ, и он тоже пришел в ярость. Но тогда, насколько он мог вспомнить, беда случилась с ним, а не с его Спутницей.

И тогда пришли воспоминания и принесли с собой огромную печаль. Когда-то, где-то, у него была Спутница, такая же маленькая и белая и почти такая же элегантная, как Тибблс. Он любил свою Спутницу всем сердцем и давал ей все, что она захочет. Затем его вынудили ее оставить. Он не мог вспомнить, кто и почему, но знал, что произошло что-то плохое. Сириус был рад, что здесь есть Тибблс, которая может хоть немного заменить ему потерянную Спутницу. И Кэтлин. Сириус посмотрел на Кэтлин одним глазом и вздохнул. Раньше у него была Кэтлин, а теперь есть еще и Тибблс. Может, ему и вовсе не о чем грустить. Но глубоко внутри он чувствовал такое зеленое горе, что заплакал бы, если бы

собаки умели плакать.

Той ночью Тибблс пришла в комнату к Кэтлин и свернулась на кровати рядом с Сириусом.

— Вы тяжелые, вдвоем-то, — сказала Кэтлин, толкая их ногами. — Если бы вы были не такие теплые, я бы скинула вас на пол. — Она устроилась поудобнее, вытянув ноги вдоль стены, и заснула, шепча: «Я рада, что вы подружились. Но как же бедные Ромул и Рем?»

К радости Кэтлин, ее щенок установил хорошие отношения со всеми тремя кошками. Ромул и Рем не привязались к Сириусу так, как Тибблс — это просто было не в их характере. Но он им нравился. Они его уважали за то, что он спас Тибблс, когда никто из них на это не осмелился. К тому же Сириус был такой большой, что мог греть и Тибблс, и Ромула с Ремом одновременно. Когда кошки перестали прятаться от Даффи, часто можно было видеть всех четверых в одной куче на коврик у камина — кошки мурлыкали, а Сириус лениво постукивал хвостом по полу. Сириусу нравилось так лежать. Это напоминало ему первые дни его жизни, когда с ним были братья и сестра.

Ему очень нравились и Тибблс, и Ромул с Ремом. С ними было интересно поговорить. Общаясь с ними, Сириус чувствовал себя умнее. А когда он обнаружил, что они не понимают человеческую речь, то почувствовал себя действительно очень умным.

Сириус быстро начал понимать язык людей почти полностью. Кошки же не могли выучить больше одного-двух слов. Они стали полагаться на Сириуса, который передавал им, если люди говорили что-то важное. Когда Даффи впадала в очередной припадок холодной ярости, они шли к Сириусу и нервно спрашивали, что забесило ее на этот раз. Сириус ощущал приятное чувство превосходства, даже если отвечал только «я запачкал диван» или «Кэтлин дала мне кость, на которой еще оставалось немного мяса».

— Жаль, — заметила однажды Тибблс, задумчиво вылизывая лапку, — что *она* тебя так сильно ненавидит. Может, тебе стоило бы пойти жить куда-нибудь еще.

— Я не думаю, что Кэтлин захочет, чтобы я ушел, — сказал Сириус.

— Кэтлин могла бы пойти с тобой. *Она* ее тоже ненавидит, — заметила Тибблс.

Сириус это знал. Самое первое, что он попытался выяснить, как только начал более-менее понимать человеческую речь — почему Даффи так ненавидит Кэтлин. Разобраться оказалось нелегко, потому что с этой проблемой было связано множество не слишком-то понятных вещей. Си-

риусу пришлось узнать, почему Бэзил вечно смеется над Кэтлин за то, что она ирландка, и что такое ирландка, и почему отрывисто-певучий выговор Кэтлин непохож на манеру разговора остальных членов семьи.

Затем, однажды вечером, Сириус увидел на экране телевизора человека, говорившего с таким же отрывисто-певучим акцентом. До того времени ему не приходило в голову, что можно узнать что-то полезное из телевизора или радио. Теперь он обратил внимание и на то, и на другое. Но с радио ему справиться не удалось. Радио говорило плоским глухим голосом, и у него не было лица или картинки, чтобы Сириус мог увидеть, о чем оно говорит. А вот телевизор смотреть оказалось нетрудно, и информации из телевизора можно было получить гораздо больше. В конце концов Сириус во всем разобрался.

Даффильды были английской семьей, но Кэтлин родилась в стране под названием Ирландия, где происходили плохие события, и фамилия у нее была О'Брайен. Кое-где в Ирландии, как понял Сириус, горели машины и дома, а люди стучались в двери и убивали тех, кто им открыл.

Иногда ирландцы приезжали в Англию и проделывали там то же самое, что объясняло некоторые фразы Бэзила. Мать Кэтлин была дальней родственницей мистера Даффильда — того, который говорил громовым голосом — но когда в Ирландии начались беспорядки, она бежала в Америку. А отца Кэтлин посадили в тюрьму за то, что он был террористом. Так что мистер Даффильд послал за Кэтлин и пригласил ее пожить у них.

Сколько Сириус ни пытался, он не мог понять, что у Кэтлин общего со сценами террора, которые он видел по телевизору. Она была самым ласковым и надежным человеком в доме. Но Бэзил и Даффи, очевидно, что-то общее видели.

Настоящее имя Даффи было Дафна Даффильд, и она не любила Кэтлин по нескольким причинам сразу. Во-первых, она очень злилась, что мистер Даффильд не посоветовался с ней, прежде чем послать за Кэтлин. Кроме того, у Кэтлин совсем не было денег — только однажды отец прислал ей немного денег из тюрьмы. Каждый раз, когда Даффи сердилась — а это бывало часто — она подолгу громко рассуждала о том, что семье приходится кормить лишний рот, и о затратах на одежду, и о затратах на Сириуса, и о цене всего того фарфора, который Кэтлин перебила, когда мыла посуду, и о многих других затратах. И Даффи терпеть не могла ирландцев. Она считала их лентяями. Кэтлин она звала глупой и неряшливой лентяйкой.

Кэтлин готовила всю еду, убирала почти весь дом и выполняла еще

десятки разных поручений. Но поскольку она была ненамного старше Робина, она не всегда делала все это хорошо. Некоторые вещи ей никогда не приходилось делать раньше, на некоторые не хватало сил, а иногда она заигрывалась с Сириусом и забывала, что ей надо мыть ванную. Тогда приходила Даффи и выговаривала ей холодным высоким голосом, от которого Кэтлин дрожала, а Сириус съеживался.

Даффи всегда завершала свою брань одними и теми же словами:

— И я сделаю так, чтобы эту тварь уничтожили, если ты не исправишься.

Сириус понял, что его используют, чтобы шантажировать Кэтлин, заставляя выполнять всю работу и вдобавок терпеть брань Даффи. Когда Кэтлин принесла его домой — крохотного вымокшего щенка — Даффи сильно разозлилась, и Кэтлин обещала помогать по дому, если Даффи позволит ей оставить Сириуса. Даффи поймала ее на слове. К концу лета Даффи ничего не делала по дому, только лепила свои горшки и бранила Кэтлин. А Сириусу все больше хотелось запустить зубы в Даффи. Когда она начинала холодным пронзительным голосом визжать на Кэтлин, Сириус смотрел на ее полные икры и отчаянно хотел вцепиться в одну из них. Но он этого не делал, потому что знал, что Кэтлин это совершенно не поможет. Вместо этого он глухо, глубоко рычал и дрожал от усилий, требовавшихся, чтобы не укусить Даффи.

Сириус хотел, чтобы мистер Даффилд велел Даффи прекратить так плохо обращаться с Кэтлин. Но он скоро понял, что мистера Даффилда интересует только его работа, поглощавшая все его время с утра до вечера, и что мистер Даффилд возражает Даффи только в тех случаях, когда она причиняет какое-нибудь неудобство ему самому. Вечерами Даффи обычно не измывалась над Кэтлин.

А Бэзил измывался над Кэтлин почти все время. Сириус скоро понял, что на самом деле Бэзил вовсе не ненавидит Кэтлин, а просто подражает Даффи.

Когда Сириус подрос, он совершенно перестал бояться Бэзила. Если Сириус видел, что безмозглые насмешки Бэзила начинают действовать Кэтлин на нервы, он останавливал мальчишку. Обычно достаточно было отвлечь Бэзила, начав с ним играть. Но иногда Бэзил бывал в очень плохом настроении. И тогда Сириус обнаружил, что может заставить мальчика замолчать, уставившись прямо на него. Если он начинал смотреть своими странными зелеными глазами в светло-голубые глаза Бэзила, тот оставлял в покое Кэтри, переносил свою злобу на пса и принимался издеваться над ним.

— Шеймус Волк! Грязное ползучее чудовище! Красноухая крыса! — Сириус не обращал внимания на эти вопли.

— Я читал в одной книге, что ни одно животное не может смотреть человеку в глаза, — неосторожно заметил однажды Робин.

— Лео — необыкновенный пес, — сказала Кэтлин.

Бэзил стукнул Робина по носу. Он собрался было как следует побить младшего брата, но Сириус, рыча, поднялся и встал между мальчишками. Робин убежал и заперся в кладовке. Бэзил испугался. Он понял, что может легко превратить Шеймуса Волка в своего врага, а это будет обидно, потому что с ним гораздо веселее, чем с глупыми кошками.

— Если хочешь, я погуляю с Крысом, — предложил он. Крыс был только рад. И поскольку Кэтлин была занята попытками выскоблить несколько дюжин клубней молодой картошки, она согласилась.

Так что Бэзил с Сириусом пошли гулять и принялись бегать по зеленому лугу, неистово крича и лая. Они встретили еще четверых собак и пятерых мальчиков, и все они бегали туда-сюда по грязи у реки, пока не вымазались и не устали. Когда они пришли домой, оказалось, что их дожидается Робин с заметно припухшими глазами. Он обнял Сириуса, и тот ласково принялся вылизывать мальчику лицо. Сириус любил Робина и знал, что тот находится в сложном положении. Робин — единственный в семье — любил Кэтлин, и к тому же он обожал собак. Но он был всего лишь маленьким мальчиком. Он боялся Бэзила и хотел угодить Даффи.

К сожалению, Сириус забыл, какой он грязный. Он испачкал Робина и кухонный пол. Вошла Даффи и впала в свой холодный гнев. Кэтлин как раз готовила ужин, но ей пришлось найти время принести Робину чистую одежду и вымыть пол на кухне, пока Бэзил язвил, а Робин пытался решить, то ли ему тоже начать язвить, то ли предложить свою помощь. В подобных случаях Сириус чувствовал, что Кэтлин было бы лучше, если бы он убежал.

Но он не сбежал, потому что, как он сказал Тибблс, он знал, что Кэтлин расстроится. Кроме того, бывало же время, когда Даффи запиралась у себя в мастерской, и ему было хорошо. Робин, Кэтлин — и Бэзил, если он был в настроении — затевали в гостиной возню, пытаясь затолкать Сириуса под диван, но пес обычно выскальзывал у них из-под рук, и они просто валились в кучу малу.

Или же они все шли на луг и кидали в реку палки, чтобы Сириус их оттуда вылавливал. Сириус приносил палку, но ребята установили правило, что нельзя просто забрать у него палку и снова бросить в реку. Сначала Сириуса надо было поймать, а он очень хорошо умел уворачивать

ваться. Он ждал, опустив лохматые локти почти до земли и соблазнительно держа палку во рту, пока все трое детей не подбегут к нему и не протянут руки, чтобы схватить палку. Тогда он прыгал вперед, пробегал между ними, и не успевали они пошевелиться, как он уже оказывался на другом конце луга.

Но лучше всего бывало, когда Кэтлин с Сириусом и, конечно, Тибблс, отправлялись спать в комнату Кэтлин. Никто не засыпал по крайней мере час. Сначала Кэтлин и Сириус играли в глупую игру: Кэтлин ползала вокруг кровати, пытаясь спрятать лицо, а Сириус преследовал ее, чтобы лизнуть в лицо, и громко пыхтел — это он так смеялся. Потом Тибблс это надоело, и она надрала Сириусу уши. Тогда Кэтлин принялась вечерами устраиваться на кровати с книгой и разговаривать с Сириусом и Тибблс. Ей нравилось читать вслух, так что она читала Сириусу. Иногда она объясняла то, что читала. Иногда просто говорила.

По мере того, как Сириус все лучше и лучше понимал человеческую речь, он многое узнал из подобных бесед — больше, чем из телевизора. Тибблс сидела, спокойно и по-королевски, и умывалась, пока не начинала чувствовать, что что-то особенно интересует Сириуса. Тогда она просила объяснений. Странно, но частенько оказывалось, что кое о чем Тибблс знает больше Кэтлин.

Однажды Кэтлин читала им книгу волшебных сказок.

— Хорошие сказки, — объяснила она Сириусу, — только в них все неправда. Смотри не поверь им.

Сириусу тоже понравились сказки, но он не был уверен, что Кэтлин права. У него было ощущение, что в некоторых из них куда больше истины, чем думает Кэтлин.

Кэтлин внезапно сказала:

— О, послушай вот это, Лео! — и прочла: «Он видел множество собак, но ему никогда не приходилось видеть подобных псов. Они были блестящего белого цвета, а уши у них были красные; и как мерцала превосходная белизна псов, так и мерцала превосходная краснота их ушей.» Подумать только, Лео! — сказала Кэтлин. — Они, должно быть, выглядели почти так же, как ты. Твоя шкура иногда очень ярко блестит, и ушки у тебя почти красные. Это были волшебные собаки, Лео. Они принадлежали Аравну — он был королем в Нижнем Мире. Может, ты с ними в родстве? Но тут ничего не сказано о цвете их глаз. — Кэтлин принялась листать книгу, чтобы выяснить, нет ли там еще чего-нибудь про этих псов.

— Про что она там читает? — спросила Тибблс. Сириус ей рассказал.

Он был взволнован и озадачен. Насколько он знал, его зеленые мысли не имели отношения ни к чему похожему на Нижний Мир. И все же Кэтлин была права. Описание и правда подходило к нему.

— Да, — задумчиво сказала Тибблс. — Я думаю, они немного похожи на тебя. Но они блее, и глаза у них желтые.

— Ты хочешь сказать, что эти сказки — правда? — спросил у нее Сириус.

— Не знаю, — сказала Тибблс. — Я говорю о нынешних днях. Я понятия не имею, как было в те времена, когда тут были толпы королей, принцесс, магов и всего такого. Может, кое-что из того, что она тут читает, и могло тогда происходить.

— А сейчас ничего подобного не бывает? — спросил Сириус.

— Этого я не говорила. — Кошка раздраженно встала и потянулась. Потягивалась Тибблс всегда элегантно и подолгу. Сначала она неторопливо выгибала спинку, потом опускала передние лапки и разворачивала плечи, и наконец медленно опускала всю спину, чтобы выгнать напряжение из каждой задней лапки по отдельности. Сириусу пришлось ждать, пока она закончит и снова свернется клубком. Тогда Тибблс сказала: — С людьми та беда, что для них или все, или ничего. Кажется, они думают, что в древние времена могло происходить все, что угодно. И только потому, что сейчас другое время, они утверждают, что все это неправда. А теперь я пошла спать.

Глава 5

Вскоре после этого Кэтлин начала ходить в школу. В школе, как выяснил Сириус, Кэтлин училась. Он подумал, что это абсурд. Кэтлин не надо было ничего учить. Она и так была самым умным человеком из всех, кого он знал. Бэзилу и Робину тоже пришлось пойти в школу, что уже не было абсурдом, но им приходилось одеваться в специальную серую одежду с красной отделкой. Кэтлин ходила в школу в своей обычной поношенной одежде. Сириус выяснил, что Кэтлин учится в обычной школе поблизости, а Бэзил и Робин ходят в школу на другом конце города, обучение в которой стоило денег. Даффи зарабатывала деньги, делая и продавая глиняные горшки, но, конечно, она не могла тратиться на обучение Кэтлин. Поскольку школа Кэтлин находилась недалеко, девочка обычно приходила домой раньше всех, что вполне устраивало Сириуса. И он туманно вспоминал, что так же было когда-то раньше, когда он был совсем крохотный, и его кормили из бутылочки.

Но кое-что изменилось к худшему. Даффи настояла, чтобы, пока Кэтлин нет дома, Это Существо привязывали во дворе.

— Я не собираюсь позволять ему весь день бродить по дому, жуя и ломая все вокруг, — сказала она. — Если тебе так уж *необходимо* держать собаку, ты должна думать о последствиях.

— Извини, Лео, — сказала Кэтлин, выводя его во двор и привязывая поводок к ошейнику. Потом она привязала поводок к какой-то веревке, а другой конец веревки — к железной скобе, к которой привязывали веревки для сушки белья. Девочка проделала все это очень медленно и неуклюже. — Ну вот, — сказала она наконец. — Надеюсь, этой длины тебе хватит. Бедный Лео. Теперь ты настоящий пленник. — Она вернулась к Сириусу и обняла его за шею. — Не беспокойся. Мы с тобой пойдем гулять, как только я вернусь домой. — Сириус видел, что она плачет. Он удивился, потому что в последнее время Кэтлин плакала редко. Он

попытался утешающе лизнуть ей руки, но ей надо было спешить.

С тех пор Сириуса каждый будний день в любую погоду, будь то солнце или дождь, привязывали во дворе. Дождь Сириусу не понравился. От дождя он чесался и дрожал. В первые выходные семестра Робин и Кэтлин потратили целый день, пытаясь соорудить для него деревянную будку под скобой, приделанной к стене. Даффи отнеслась к этой идее очень саркастически.

— Собакам не бывает больно от небольшого дождика, — сказала она. — Зачем вы его так балуете?

— Крыс привык быть дома, понимаешь, — сказал Робин.

— Ты немного подхалимничаешь, Робин, — сказала Даффи.

Как только Сириус вошел в будку, она обрушилась ему на голову. Он метнулся прочь из-под валящихся на него досок, приседая на задние лапы и поджав хвост. Бэзил прислонился к стене дома и завизжал от смеха.

— Ну и видок был у Крыса! — сказал он. — Вот и доверяй вам обоим! Да вы острые гвоздя от шляпки не отличите!

— Ну, сделай лучше, а я посмотрю, — сказал Робин.

— Хорошо, — сказал Бэзил. В следующие выходные он перестроил будку. И получилось у него не так уж плохо. Будка получилась кособокой и слегка качалась на ветру, но не падала. Через день-другой Сириус даже решил ее воспользоваться. И прежде чем она обвалилась снова, мистер Даффилд сжалился над ними и снова перестроил будку, на этот раз как следует. Когда ветер не дул с востока, в ней было даже уютно.

Но хуже всего в этом дворовом плену были длинные, длинные часы скуки. Сириус лежал, опустив морду на лапы, тяжело вздыхая и задумчиво следя, как кошки ходят по стенам по своим личным делам, или глядя на калитку в ограде двора и мечтая ее открыть. У калитки были два засова, один внизу, второй примерно в футах от верха, и ржавая щелка посередине. Сириус и представить себе не мог, как он мог бы их открыть.

Кошки понимали, как ему плохо. Когда у Ромула и Рема не было важных собственных дел, они приходили во двор, усаживались на стены и разговаривали с ним. Тибблс часто забиралась к нему в будку. Но никто из них, даже Тибблс, не мог помочь ему открыть калитку.

— Да, я могу отодвинуть засовы, — сказала Тибблс. — Но они ржавые, и я не могу достать верхний засов со стены. А до защелки я вообще не могу дотянуться ниоткуда. Пусть их Кэтлин тебе откроет.

Но Сириус не мог попросить Кэтлин открыть засовы, потому что не

мог с ней разговаривать. Это было самым горьким разочарованием в его жизни, и от него заключение оказывалось еще тяжелее. Он не сомневался, что, стоит ему научиться понимать человеческую речь, он сможет и разговаривать. Но он не смог. Сколько он ни пытался, у него не получалось правильно произносить звуки. Его глотка, язык и челюсти были просто неподходящей формы. Сириус не сдавался. Он лежал во дворе и тренировался. Но после многих часов тренировок все, чего он смог достичь, широко-широко открывая пасть, хлопая языком и издавая нечто вроде высокого стоны, был звук, слегка напоминавший «Привет».

Кэтлин это наконец поняла.

— Слушайте! — сказала она. — Он говорит «Привет!»

— Нет, — сказал Бэзил. — Он просто зевает.

— Нет. Он говорит «Привет». — настаивала Кэтлин. — Он разговаривает.

— Если он разговаривает, почему он больше ничего не говорит? — спросил Бэзил.

— Потому что не может. У него пасть и все остальное не так устроены, — объяснила Кэтлин. — Но он бы говорил, если бы мог. Он совершенно необыкновенный.

Сириусу стало хоть немного легче, когда Кэтлин поняла хотя бы это, пусть она больше почти ничего не понимала. С ней нельзя было говорить так, как с кошками. Похоже, люди могли понимать друг друга только с помощью речи. Сириус многое отдал бы за то, чтобы суметь хоть раз поговорить с Кэтлин. Он бы отдал еще больше, чтобы сказать ей, что ему надо выбраться на свободу, уйти и что-то искать, чтобы спросить у нее, знает ли она, что такое Зоаи, но он не мог.

Подталкивая и таща, Сириус вытащил ее во двор, подвел к калитке и, хныча, поскребся в нее.

— Нет, Лео, — сказала Кэтлин. — Извини. Даффи придет в ярость.

Тем дело и кончилось. Неделю за неделей Сириус мрачно лежал во дворе, рос, его шкура блестела все ярче, и ему становилось все скучнее. Он уже отчаялся когда-либо выбраться отсюда. Тем временем стало холоднее. Трава на лугу начала желтеть, а листья стали коричневыми и начали падать с деревьев. Иногда весь луг был покрыт серебристыми маленькими паутинками, которые попадали ему в нос и заставляли чихать, и везде пахло грибами. Стало раньше темнеть. Неожиданно все перевели часы, что совершенно сбilo Сириуса с толку, потому что он успевал проголодаться намного раньше, чем Кэтлин возвращалась из школы.

Это была самая черная неделя. На второй день, как только Кэтлин

вернулась из школы, ей пришлось снова уйти, потому что в доме кончился сахар. Даффи отправила Кэтлин разыскивать сахар по всем магазинам, пока они не закрылись. Уже стемнело, а Сириус, озадаченный и несчастный, все еще сидел во дворе. Он еще никогда не видел, как наступает ночь. Он смотрел, как пылающее красное солнце опускается за крыши, оставляя за собой оранжевую полосу и потемневшее синее небо. Через некоторое время небо стало почти черным. И тогда появились звезды. Они кружились над головой — крохотные диски, белые, зеленые и оранжевые, бело-голубые булабочные головки, холодные болеутоляющие красные капли, большие шары, маленькие шары, все больше и больше, толпясь и роясь в темноте, а за ними кружился блестящий мазок Млечного Пути. Сириус ошеломленно смотрел вверх. Там его дом. Он должен быть там, а не сидеть привязанным во дворе на краю вселенной. Это его звезды. И они так далеко. Ему их не достичь.

Его наполнило огромное зеленое чувство потери. Где-то там, невидимая, должна быть его потерянная Спутница. Она, должно быть, слишком далеко, чтобы услышать его. И все же он запрокинул голову и начал выть. Выть. И выть.

— Кто-нибудь, заставьте эту тварь замолчать, — сказала Даффи.

Бэзил вышел во двор и изо всех сил ударил Сириуса по морде. Было больно, а звук удара, отдаваясь внутри головы, чуть не оглушил Сириуса. Он со стоном опустил морду на лапы.

— А теперь заткнись! — сказал Бэзил.

Когда дверь дома закрылась, чувство потери снова ошеломило Сириуса. Он посмотрел вверх и увидел звезды, по-прежнему недостижимые. Вой снова вырвался из груди, Сириус не мог заставить себя замолчать. Он выл и выл.

— Сейчас я все сделаю, — сказал Робин. Он вышел, отвязал Сириуса и привел его в дом. Внутри все было маленькое и желтое, и Сириусу стало лучше.

— Ему было тоскливо, — объяснил Робин Даффи.

— Вы так балуете это существо — неудивительно, что оно считает, что весь дом принадлежит ему, — сказала Даффи.

Сириус не мог окончательно успокоиться до тех пор, пока не вернулась Кэтлин. И с тех пор, стоило ему увидеть звезды, на него нападала тоска. Однажды вечером люди, похоже, попытались сами изобразить что-то похожее на звезды. Что-то стучало, гремело и вспыхивало, и в небо взлетали огни в форме звезд. Кэтлин поскорее забрала Сириуса в дом. Она казалась такой взволнованной, что Сириус подумал, что пришли ир-

ландцы с ружьями, чтобы забрать Кэтлин домой. Он не хотел выпускать ее из виду.

— Нет, тебе придется остаться дома. Сегодня Ночь Гая Фокса, — сказала Кэтлин. — Тебе она все равно не понравится.

Она была неправа. Сириус был заморожен. Он как будто снова оказался дома. Он жадно смотрел в окно, сидя на кровати Кэтлин и положив лапы на подоконник. Кошки не могли его понять. Они все забились в сушильный шкаф и отказывались выходить, пока не настала полночь. Из их ворчания Сириус узнал, что люди каждый год зажигают эти чудесные огни на один вечер. Чтобы еще раз их увидеть, ему придется ждать дольше, чем он успел прожить. Под конец в небо взлетела большая зеленая ракета, взорвалась высоко над домами, распустилась в небе, словно яркое парящее дерево, и исчезла.

Эта ракета Сириуса заморозила и в то же время встревожила. На следующий день, лежа во дворе в полосе солнечного света, он думал о ней. Зеленый огонь напомнил ему об огромном зеленом чем-то внутри него. Оно висело, парило за теплыми глупыми собачьими мыслями, и Сириус начал бояться, что, если он не попытается понять это зеленое нечто и сделать его частью себя, оно исчезнет в пустоте, как та ракета. Но сколько Сириус ни пытался, он не мог заставить свой собачий мозг осознать эту зеленую штуку, как не мог заставить свою собачью пасть произносить слова. Зеленое нечто исчезло из поля зрения, и он почувствовал, что засыпает.

— Ваша Светимость, — сказал кто-то, — прошу прощения, что не нашел времени поговорить с вами раньше. У меня было очень много дел.

Ваша Светимость? Что это значит? К Сириусу очень давно не обращались с таким уважением. В голове у него снова вспыхнули и беспорядочно мерцали зеленые огни, которые он считал позабытыми, такие огромные, яркие и ясные, что он мог только неподвижно лежать под лучами солнца в каком-то изумрудном оцепенении.

— Я ведь не перепутал вас с какой-то другой собакой? — сказал голос.

Сириус немного справился с потрясением и открыл глаза, пустые и зеленые в солнечном свете, пытаясь разглядеть говорящего.

— Нет, я ничего не перепутал, — сказал голос.

— Я вас не вижу, — сказал Сириус, хмурясь в солнечный свет. — Кто вы?

Голос слегка усмехнулся — яростно и весело.

— Вы меня видите. Вы что, совсем ничего не помните?

Именно этот яростный и веселый звук пробудил в Сириусе воспоминания. Он с изумлением обнаружил, что это собачьи воспоминания. Но они были так перемешаны с огромными зелеными воспоминаниями, что Сириус изумился.

— Вы уже говорили со мной однажды, — медленно сказал он, — когда я тонул в реке. И, кажется, вы мне помогли. Благодарю вас.

Он был уверен, что это не все. Озадаченный, он искал в огромных зеленых пространствах, которые, казалось, расширились и пульсировали у него в голове. Там порхало множество странных ярких существ, но ни у одного из них не было именно этого яростного веселого голоса. Должно быть, с обладателем этого голоса он был знаком только шапочно, если вообще знаком.

— Ваш голос похож на голоса звезд, — сказал он неуверенно.

Теплый голос обрадовался:

— Так вы *все-таки* помните! Слава Богу! Посмотрите на меня. Это может помочь.

Все еще озадаченный, Сириус посмотрел туда, откуда доносился голос — вдоль падавших на него солнечных лучей, прямо в пылающее бело-желтое сердце солнца. Ослепительный свет зашевелился, потек, уплотнился и обернулся живым существом. Обликом это существо напоминало человека. Но оно светилось, и вокруг голоса у него, словно густая грива волос, развевалось пылающее бело-желтое пламя. Самым удивительным было то, что Сириус не мог сказать, то ли это существо крохотное и находится совсем рядом, то ли оно огромное, но очень далекое. То ли оно стояло на ораде, то ли в самом сердце солнца.

— Ваша Светимость, — сказал Сириус, — простите. Я был очень глуп. Вы Обитатель нашей звезды?

— Да, — сказала сияющее существо. — Я Солнце.

Оно стояло и весело пылало, посылая Сириусу яркие лучи, такое ясное и уверенное в своих силах, что у Сириуса заболела душа. Он знал, что когда-то тоже был таким. А теперь он всего лишь одно из созданий в системе этой звезды. Это напомнило ему о его долге. Он встал, с веревкой на шее, и поклонился, как положено кланяться Солнцу — опуская передние лапы, пока его мохнатые предплечья не опустились на землю.

Солнце, казалось, смутился, неловко замерцал и сделал отрицательный жест.

— Не нужно кланяться, Ваша Светимость. Я всего лишь звезда небольшой светимости. Я вас узнал, потому что когда-то был вашим

подчиненным.

— Я знаю. — Сириус поднялся и сел. Он вспомнил Солнце, понял, где находится, и тоже смутился — настолько, насколько ему позволяли его туманные воспоминания. Солнце был его ближайшим соседом. Им следовало бы лучше знать друг друга. Но Сириус вспомнил, что Солнце был известен яростной независимостью и резко отвергал любое вмешательство в свою систему.

— Я нахожусь на Земле, да? — спросил Сириус. — Я помню, я ей восхищался, потому что она такая зеленая. Простите, что я вас не узнал. Честно говоря, я... ну, кажется, я больше не могу думать, как звезда.

Солнце залил его ободряющим теплом.

— Тело, в которое вас поместили, пока еще только наполовину выросло. Вам придется подождать, пока оно станет старше, прежде чем вы сможете как следует все вспомнить. Но я рад, что теперь вы знаете, кто вы. Мне нужна ваша помощь, и я надеюсь, что смогу помочь вам.

Сириус с сомнением посмотрел на него.

— Не наживайте себе проблем. Я ничем не могу вам помочь. А если вы поможете мне, то, возможно, звезды высокой светимости будут возражать.

— Пошли они в плазму! — Солнце был взбешен. Его окружили яркие белые лучи гнева, и собачья часть Сириуса затрепетала. Он подумал, а бывал ли он сам когда-нибудь так же грозен в гневе. — В своей системе я помогаю кому хочу! Может, у вас и был дьявольский темперамент, но я вас уважал. Вы никогда не лезли в мои дела. А теперь они взяли и швырнули вас ко мне на Землю, ничего мне не сказав! Ни предупреждений, ни инструкций. Ни даже вежливого намека. Первой, от кого я узнал об этом идиотском приговоре, была жалкая звездочка из Малой Медведицы, которая явилась мне сообщить, что теперь нашим кластером управляет Полярис. *Полярис!* — возмущенно вспыхнул Солнце.

— Полярис? — в огромных зеленых воспоминаниях Сириуса началось неприятное кипение. Из него возник образ кроткой ясноглазой цефеиды, высокопоставленного светила, с которым он, кажется, когда-то дружил.

— Да, Полярис, — сказал Солнце, по-прежнему пылая гневом. — Один из ваших судей, как я понимаю. Я против него ничего не имею, но он же цефеида. И что цефеида с четырехдневным периодом может понимать в моей системе? Ничего! И в дополнение ко всему, в вашей сфере поселили какого-то чертова дилетанта из системы Кастора...

— Кастора? — переспросил Сириус. На него нахлынула такая тревога, что даже шерсть по всей спине у него стала дыбом. Он почти ничего

не помнил о системе Кастора — только то, что тамошние светила на редкость нерешительны и ненадежны, что их слишком много в одной системе, поэтому они вечно пытаются влезть в дела чужих звездных систем.

— Скажите, Солнце, вы не знаете — моя Спутница?..

— По-прежнему живет в своей сфере, насколько я знаю, — сказал Солнце. Почувствовав печаль Сириуса, он тоже встревожился. — И хорошо, что этому дилетанту не доверили работать самостоятельно. Он настолько не в состоянии удержать в равновесии звездную систему, что от устроенной им нестабильности мою собственную внешнюю планету чуть с орбиты не снесло, и не успел я опомниться, как по всей Земле начались наводнения, засухи и голод. Может, я и невысокой светимости, но у меня в системе планета с биосферой, и я за нее отвечаю. Я пока что не могу допустить, чтобы на Земле начался очередной ледниковый период. Так что я пошел и потолковал по душам с Полярисом.

Представив себе эту картину, Сириус невольно засмеялся.

— С Полярисом?

— Да, — сказал Солнце. — По-моему, ему это не слишком понравилось. Я откровенно сказал Полярису, что именно я думаю об этом его Новом Сириусе, и что он мне тут устроил с Плутоном и с Землей. А Полярис вращается, холодный, как остывшая зола, и заявляет мне, что ничего не может сделать, потому что Зоаи Сириуса потеряно и находится без присмотра где-то в моей системе. З-з-з-зоаи! — сказал Солнце, сердито передразнивая Поляриса.

Сириус подпрыгнул и помчался к Солнцу, насколько позволяла веревка, от волнения чуть сам себя не удушив.

— Что такое это Зоаи? Где оно?

— Разве вы не знаете? — спросил Солнце. Гневные лучи угасли, и он стал серебристо-мрачным от разочарования. — Я надеялся, что вы помните. Я никогда не видел Зоаи. Здесь нам такая сила не нужна. Слишком мощная штука для моей системы. Вы *должны* знать, что это такое. Ведь вы когда-то пользовались этим самым Зоаи.

— Да, но я не помню, — в отчаянии сказал Сириус. — Я знаю, что мне надо его найти, но я не знаю, что это такое и как выглядит. Я даже не знаю, почему я оказался здесь в этом облике. А разве *вы* не знаете?

Солнце засмеялся — маленький яростный выброс пламени.

— Тогда мы оба в потемках — а это не слишком подходящее место для светил, верно? Мне только сказали, что вы ищете Зоаи. Я не был на вашем суде — у меня тут слишком много дел — но мне *все-таки*

сказали, что вы слишком часто выходили из себя, и в результате чья-то сфера вспыхнула как Новая звезда. Это вам о чем-то говорит?

Сириус опустился на землю и положил голову на лапы.

— Нет, — с отчаянием сказал он. — Ни о чем. А вы не можете предположить, где находится это Зоаи?

— Оно упало на Землю, — ответил Солнце, слегка нахмурившись. — Теперь я в этом уверен. Сюда много чего падает, потому что в системе есть пояс астероидов, и из него все время что-то сыплется. Но полгода назад одна штука свалилась с особенно мощным ударом. Тогда я не обратил на нее особого внимания, но я думаю, что это могло быть Зоаи.

— Значит, меня поместили в нужный мир? — сказал Сириус. Это радовало, хоть и озадачивало — как будто те, кто его сюда отправил, знали, где искать Зоаи.

Солнце тоже казался озадаченным. Он по-прежнему хмурился, мерцая красными и оранжевыми вспышками.

— Послушайте, — сказал он, — я начинаю думать, что в этой истории кто-то передергивает. Ваш приговор сам по себе уже был достаточно странным. Затем вас отправили сюда и ничего не сообщили мне — это меня так злит, что если бы Зоаи не дестабилизировало всю мою систему, я бы устроил им пару обломов! И потом, вы — вы действительно убили то светило, или вы сами этого не знаете?

Сириус лежал и рассматривал бурлящие, вращающиеся зеленые образы. Он увидел странные факты, и еще более странные лица, и ужасную печаль. Он увидел много-много гнева. Но он нигде не видел ничего похожего на насилие, о котором говорил Солнце. Не было даже ничего подобного тому, что он видел по телевизору.

— Нет, — сказал он, — я так не думаю.

— И я бы не стал так думать, — весело сказал Солнце, — исходя из того, что я о вас знаю. Вы никогда не гневались без причины. Похоже, что кто-то желает причинить вам зло. А поскольку они любезно отправили вас под мою ответственность, то теперь им придется считаться со мной. А я подобным штучкам потакать не намерен. Вы не возражаете, если я сделаю несколько запросов о суде над вами?

— Вовсе нет, — ответил Сириус. Он понимал, что даже если бы он возразил, Солнце он бы все равно не смог остановить. Обрадованный тем, что ему желает помочь сам повелитель этой системы, Сириус усмехнулся — собачьей усмешкой, высунув язык и подняв голову. — Спасибо.

— А я бы хотел, чтобы вы отправились на поиски этого Зоаи, — сказал Солнце. Я думаю, вы его узнаете, когда увидите — а это больше,

чем мог бы сделать я. Но... вас все время тут держат на привязи?

— Я могу вылезти из ошейника, — сказал Сириус, — но не могу открыть эту калитку. — Его усмешка померкла, и на него опять нахлынули тоска и досада от того, что он заперт во дворе. — Солнце... — он умоляюще посмотрел на сияющую близкую-и-далекую фигуру. — Пожалуйста, Ваша Светимость, вы можете помочь мне открыть калитку?

Солнце был тронут и смущен просьбой бывшего Обитателя Сириуса. Над его головой поднялись и закачались протуберанцы, и лучи света сошлись на калитке — Солнце тщательно осматривал ее, пытаясь скрыть свои чувства.

— Засовы и щеколда ужасно ржавые, — сказал он. — Окисление железа, вы понимаете, из-за присутствия воды...

Сириуса это развеселило.

— Расскажите это своей бабушке, Солнце. Можете или не можете?

Солнце улыбнулся ему, все еще весьма взволнованный.

— Ну, чтобы дотянуться до верхнего замка, вам надо будет еще немного подрасти. Придется подождать до зимнего солнцестояния. Но я могу уладить проблему с ржавчиной, чтобы вы смогли отодвинуть засовы, когда дотянетесь до них.

Сириус обрадовался. Он чувствовал, что теперь сможет ждать годы, если понадобится, потому что он знал, что в конце концов выберется со двора. Он усмехнулся широкой собачьей усмешкой и попытался пошутить, чтобы успокоить Солнце:

— Стало быть, вы поможете мне помочь самому себе. Значит, у вас в системе так делаются дела?

— Конечно, — Солнце был весьма возмущен. — А что? Где-то еще дела делаются по-другому?

— Я хотел пошутить, — торопливо объяснил Сириус. — Я вам очень благодарен. Пожалуйста, больше не смущайтесь.

Солнце, стоявший в полосе собственного света, засиял от смеха.

— Вы совершенно правы. Я действительно чувствовал себя немного неловко, заполучив вас в свою систему в качестве одного из существ биосферы. Но вы и вполтину не так грозны, как я ожидал.

— Грозен? — спросил Сириус, подозрительно подняв шерсть дыбом.

— Это тоже была шутка, — сказал Солнце. — Почти. А теперь мне надо идти. Бесконечное количество дел. — Он повернулся к Сириусу спиной.

— Приходите еще поговорить со мной, — попросил Сириус.

— Конечно, — ответил Солнце, улыбнулся Сириусу через плечо и

быстро пошел по полосе света, все удаляясь и уменьшаясь. Глядя на него, Сириус вспомнил, как картинка в телевизоре при выключении уменьшается до серебряного ромба. На мгновение ему показалось странным, что он смотрит на светило, как существо биосферы. Потом он вспомнил, что он и есть существо биосферы. Но теперь это его беспокоило гораздо меньше, чем час назад. Солнце оставил после себя волну тепла, благополучия и радости, и Сириус катался и потягивался в ней, прямо как кошки перед камином.

Глава 6

Сириус обнаружил, что лежать во дворе стало намного легче. Он знал, что в конце концов выберется наружу. Так сказал Солнце. А если ему было слишком скучно или грустно, он потягивался в полосе солнечного света, зная, что Солнце его видит. Большую часть времени Солнце был слишком занят, чтобы вести долгие беседы, и ограничивался кратким приветствием, торопясь по своим делам, но Сириус это вполне понимал. Он помнил, как когда-то и сам был занят по горло.

Сириус был очень благодарен Солнцу. Он не знал, была ли тому причиной сама беседа с другим светилом или какая-то способность Солнца, но огромные зеленые мысли теперь стали его неотъемлемой частью и больше не исчезали, как раньше. Он еще не видел их все. Но они были с ним, и это сделал Солнце.

Наблюдая за Солнцем, занимавшимся своими делами, Сириус решил, что скорее всего дело в самом Солнце. Он изумлялся тому, сколько Солнце успевал сделать. Сам Сириус в свое время тоже делал немало. Но его сфера была гораздо больше, и он знал, что пользовался помощью Зоаи, чем бы это Зоаи не было. Солнце был молодым и веселым светилом, но он успевал сделать больше, чем Сириусу казалось возможным, безо всяких Зоаи. Сириус начал подозревать, что у Солнца в одном протуберанце куда больше жизни и энергии, чем у многих других светил в целой сфере.

— Я думаю, ты был прав, когда говорил, что тебе не нужно Зоаи, — сказал он однажды вечером, когда Солнце спускалось к крышам соседних домов. — Ты весьма необычное светило, верно?

В глазах Солнца заискрились красные и золотые вспышки смеха.

— Более-менее.

В этот момент во двор выскочил Бэзил.

— У этого твоего Крыса, должно быть, совершенно необыкновенные

глаза, — сказал он Кэтлин. — Я видел, как он минуту назад смотрел прямо на солнце и даже не моргал.

— Я тебе говорила — он необыкновенный, — сказала Кэтлин.

Как Кэтлин ни гордилась своим Лео, ей бы очень хотелось, чтобы он не так быстро рос. В этом не было ничего удивительного — Сириусу всего за год предстояло вырасти в весьма крупного пса. Но Кэтлин иногда паниковала. Нарядный красный ошейник скоро стал мал, и ей пришлось купить другой. Сириусу, к его раздражению, пришлось снова потихоньку расцарапывать шею, пока Кэтлин не застегнула новый ошейник так, чтобы Сириус мог из него выбраться. И опять пришлось повторять все это после Рождества, когда он обнаружил, что снова вырос. Кэтлин никогда не решалась сказать Даффи, сколько Лео ест, а он всегда казался чересчур худым. Кэтлин взяла в библиотеке книгу по уходу за собаками и встревожилась за Сириуса.

— В чем дело? — спросил мистер Даффильд незадолго до Рождества, обнаружив, что Кэтлин нерешительно смотрит в открытую книгу.

— Лео, дядя Гарри, — сказала Кэтлин. — Я его неправильно кормлю.

Мистер Даффильд посмотрел на Сириуса сверху вниз, и Сириус в ответ постучал своим тяжелым хвостом. Пушистая лоснящаяся шерсть Сириуса была кремового цвета, нос был черный и влажный, а глаза — зеленые и ясные. Лапы с кудрявой шерстью вокруг коленей, пусть неуклюжие и слишком длинные, были прямыми и сильными. У него было удивительно узкое брюхо, но мистер Даффильд мог разглядеть только два ребра.

— Мне кажется, выглядит он нормально, — сказал мистер Даффильд. — Вырастает в весьма элегантное существо, верно? А что не так?

— Он весит столько же, сколько Робин, — объяснила Кэтлин. — Мы их вчера уравнивали на доске во дворе. А здесь говорится, что собаки, которые столько весят, должны получать целый *фунт* сырого мяса каждый день!

— Тоже мне проблема! — сказал мистер Даффильд. — Я вешу в три раза больше. Нас обоих недокармливают. Скажи, пятьдесят пенсов в неделю тебе помогут?

— О, *спасибо!* — сказала Кэтлин. Она не решилась объяснить, что мясо стоит гораздо дороже. И пятьдесят пенсов действительно помогли. То что-то урывая, то на чем-то экономя, сделав всем рождественские подарки своими руками и ведя себя с мясником очень мило и лъстиво, Кэтлин ухитрилась через день покупать Лео мясную обрезь, и у нее еще остались деньги, чтобы купить ему на Рождество красный резиновый

мяч.

Сириусу мяч очень понравился. Но радости Рождество не принесло. Никто, кроме мистера Даффильда, и не подумал что-нибудь подарить Кэтлин. Мистер Даффильд подарил ей жетон на покупку книги, на что Даффи сказала, что это напрасная трата денег, поскольку у Кэтлин уже есть собака, верно? И еще Кэтлин в первый раз в жизни готовила индюшку. Она перестаралась и пережарила ее, индюшка получилась слишком сухой. Сириус и кошки ели пережаренную индюшку и чуть не лопнули. Даффи яростно выражала свое негодование.

— Если ты хочешь хорошо приготовленную индюшку, — сказал мистер Даффильд, — ты могла бы приготовить ее сама.

Как только магазины снова открылись после праздника, мистер Даффильд повел Кэтлин в магазин и купил ей новое платье. Кэтлин была в восторге. Платье было ярко-синим и очень подходило к ее глазам. Сириус решил, что в новом платье она выглядит очаровательно. Он попытался ей это сказать, подпрыгивая и повизгивая, и был так благодарен мистеру Даффильду, что положил здоровенные передние лапы ему на колено и лизнул его в лицо.

— Иди отсюда! — сказал мистер Даффильд, отталкивая его. — Я знаю, что она хорошо выглядит, но умывать меня за это необязательно. — Потом он сказал Кэтлин: — Иногда можно подумать, что это существо понимает, что происходит вокруг.

— О, да, понимает, — серьезно сказала Кэтлин. — Он знает английский. — Сириус очень удивился. Он не думал, что Кэтлин это заметила. Но мистер Даффильд просто счел, что Кэтлин трогательно верит в чудеса, и посмеялся над ней.

Через несколько дней после Нового Года по проулку за двором Даффильдов мимо задних стен домов со скрипом и стоном пробирался бензовоз. Жители двух соседних домов установили у себя центральное отопление, и их топливный резервуар находился в очень труднодоступном месте. Сириус, к тому времени превратившийся в высокого стройного пса, сидел во дворе и смотрел, как люди высовываются из кабины и ругаются, а грузовик движется туда-сюда, и пытался понять, что происходит.

Скоро он понял. Когда бензовоз в третий раз поравнялся с калиткой, тяжелые серые облака, закрывавшие небо, на миг разошлись, пропустив серебристый луч света. Грузовик заблестел. А потом из него каким-то образом вырвалась нефть и залила калитку, покрыв ее толстым черным слоем. Сириус запрокинул голову и засмеялся собачьим смехом, глядя туда, где разошлись облака.

— Спасибо!

И тут ему в нос ударил запах. Он отшатнулся, чихая, задыхаясь и отчаянно вытирая лапами морду. Люди в бензовозе, не менее исступленные, бегали вокруг, крича и поворачивая запорные краны. Из дома выскочила Даффи и холодно заверещала насчет неосторожных идиотов и пожарной опасности.

Сириус подумал, что Даффи сдерет с топливной компании деньги на замену калитки. Но калитку никто не трогал. Семья Даффилдсов вообще редко беспокоилась о подобных вещах, и кроме того, установилась ужасная погода. Целых шесть недель хлестал дождь, по двору прыгал град, с каждым днем становилось все холоднее. Сириус, дрожа, лежал в будке и смотрел, как лед в лужицах собирается в прозрачные кучки с замурованными в них пузырьками воздуха, а потом начинает идти дождь и снова растапливает эти кучки. Во время одного из редких визитов Солнца Сириус довольно укоризненно заговорил с ним о погоде.

— Кое-что тут связано с Зоаи, — сказал Солнце. — Но вы, жители Земли, вечно ворчите из-за осадков. Если бы осадков не было, вы бы ворчали еще хуже. Ничего страшного не случится, если вы подождете с месяц. И потом, ты же не хочешь жить в этом запахе нефти, верно?

— Нет, — сказал Сириус. — Это правда. Спасибо тебе.

В конце февраля установилась ясная морозная погода. К этому времени дождь уже смыл нефть с калитки, только замки по-прежнему оставались черными и маслянистыми. Солнце светился бледно-желтым светом на бледно-голубом небе.

— Ты уже почти полностью вырос, — заметил он. — Как твои воспоминания?

— Не слишком хорошо, — мрачно сказал Сириус. Хотя его зеленая сущность теперь всегда была с ним, но теплая и глупая собачья природа по-прежнему скрывала от него огромные участки зеленого.

— Обязательно станет лучше, — весело сказал Солнце и отправился по своим делам.

Сириус встал и потянулся, почти так же тщательно и вдумчиво, как Тибблс. Сама Тибблс, весьма раздраженная, сидела на стене и смотрела на него. Когда Сириус закончил потягиваться, она чихнула и собралась было отвернуться. Но тут ее желто-зеленые глаза расширились, и она уставилась на Сириуса, который натянул веревку и принялся пятиться. Ошейник соскользнул ему на уши, на мгновение застрял и упал с его морды на землю.

— Умно, — сказала Тибблс. — А обратно надеть сможешь?

— Думаю, да, — ответил Сириус и подошел к калитке, весело вертя хвостом. — Ты мне можешь показать, как это открывают?

— Ого, как мы осмелели! — сказала Тибблс. — Я тебе говорила — я могу открыть нижнюю задвижку, но не могу дотянуться до остальных.

— Я могу дотянуться до остальных, если ты мне покажешь, как они работают, — сказал Сириус.

— Очень хорошо. — Довольно горбящаяся и ворчащая, Тибблс спустилась со стены и элегантно села перед калиткой. Сириус внимательно смотрел, как она протянула узкую белую лапку к ручке засова, осторожно приподняла ее, а потом мягко постукивала, пока засов не съехал по маслянистой поверхности.

— Вот так. Ты так можешь? — спросила она, уверенная, что он не сможет.

— Не знаю. Попробую. — Сириус приподнялся на задних лапах, оперся о калитку и выпрямился во весь рост. Так он был гораздо выше Кэтлин и легко мог дотянуться лапой до верхнего засова. Сириус поднял лапу и постучал по засову. К счастью, этот засов был несколько потуже. Ручка отошла вправо и осталась там, а Сириусу пришлось встать на четыре лапы и отдохнуть. Тибблс высокомерно посмотрела на него. Но Сириус опять встал на задние лапы и быстрым сильным ударом отодвинул ручку засова в сторону. Когда он сел на задние лапы, засов со стуком вернулся на прежнее место.

— Это было весьма умно, — покровительственно сказала Тибблс.

— Я так и думал, — сказал Сириус. — А как открыть защелку?

— Толкнуть вверх — вон тот маленький острый клинышек, который торчит наружу.

Сириус попробовал. Ворота подпрыгнули на петлях, но больше ничего не произошло.

— Глупый, — сказала Тибблс. — Вот что, дай-ка я встану тебе на спину и покажу, как надо.

— Ладно. — Сириус встал боком к калитке, и Тибблс легко прыгнула ему на середину спины. Обоим это категорически не понравилось. У Сириуса поднялась шерсть на загривке, и он еле удержался, чтобы не укусить Тибблс. А Тибблс чувствовала себя так неуверенно, что глубоко вонзила в него все когти. Сириус испустил рычание, от которого у Тибблс шерсть тоже стала дыбом.

— Слушай, — отрезала она, — я оказываю тебе услугу.

— Я знаю! — прорычал Сириус, оборачиваясь, чтобы посмотреть, что она делает. — Поскорее.

Тибблс протянула дрожащую лапку и подняла защелку. Сириус еле успел понять, что он стукнул не по той детали, прежде чем Тибблс спрыгнула с него. Они стояли, сердито уставившись друг на друга, пока скрип у Сириуса за спиной не возвестил, что калитка распахнулась.

— Спасибо, — сказал Сириус.

— Пожалуйста. — Шерсть Тибблс все еще стояла дыбом. Она подняла лапку и быстро, раздраженно лизнула ее. — Больше я никогда не стану стоять на собаке.

— Больше я тебе этого не позволю. — Сириус изогнул полукругом свое высокое узкое тело и выглянул на улицу. Она была пуста. Сириус выскользнул через приоткрытую калитку, а потом весело прыгнул на нее с обратной стороны. Он был свободен. Он опустил нос к земле и собрался побегать прочь по улице.

— Эй, послушай! — Тибблс стояла на стене, пригнувшись, и смотрела на него.

— Что? — нетерпеливо спросил он.

— Когда вернешься, — сказала Тибблс, — увидишь, что с той стороны калитку открыть легче. Тебе надо будет пройти по плоскому месту, потом отойти назад, чтобы калитка открылась. Понимаешь?

— Да, да. Думаю, да. — Сириусу не хотелось ей говорить, что он не собирается возвращаться. Он весело сказал Тибблс «пока» через плечо и галопом помчался по улице. Так начался самый чудесный день его жизни.

Его собачья природа прежде всего требовала свободы. Она вопила, что необходимо изучить каждый запашок, учуянный по пути, поднять лапу у каждого фонарного столба и на каждом углу, пробежаться по тротуару, по которому раньше редко приходилось бегать. Когда радость от всего этого немножко поутихла, Сириус вспомнил, что у него есть дело. Он повернулся и пошел через дорогу.

Когда-то Кэтлин пыталась объяснить ему про машины. Сириус действительно убедился, что между машинами есть интервал, где можно пройти. Но только на собственном опыте можно узнать, как быстро может ехать машина. Раздался гудок, заскрипели тормоза. Сириус бросился прочь из-под скользящих колес и тут же обнаружил, что с другой стороны на него мчится еще одна машина.

Второй водитель не переехал его только потому, что внезапная вспышка солнечного света заставила его резко повернуть руль вправо. Сириус, потрясенный до глубины своей зеленой души, метнулся в аллею напротив и, задыхаясь, улегся там в тени.

— Это было глупо с твоей стороны, — сказал Солнце, скользя по стене перед ним. — Если ты еще раз так сделаешь, я тебе не буду помогать — пусть тебя давят.

— Прошу прощения, — выдохнул Сириус.

— Ну еще бы! — сказал Солнце. — Теперь слушай. Я проверил все штуки, которые тут падали прошлой весной, и шесть из них могут быть Зоаи. Четыре из них упали в Великобритании, и две — во Франции. Это все больше и больше похоже на то, что кто-то знал, куда тебя отправить. Это меня беспокоит. Давай-ка начинай поиски.

— Я ищу, — сказал Сириус. Он с огромным достоинством встал и целенаправленно побежал дальше.

Он честно собирался приняться за поиски. Но до этого дня он не понимал, насколько велик и полон интересных вещей город, в котором он жил. Сириус постоянно попадал в приключения. Он встречал детей в парках, кошек на заборах и женщин в магазинах. А около мэрии он встретил двух полицейских.

Полицейские неожиданно выскочили из машины, припаркованной около мэрии, и целенаправленно начали приближаться к Сириусу, по одному с каждой стороны.

— Сюда, песик. Иди сюда. Хороший парень, — сказал один.

Сириус поднял взгляд и сразу понял, что они пытаются его поймать. Наверно, потому, что у него не было ошейника. За ними ревели машины на проезжей части. После того, что сказал Солнце, Сириус не решался броситься через дорогу. Он подумал, не побежать ли в другую сторону, к ступенькам мэрии, но по ним спускалась группа людей — людей в темных одеждах, к которым пристал запах важности. Если он не будет очень быстро соображать, его поймают.

— Хороший парень, — сказал полицейский позади него. — Сюда!

Сириус обернулся к нему, размахивая хвостом, опустив уши и весело открыв пасть. Оказавшись в позиции, из которой он мог видеть обоих полицейских, Сириус остановился, припал к тротуару, яростно замахал хвостом и ободряюще залаял.

— Думает, что мы с ним играем, — сказал первый полицейский.

Оба полицейских попытались его схватить. Сириус увернулся. Они опять попытались его схватить, а он прыгнул между ними, восторженно лая. Они двигались гораздо медленнее, чем Робин или Бэзил. Еще прыжок-другой, и он сможет удрать по ближайшей боковой улице.

— Что там, констебль? Бродячий пес? — спросил со ступенек лорд-мэр. Он любил собак. — Мы можем помочь?

— Ну, если вы сможете поймать его, сэ... — сказал первый полицейский. К этому времени оба блюстителя порядка истекали потом.

Лорд-мэр с полной готовностью сошел со ступенек. Вместе с ним спустились городской секретарь, обозреватель пригородов, три советника и шофер лорда-мэра. Сириус внезапно обнаружил, что ему приходится уворачиваться от целой толпы народу. Он уворачивался, прыгал, лаял и в безумном танце повел их всех по тротуару. Они загораживали друг другу дорогу. Сириусу удалось удрать по боковой улочке, взволнованно лая и всем видом показывая, что это самая лучшая игра в его жизни.

В своем роде так и было. Он рассмеялся, повалившись отдохнуть за рядом мусорных ящиков. Ему еще никогда не было так весело.

Мусорные ящики пахли очень приятно. От всей этой беготни Сириус сильно проголодался. Он встал и пошел на приятный запах к третьему по счету мусорному ящику. Сколько он всего узнал этим интересным утром, показало то, что он без труда стащил с ящика крышку. Внутри, завернутые в газету, лежали остатки жареной курицы. Сириус вытащил их и носом отодвинул газету в сторону. Курица уже была у него в пасти, когда, услышав звон крышки, из соседнего дома ковыляющей походкой вышла старая дама.

— Брось! — строго сказала она.

Сириус посмотрел на нее, почти не веря своим ушам.

— Плюнь это! — приказала она. — Я сказала. — Сириус уставился на нее, старая дама схватила курицу и вырвала ее у него изо рта. Сириус зарычал и попытался удержать курицу. — Нет, не смей! — сказала старушка.

Она так настойчиво говорила, что Сириус перестал рычать и беспомощно смотрел, как старушка кладет курицу обратно в мусорный ящик и надевает на него крышку. Он невольно захныкал.

— О, нет, — сказала старушка. — Только не куриные кости, и не из мусорных ящиков. Я не собираюсь стоять тут и смотреть, как такой симпатичный пес разрушит себе все внутренности. Разве ты не знаешь, что куриные кости расщепляются? Ты бы умер в муках, пес. Пойдем со мной, и я найду тебе что-нибудь еще.

Она повернулась и заковыляла вверх по ступенькам. Сириус поднялся за ней, весьма заинтересованный. Войдя в дом, она прошла в крохотную кухню и открыла очень маленький холодильник.

— Давай посмотрим, что у нас тут есть, — сказала она. — Я думаю, свиная отбивная не подойдет. Но вот кусочек сочной говядины — пожалуйста. Вот. — Она протянула ему сочный кусок. Он исчез сразу же. —

Я не могу понять, почему вы, собаки, никогда не распробуете ничего, — сказала старушка. — Хочешь немного пирога? Это вредно для зубов, но лучше, чем курица. Сириус нетерпеливо подошел за ней следом к маленькому кухонному шкафчику. Ему дали почти половину смородинового пирога. — Теперь стало лучше? — спросила старушка.

Сириус показал ей, что ему действительно лучше, виляя хвостом и ткнувшись носом в ее скрученную старую руку. Скрученная старая рука повернулась и изумительно погладила его по ушам. Даже Кэтлин не гладила его так восхитительно.

— Ты красавец, — сказала старушка. — Я потеряла свою собаку год назад. Я бы хотела оставить тебя себе, но я вижу, что за тобой хорошо ухаживают. Вылез из ошейника, нехороший пес. Я уверена, что ты принадлежишь какой-нибудь маленькой девочке, у которой разобьется сердце, если она тебя потеряет. Да. Я тебя удивила, верно? — спросила она, когда Сириус уставился на нее. — Я знаю собак. Моя Лапочка тоже понимала по-английски. А теперь я тебя выпущу, и ты пойдешь *домой*. Понятно?

Сириус все прекрасно понял. Он чувствовал себя очень виноватым, когда отправился прямо в противоположном направлении. Но ему нужна была свобода, чтобы найти это Зоаи.

Он пришел в район, застроенный небольшими домами, на тесный перекресток у реки. Река была темная и илистая. Сириусу она не понравилась. Он быстро отошел от нее, прошел по ближайшей улице и услышал, как чьи-то лапы взволнованно барабанят по деревянной калитке, мимо которой он идет. Какая-то собака прохныкала:

— Эй! Послушай! Привет-привет-привет!

Сириус остановился. Низкая калитка вела во двор, несколько меньший, чем двор Даффильдов. Внизу на калитку была натянута проволочная сетка, и еще одна проволочная сетка была натянута над калиткой и над забором, так что этот двор был еще больше похож на тюрьму, чем его собственный. Почувствовав симпатию, Сириус лег на землю и посмотрел через нижнюю сетку. Вторая собака тоже опустилась на землю. Они уставились друг на друга, нос к носу. Хвост Сириуса изумленно изогнулся. Ему показалось, что он смотрит в зеркало. Незнакомая собака оказалась самкой с мягкими карими глазами, но у нее была такая же кремовая пушистая шкура и такие же рыжие уши. Она была очень красива.

— Ты кто? — спросил Сириус. — Почему ты так похожа на меня?

— А ты кто? Я Пятнашка. Привет-привет-привет, — сказала вторая

собака.

— Привет, — ответил он. — Меня зовут Лео.

— Привет, Лео. Привет-привет! — сказала она.

— А ты что, умеешь говорить только «привет»?

— А о чем еще говорить? Привет-привет.

— На свете есть куча разных вещей, о которых можно говорить. Тебе не скучно сидеть запертой в этом дворе?

— Почему мне должно быть скучно? — спросила она с некоторым удивлением. — Привет.

— Ну ладно, — сказал Сириус. — Ты случайно не знаешь, что такое Зоаи, нет?

— Нет, — ответила она. — Может, косточка? Привет. Кто твой хозяин?

— У меня нет хозяина. Обо мне заботится девочка по имени Кэтлин.

— Бедняга! — сказала Пятнашка. — Моего хозяина зовут Кен. Он чудесный.

До Сириуса внезапно дошло, что это самое глупое существо, какое он только встречал. Он поднялся на лапы в горьком разочаровании.

— Мне надо идти.

— Приходи завтра. Пока-пока-пока! — сказала Пятнашка.

«Ну вот еще!» — подумал Сириус и побежал прочь.

Через два двора обнаружился еще один кремовый пес с рыжими ушами. Он прыгал, хныкал и прыгал на сетчатый забор.

— Привет-привет! Я видел, как ты спускаешься к реке, и надеялся, что ты пойдешь обратно. Привет-привет. Я Брюс. Привет.

— Привет, — вежливо сказал Сириус и пошел дальше.

Еще дальше по улице нашлись еще два кремово-рыжих пса, Пират и Рыжеухий, и они тоже удивительно походили на Сириуса. Сириус был озадачен. Еще ни одна собака, которую он встречал, не выглядела так.

— Почему ты похож на меня? — спросил он Рыжеухого.

— О, привет-привет-привет! — ответил Рыжеухий. — Наверно, потому что мы оба псы. Привет.

— А что, никто из вас никогда ничего не говорит кроме «привет». — спросил Сириус, совершенно выведенный из себя.

— Конечно, нет. Это говорят все собаки, — сказал Рыжеухий. — Привет.

Сириус хотел посоветовать ему пойти поест из кошачьей миски, но решил, что Рыжеухий не виноват в собственной глупости. Он вежливо попрощался и пошел дальше.

«Теперь я знаю, что имеет в виду Бэзил, когда называет людей дебилами, — подумал он. — Какие идиоты!»

Еще дальше старую застройку разрушали. Сириус некоторое время смотрел, как бульдозеры передвигают кучи кирпичей. Несколько людей в желтых шлемах засуетились вокруг него и дали ему бутерброд с ветчиной. Они, похоже, сочли его одним из дебильных псов «с приветом».

— Эй! Разве это не твой Брюс опять удрал? — спросил один из них человека в бульдозере.

— Нет, — крикнул тот. — Должно быть, Пират или Рыжеухий. Я их не различаю.

Пока они перекрикивались, Сириус ускользнул прочь и оказался в широком, засыпанном пеплом месте, где все дома уже уничтожили. С противоположной стороны дома были разрушены несколько лет назад, но территорию не расчистили. Там остались большие кучи щебня, поросшие кустарником и маленькими деревцами. Кирпичи и зола были покрыты белой травой и сухими стеблями высоких сорняков.

И тут Сириус ощутил какой-то трепет, покалывание, дрожь. Это было больше чем запах, больше чем ощущение. Оно было щекочущим, живым, огромным. Сириус замер, подняв голову. Так можно было чувствовать только Зоаи. Это *должно* быть Зоаи. Он замер, но покалывание немедленно исчезло. Сириус напряг нос, уши, все, чтобы снова его поймать. Но ничего не нашел. Возможно, ветер переменился. Сириус бегал вперед-назад, почти в иступлении разыскивая запах, или чувство, или что бы это ни было. Но там не было ничего, абсолютно ничего. Похоже, только он нашел Зоаи, как сразу же его потерял. В отчаянии Сириус посмотрел вверх, на Солнце.

Солнце оказался гораздо ниже в небе, чем он ожидал. Сириуса охватила новая тревога.

— Который час?

— Полтретьего по Гринвичу, — сказал Солнце. — А что?

На мгновение Сириус почувствовал, что он разрывается пополам. Зоаи где-то здесь. Он знал, что оно здесь. Но в четыре с небольшим Кэтлин придет из школы. Он еле-еле успевал вернуться. Сириус повернулся и быстро побежал в сторону дома.

— Зоаи, — сказал он через плечо Солнцу. — Оно где-то совсем рядом. Но я не могу остаться. — Он был зол на себя. Хитро затаившаяся собачья природа одурачила его зеленую сущность. Оказывается, он с самого начала собирался вернуться домой. — Я не могу *не делать* этого! — сердито сказал он Солнцу.

— Конечно, нет, — сказал Солнце. — Ты можешь прийти сюда завтра. Я постараюсь определить траекторию той штуки, которая упала ближе всего отсюда.

Глава 7

Словно ветер, Сириус мчался домой. По пути многие прохожие пытались его остановить и поговорить с ним.

— Иди сюда, парень. Хороший пес.

Но Сириус слишком торопился, чтобы слушать. Он пробегал мимо протянутых рук, не останавливаясь и не оборачиваясь. Он переходил улицы — быстро, но осторожно. Когда он добежал до переулка за двором, Солнце уже опустился за крыши домов, прошло по меньшей мере еще полчаса, и Сириус настолько устал и запыхался, что еле бежал.

— Наконец-то ты тут! — сказала Тибблс.

Сириус посмотрел вверх и увидел ее, Ромула и Рема, взволнованно сбившихся в кучу на стене у калитки. Он был изумлен, тронут и рад, увидев, что они все беспокоились о нем. Затем он встревожился.

— Даффи заметила, что меня не было?

— Она — нет, — сказал Рем.

— Кэтлин идет по улице к парадному входу, — сказал Ромул.

У Сириуса не было времени подумать, как открыть защелку. Он просто встал на задние лапы, стукнул по ней и отскочил назад, надеясь на лучшее. Калитка распахнулась. Сириус устало вошел внутрь.

— Закрой ее, — сказала Тибблс. — Если не хочешь, чтобы тебе ошейник затянули потуже.

Сириус со стоном повернулся к калитке и задумался, как ее закрыть. Он мог дотянуться до защелки зубами. Он мог только попытаться. Он взялся зубами за неприятный, маслянистый металл со вкусом ржавчины и потянул назад. Ворота закрылись, защелка защелкнулась.

— Благодарение Богу за это!

Сириус подбежал к своему ошейнику, по-прежнему лежавшему на земле. Если бы у него было время подумать, как его надеть, он бы, наверно, не сумел этого сделать. Но он был в такой панике, что его зеленый

разум отшвырнул в сторону собачью глупость. Не задумываясь, он лег на землю, передними лапами зажал ошейник и поставил его вертикально, сунул в ошейник голову и двинулся вперед. Потом он повернулся на бок, желая только уснуть и думая, что, возможно, сейчас умрет.

Но времени поспать не было, умереть тоже. Через минуту появилась Кэтлин и отвязала веревку.

— Ну вот, Лео. Я надеюсь, тебе было не слишком скучно. Гулять!

Пришлось тащиться на прогулку на луг. Лапы у Сириуса болели, спина болела. Он был уверен, что умирает. Он с несчастным видом забрел в реку, но легче от этого не стало, и он сел на берегу, свесив голову и высунув язык дюймов на восемь.

— О Боже! — сказала Кэтлин. — Лео, мне кажется, ты плохо себя чувствуешь.

Она привела его домой. Он со стуком упал на коврик у камина и сразу же уснул.

— Робин, с Лео что-то не так, — сказала Кэтлин. — Я думаю, он заболел.

— Может, у него плохое настроение? — спросил Робин. Они с Бэзиллом принялись катать Сириуса по полу, крича:

— Вставай, Шеймус! *Крыс!*

Сириуса они разбудили. Он жалобно застонал, чтобы донести до них, что его надо оставить в покое и дать умереть, и опять уснул.

— Оставьте его в покое, — сказал Бэзил. — Может, он поспит, и все пройдет.

Сириус проспал до тех пор, пока Кэтлин не пришла пора ложиться, и поднялся только из сильного чувства долга. Он дотащился до кухни, где жадно поел и попил. Затем он захромал наверх за Кэтлин, желая только снова уснуть. Кэтлин увидела, что об играх не может быть и речи. Вместо этого она прочла ему историю Синей Бороды. Сириус с трудом держал глаза открытыми.

— Дурак! — сказала Тибблс, изящно залезая в окно.

— Да. В другой раз буду умнее, — сказал Сириус. Потом он уснул и, к раздражению Тибблс, храпел и дергался. Ему снилось, что он опять на улице, бежит с четырьмя собаками, точно такими же, как он сам.

К облегчению Кэтлин, утром Лео был вполне здоров. Он с готовностью выбежал во двор и, казалось, совсем не возражал против того, что его привязывают.

— Ты *и правда* хороший пес, — сказала она и неловко обняла его перед уходом. Как только она отдалась на достаточное расстояние,

Сириус вскочил и вылез из ошейника. Он обнаружил, что Тибблс благоразумно заперла нижнюю задвижку, но теперь это не составляло проблемы. От одного взмаха его лапы засов отодвинулся. Носом он поднял защелку. Теперь Сириус знал, что Зоаи где-то близко, и сказал себе, что подойдет к поискам настойчиво и последовательно и будет искать, пока не найдет.

Когда он закрывал калитку, Солнце поднялся над домом.

— Ты, должно быть, прав, — сказал он. Он выглядел раздраженным. Из него били яростные струйки пламени. — Где-то тут действительно что-то упало. Но это что-то очень странное. Я его просто не вижу — а я вижу каждый камень и каждую травинку.

— Может, оно ушло в землю? — спросил Сириус.

— Должно быть, — сказал Солнце. — Но тогда я не могу понять, почему Земля этого не заметила. Оно свалилось с достаточно громким стуком. Но повреждений земной коры нет. Зоаи — это что-то очень маленькое и плотное?

Сириус сел и попытался заглянуть в неясные зеленые воспоминания. На что *похоже* Зоаи? Проблема была в том, что он пользовался Зоаи каждый день в течение долгих веков, и оно стало таким привычным, что он его почти не замечал.

— Я не думаю, что оно всегда было одинаковым, — неуверенно сказал он. — Я... Я не могу его описать.

Солнце испустил колющее раздражение.

— Ты хуже, чем все остальные! Думай, хорошо?

— Не могу, — сказал Сириус. Теплые собачьи мысли опять устроились у него прямо за глазами, и он чувствовал себя ужасно глупым. — Но я бы его узнал, если бы увидел.

— Не огорчайся, — сказал Солнце. — Извини. Это я не из-за тебя сорвался. Просто я пытался выяснить хоть что-то насчет Зоаи. И все говорят мне разное. Единственное, в чем они сходятся — это что я, кажется, еле-еле избежал большой беды. Эта штука, должно быть, пролетела прямо мимо меня. Говорят, мне повезло, что моя сфера не превратилась в Новую звезду.

— О нет, — сказал Сириус, заглянув прямо в зеленые воспоминания и не задумываясь. — Кто бы тебе это ни сказал, они немного знают про Зоаи. Зоаи работают только тогда, когда их кто-то держит в руках.

— Ах, — сказал Солнце. Его плюмаж задумчиво заструился вокруг него. — Получается, что слух о том, что ты запустил этим Зои в светило, исключается как необоснованный. Как ты думаешь, ты сможешь до него

добраться до того, как на него наложит лапу кто-нибудь не тот? Я бы не хотел, чтобы моя сфера превратилась в Новую звезду.

Интересно, подумал Сириус, с кем говорил Солнце. Он обнаружил, что его шерсть поднимается дыбом от странных подозрений.

— Кого ты имеешь в виду?

— Целую кучу народу, — ответил Солнце. — Люди и животные, знаешь ли — не единственные существа, которые рождаются на Земле. Некоторые из ее темных жителей очень странны и весьма грозны. Предлагаю тебе вернуться туда, где ты нашел этот запах Зоаи, и начать оттуда.

— Хорошо, — сказал Сириус, все еще весьма озадаченный.

Он быстрой рысью помчался к расчищенному пустырю, по дороге, раздумывая, что на самом деле у Солнца на уме. У него было такое ощущение, что Солнце знает гораздо больше, чем говорит. Но тут он снова почувствовал Зоаи и забыл обо всем остальном. Покалывание возникло откуда-то из-за спины и сразу же исчезло. И все равно он побежал в ту сторону.

Он уже почти вернулся к дому, когда почувствовал его снова — быстрое, живое покалывание совершенно с другой стороны. Он побежал туда, но покалывание исчезло. На окраине города Сириус опять почувствовал Зоаи где-то сбоку. Совершенно растерянный, он повернул в ту сторону.

— Что ты делаешь? — поинтересовался Солнце.

— Я его почувствовал три раза — и каждый раз в новом месте, — объяснил Сириус.

— Может, кто-то пытается сбить тебя с толку? — спросил Солнце.

Сириус попытался над этим подумать. Это было нелегко, потому что он уже успел устать, и собачья глупость окутывала его мозг, словно густое облако.

— Может, само Зоаи, — неуверенно сказал он. — Оно... Оно сделано не из той же материи, что все остальное. Я не могу правильно объяснить, но я знаю, что оно может работать сразу в нескольких направлениях.

— Надеюсь, что причина только в этом, — сказал Солнце. — Ты бы лучше подошел к поискам систематически. Возьми одну маленькую территорию и обследуй ее. Затем переходи к следующей. Извини, что я тебя так пугаю, но думаю, что Зоаи нужно найти как можно скорее.

Сириус снова был озадачен.

— Месяц назад ты говорил, что мне не повредит подождать, — возразил он. — Что же вдруг взбрело тебе в голову?

Солнце заблестел от смеха.

— Назови это моей яростной и нетерпеливой сущностью. Нет, серьезно, теперь, когда я немножко побольше узнал о Зоаи, я понял, что они куда более необычны и могущественны, чем я думал. Это Зоаи может причинить немало разрушений, и я хочу, чтобы оно было найдено.

Сириус побежал обратно к центру города. Он подумал, что обойдет весь город по спирали, чтобы посмотреть, не сможет ли он таким способом определить местонахождение Зоаи. Но, оказавшись около той улицы, где он пытался ограбить мусорный ящик, он внезапно почувствовал сильный голод. Он поднялся по ступенькам старушкиного дома и самым естественным способом постучал в ее дверь тяжелой когтистой лапой.

— Так это опять ты, — сказала она, открывая дверь. — Я могла бы догадаться. — Она положила руку ему под челюсть и посмотрела ему в глаза. — Нехороший пес. Опять убежал. Я не знаю, как тебя зовут на самом деле, но у тебя зеленые глаза, так что я буду называть тебя Сириусом. А я мисс Смит. Заходи, Сириус, и я посмотрю, что я смогу для тебя найти. И я думаю, что ты хочешь пить.

Это было начало долгого знакомства. После этого Сириус приходил к ней почти каждый день. И не только потому, что, хотя мисс Смит, очевидно, была небогата, у нее всегда находилось для него что-то поесть. Он ее любил и уважал. Кроме Кэтлин, она была единственным человеком, который видел, что он понимает по-английски, и к тому же она звала Сириуса его настоящим именем. Как и Кэтлин, мисс Смит разговаривала с ним, как почти с равным себе. А потом он понял, что она ждет его приходов и специально откладывает для него еду. После этого он каждый день обязательно приходил к мисс Смит, и всегда успевал вернуться к себе во двор ко времени возвращения Кэтлин.

Неделя за неделей проходили в поисках Зоаи. Сириус снова и снова чувствовал его, всегда только на мгновение, но просто не мог определить, откуда приходит это ощущение. Живое покалывание появлялось то отсюда, то отсюда. Иногда Сириус не чувствовал его по несольку дней. В конце концов он отказался бегать в сторону этого покалывания, потому что это всегда заканчивалось тем, что он прибежал на окраину города — и тут же чувствовал Зоаи у себя за спиной.

Иногда Сириус был готов согласиться с Солнцем, что кто-то намеренно сбивает его с толку. Он принял нетерпеливый совет Солнца и обыскал город район за районом. Ему казалось, что если бы он мог построить у себя в голове изображение города и отметить на нем все места, где он чувствовал Зоаи, то середина этих отметок пришлась бы на истинное местоположение искомого предмета.

Это было очень трудно. Во-первых, зеленая сущность Сириуса сердилась и скучала. Похоже, она привыкла решать проблемы быстро. К удивлению Сириуса, ему помогла его собачья сущность. Она привыкла скучать и, похоже, могла терпеливо и методично заниматься своим делом, когда светило уже давно выло от нетерпения. Сириус начал понимать, почему люди говорят «упрямый, как собака».

Но главная проблема была в том, что ни одна из его сущностей не могла удержать в голове необходимый образ города. Пес видел его состоящим из мест, запахов и путей к другим местам и запахам. Зеленые мысли пытались все это изогнуть в шар. Но Сириус хотел получить полную картину, плоскую и целую, такую, какие нравились людям. Единственная подходящая картина, которую он знал, находилась в комнате Бэзила. У Бэзила имелась настоящая карта города, приколотая к стене. При каждом удобном случае Сириус открывал носом дверь Бэзила и садился на коврик у кровати, уставившись на карту и пытаясь понять смысл символов, которые Бэзил на ней тщательно нарисовал.

Найдя его там, Бэзил пришел в ярость.

— Убирайся, Крыс! И быстро, или я прыгну тебе на хвост! — Комната была полна маленьких кусочков камня и обломков старой керамики, разложенных на недорисованных планах и схемах. Сириус мог бы испортить их все одним взмахом хвоста. Бэзил не знал, что Сириус специально старался этого не делать. Он захлопнул дверь и предупредил Кэтлин, чтобы она держала ее закрытой. Сириус не мог открыть дверь сам. Чтобы больше узнать про карту, он начал, в первый раз с тех пор, как был щенком, прислушиваться к тому, что говорил Бэзил.

У Бэзила был друг-очкарик по имени Клайв. Бэзил очень восхищался Клайвом — Сириус думал, что Клайв, возможно, умнее Бэзила — и каждый раз, когда Клайв к нему заходил, Бэзил с огромным энтузиазмом принимался рассуждать о камешках и старой керамике, подражая речи Клайва. Клайв называл кусочки и обломки «Ископаемыми». Они с Бэзилом собирали «Ископаемые» всех видов и рисовали карты тех мест, где они их нашли. Большинство «Ископаемых» называлось «окаменелостями». Сириус думал, что эти «окаменелости» похожи на игрушки Солнца в детстве. Он не видел в них никакой ценности. И уж тем более он не видел ценности в старой керамике, которая, как говорил Клайв, была римской, хотя и предполагал, что некоторые из старых монет, которые имелись у мальчиков, в свое время могли иметь некоторую ценность. Гордостью их коллекции были какие-то голубые бусины, которые они нашли на пустыре около дебильных собак «с приветом» — Клайв часто

говорил, что эти бусины следовало бы отдать в музей — и маленький округлый метеорит.

Но для Сириуса в этом всем не было никакого толку. Он уже почти перестал прислушиваться к разговорам мальчиков, когда обнаружил, что Клайв — а вместе с ним и Бэзил — мечтают найти еще один метеорит.

— Мы знаем, что он упал недалеко отсюда, — серьезно говорил Бэзил. — Его все слышали. О нем даже по телевизору говорили.

— Да, но я не понимаю, как он мог упасть с таким сильным ударом, что все дома затряслись, а потом просто исчезнуть, — говорил Клайв. — Разве что это была очень маленькая черная дыра — вроде той, которая, как считается, упала в России.

Сириус с ужасом понял, что они говорят о Зоаи. Шерсть у него на спине вздыбилась. Если Бэзил заполучит Зоаи, и если Зоаи не убьет его на месте, то он за несколько секунд может разрушить всю Солнечную систему, а может, и другие ближайшие звездные системы заодно. Сириус понял, почему Солнце так нервничает.

— Если бы это была черная дыра, она бы прошла прямо сквозь землю, — возразил Бэзил, настороженно глядя на Сириуса. Он знал эту привычку Крыса иногда смотреть на него в упор. — Она бы появилась на другой стороне Земли.

— Да, — согласился Клайв. — В прошлую субботу я ходил в музей и поговорил с тем парнем. Он уверен, что это просто метеорит. Он сказал, они пытались его найти, но импульс от удара оказался слишком рассеян. Все сейсмографы в округе сошли с ума, и все давали различные значения. И послушай, Бэзил — да не обращай ты внимания на этого надоедливового пса.

Бэзилу надоело, что Сириус сидит, уставившись на него. Он начал рычать и грозиться ударить его.

— Это важно, — сказал Клайв.

— Я сначала выставлю Крыса за дверь, — сказал Бэзил, схватил Сириуса за шкуру и потащил к двери во двор. Сириус напряг лапы и сопротивлялся, но Бэзил схватил его за загривок, с чем Сириус ничего поделать не мог. Его выбросили наружу, и дверь захлопнулась за ним.

— Зачем ты это сделал? — спросила Кэтлин.

— Я не хочу, чтобы вокруг меня были Крысы — и надоедливые ирландские дебилки тоже, — сказал Бэзил.

Сириус взволнованно посмотрел на клонящегося к закату Солнце.

— Бэзил и его друзья тоже собираются искать Зоаи. Как мне их остановить?

— Не думаю, что тебе это удастся, — ответил Солнце. — Я сделаю все, что смогу, чтобы их отвлечь, но мальчишки — настоящие протуберанцы. Они всюду суют свой нос, всюду подглядывают и в конце концов находят вещи, которые все уже давно перестали искать. Сотрудники музея уже давно сдались.

— Я надеюсь, что это все, что хотел сказать Клайв, — сказал Сириус.

Когда Кэтлин снова впустила его в дом, он подобрался к комнате Бэзила, не слишком надеясь на успех. Он решил, что ему следует выяснить, что Бэзил знает про Зоаи. Он толкнул дверь носом, и, к его радости, она распахнулась. Бэзил слишком торопился показать Клайву свои Ископаемые и забыл ее как следует закрыть. Сириус подошел к книжной полке и осмотрел книги. Он знал, что люди хранят большую часть своих знаний в книгах — очень великодушно с их стороны — так что все, что знал Бэзил, должно было быть где-то здесь.

Немного подумав, Сириус выбрал две книги — у одной на корешке был нарисован камень, у другой что-то похожее на галактику. Вместе они вроде бы полностью охватывали тему. Он хотел бы, чтобы пришла Тибблс и сняла для него эти книги с полки. Но ему пришлось справляться самому, толкая книги неуклюжей лапой и помогая себе носом. Книга с галактикой снялась с полки достаточно легко. Сириус побежал с ней в комнату Кэтлин и положил книгу на пол около ее кровати, потом вернулся за книгой с камнем. Теперь книги стояли посвободнее. Книга с камнем упала с полки на пол вместе с доброй половиной стоявших там книг. Сириус выскочил из комнаты, поджав хвост, и торопливо удрал, действительно чувствуя себя очень виноватым.

— Кто раскидал мои книги? — спросил Бэзил. — Робин, это ты? Если ты...!

Робин действительно выглядел виноватым.

— Да я и не подходил к твоим книгам!

Бэзил надрал ему уши, и Сириусу стало очень неудобно. Хуже всего было то, что он никаким способом не мог взять вину на себя, даже если бы хотел.

Когда Кэтлин пришла ложиться спать, она очень удивилась, увидев, что на полу лежат две книги.

— Это книги Бэзила! Как они сюда попали?

Девочка подняла книги и осмотрела, пытаясь понять, откуда они взялись. Сириус изо всех сил пытался сделать вид, что он тут не при чем. Он принес их как можно осторожнее и — как он надеялся — не оставил на них ни одной, даже самой слабой, отметочки от своих зубов.

Кэтлин так и не смогла определить, как книги оказались у нее в комнате.

— Ну ладно, — сказала она. — Можно их почитать, прежде чем вернуть обратно.

Сириус широко усмехнулся, забираясь на кровать и устраиваясь поудобнее. Он знал, что Кэтлин непременно возьмется читать книги. Своих книг у нее было мало, а читать она очень любила. Однажды она даже прочитала ему книгу Даффи про то, как делать керамику.

Сначала Кэтлин открыла книгу с камнем, лежавшую сверху.

— *Сланец и гнейс, — прочла Кэтлин, — являются вулканическими образованиями докамбрийской эры. Ох, Лео, я не думаю, что это очень интересно. — Метаморфические породы с высоким содержанием минералов следует искать следующим образом...* — Лео, я тут половину слов не знаю, как читать. Давай попробуем другую книгу?

Она подняла книгу с галактикой. Книга оказалась написана несколько более простым языком и скоро увлекла их обоих. Кэтлин пришла в восторг и изумление при мысли о звездах и планетах, вращающихся в бесконечном пространстве. Сириус был изумлен тем, как много люди сумели узнать, сидя на Земле, вращающейся вокруг своей оси за сутки. Они ухитрились измерить одно, записать другое и вычислить то, что не могли увидеть. У них была картина Вселенной, которая была так же похожа на Вселенную, которую знал Сириус, как составленный в полиции фоторобот — с реальным человеком. Но он был изумлен тем, что какая-то картина Вселенной у людей вообще была.

— Это о светилах, — объяснил он Тибблс, забравшейся в окно и присоединившейся к ним. — Ты знаешь о них?

— Такие яркие ребята, которые иногда приходят побеседовать с нашим Солнцем? — уточнила кошка. — Они несколько крупноваты, чтобы замечать меня. Мне бы понадобилось стать размером с Землю, прежде чем я могла бы с ними познакомиться. И я в любом случае не понимаю их язык. А Земля считается одной из них?

— Земля — планета, — сказал ей Сириус. — Она вращается вокруг Солнца.

— Тогда понятно, — сказала Тибблс, сворачиваясь клубком под носом у Сириуса. — У меня спина сверху чешется. Прямо вдоль позвоночника.

— Что понятно? — спросил Сириус, послушно вылизывая ее.

— Почему Земля говорит на наших языках, — сказала Тиблс. — Я знала, что она не такая, как они.

— Ты только послушай, Лео! — воскликнула Кэтлин. — Это про Со-

бачью Звезду. *Сириус, Альфа Большого Пса, часто именуемый Собачьей Звездой, находится всего в восьми с половиной световых лет от нашей Солнечной Системы. Поскольку он в два раза горячее нашего Солнца, его яркость и характерный зеленый цвет делают его заметным объектом в нашем зимнем небе.* Почему я не знала этого раньше? Мне следовало бы назвать тебя Сириус, Лео. Тебе это имя идеально подходит. Я бы *хотела* знать! Ты находишься в созвездии Большого Пса — а это пес Ориона, Лео. Я же *знала* и про Орион! Мой папа однажды показывал мне Пояс Ориона, когда я была маленькой. Ты в том же звездном потоке, что и Большая Медведица — и мы, я думаю, хотя тут об этом говорится неясно — и ты красивого ярко-зеленого цвета. О — и у тебя есть Спутница, которая является белым карликом, размером примерно в половину нашего Солнца. Тибблс, ты должна быть его Спутницей.

Невольно Сириус тяжело вздохнул. Его зеленую сферу заполучил кто-то из системы Кастора, и его Спутницу тоже.

— Не грусти, — сказала Кэтлин. — Я просто пошутила. Сейчас уже слишком поздно менять тебе имя. Ты по-прежнему Лео.

Она принялась читать про другие звезды. Сириус вздохнул еще раз или два, узнавая в книжных описаниях своих друзей: Бетельгейзе, Прокциона, Канопуса и Альдебарана, Ригеля, Дубхе, Мицара и Фада. Он подумал, увидит ли он когда-нибудь их снова. Но он рад был убедиться, что из этой книги Бэзил вряд ли узнал что-нибудь полезное про Зоаи. Люди, писавшие книгу, могли измерить размеры сфер, их светимость и расстояния между ними, но они, похоже, считали, что эти сферы такие же безжизненные и механические, как стеклянные шарики, которые Робин иногда катал во дворе.

Глава 8

Хотя Сириус был уверен, что Бэзил не имеет представления о том, что ищет, он все же знал, что если Бэзил найдет Зоаи, случится беда. На следующий день, выскочив со двора, двора, он побежал прямо к пустырю, где в первый раз почувствовал Зоаи. Ему казалось очень вероятным, что Зоаи упало именно здесь, но он опять ничего не нашел. Сириус бродил среди сухих сорняков и куч щебня, не чувствуя даже слабенького покалывания. Тогда он решил еще раз навестить четырех дебильных собак «с приветом». Может, они и глупые, даже для собак, но они его заинтересовали.

Когда Сириус бежал по улице, Пират, Красноухий и Пятнашка приветствовали его так же, как и раньше.

— Привет-привет-привет! Эй, пес! Привет!

Но он обнаружил, что недооценил Брюса.

— Привет! — сказал Брюс, прыгая на сетку под калиткой. — Я правда рад тебя видеть. Я хотел с тобой поговорить. Все остальные такие дураки, а ты выглядишь толковым. Почему мы все так похожи?

— Не знаю, — сказал Сириус. — Я надеялся, что вы знаете. Вас, случайно, не выловили всех из реки?

— Понятия не имею, — сказал Брюс. — Значит, собаки берутся из рек?

— Нет, — терпеливо сказал Сириус. — Они рождаются. Разве ты не видел вчера вечером по телевизору собаку-мать и щенков?

— О, да, — сказал Брюс. — Я и правда на них засмотрелся. А почему ты тогда спросил меня насчет реки?

— Потому что я помню, как меня из нее вытащили, — сказал Сириус.

— О Господи! У тебя, должно быть, хорошая память! — сказал Брюс.

— Это же, наверно, было несколько месяцев назад.

— Но разве ты не слышал, как люди, с которыми ты живешь, говорят

о том, откуда ты взялся? — спросил Сириус.

Брюс признался, что он не слишком хорошо понимает человеческую речь.

— Я могу понять их, когда они говорят медленно, — сказал он. — Но они вечно так быстро бормочут. Все, что я обычно могу разобрать, это важные слова вроде *гулять* или *ужин*, или *бисквит*, или *ванна*.

— А *ванна* — это важно? — спросил Сириус, которого никогда не мыли.

Брюс вздрогнул.

— Да. Это значит, что они намерены засунуть тебя в ужасную глубокую теплую воду и втирать в тебя вонючую пену, которая щиплет глаза. Они так говорят, когда думают, что у тебя завелись блохи. А твои люди разве так не делают?

— Конечно, нет! — сказал Сириус. — Никто в моем доме и мечтать не будет о подобном.

— Тебе повезло, — задумчиво сказал Брюс. — И тебе повезло, что тебе позволяют уходить со двора. Как это у тебя получается?

— Я открываю калитку, — сказал Сириус. — А ты разве свою не можешь открыть?

— Эту защелку — нет, — сказал Брюс. — Я научился открывать две защелки, которые были раньше, так что они повесили эту, чтобы меня остановить. Я ее изучаю, но, боюсь, довольно медленно. И все-таки однажды мы встретимся снаружи.

— Встретимся, — пообещал Сириус и побежал дальше, думая, что ему весьма нравится Брюс, и нравится чувствовать себя выше него — особенно в том, что касается ванны.

Увы Сириусу. Он к этому времени свободно бегал по городу уже три недели. Он разговаривал с бесчисленными бродячими собаками и искал Зоаи во множестве неприглядных мест. На следующий день он начал чесаться. Он чесался ужасно. Он каждые сто метров присаживался, чтобы почесаться, но все равно чесался. Он чесался, когда вернулся домой. Он сидел на коврике у камина и чесался, ритмично постукивая тяжелой лапой по полу. Рядом с ним сидела Тибблс и тоже элегантно чесалась. На кухонном шкафу Ромул и Рем тоже чесались.

— Черт возьми! — сказала Тибблс. — Я думаю, ты мне принес...

В этот момент Даффи наклонилась вперед и недоверчиво уставилась на что-то маленькое и коричневое, ползущее по ее широкой ноге.

— *Что?* — спросила она, поймала маленькую коричневую тварь двумя пальцами и помахала ей в воздухе. — Это, — сказала она торжественно,

— блоха. У этой Грязной Твари завелись блохи. Кэтлин, если к тому времени, когда пора будет ложиться спать, ты от них не избавишься, завтра это существо отправится к ветеринару. Вымой его. Пропылесось гостиную. Немедленно!

— О, Боже! — Кэтлин сразу же вскочила. — Да, Даффи. Где?

— В ванной, конечно. И после этого вымой ее как следует, — сказала Даффи. — А я разберусь с этими кошками.

— Черт тебя побери! — взвыла Тибблс, когда Даффи схватила ее.

Потом Даффи схватила Ромула и Рема. Она взяла их в охапку, голова к голове, и ушла с ними на кухню. Из раковины понеслись ужасные звуки полоскания и отчаянный вой. Сириуса, дрожавшего с ног до головы, потащили наверх Кэтлин и Робин, и даже Бэзил оторвался от своих Ископаемых, чтобы подтолкнуть его сзади. Ванну наполнили. Сириус, рыча от ужаса, отшатнулся от поднимающегося пара и напряг лапы. Но, похоже, вся семья сразу согласилась с Даффи. Не успел Сириус вырваться на волю, как в ванную вошел мистер Дафффильд.

— Давай, забирайся в ванну, лошадка, — сказал мистер Дафффильд.

Сириуса, к его ужасу и острому унижению, подняли, как обычную кошку, и опустили в теплую воду. Ощущение было ужасным. Сириус был совершенно уверен, что вода его убивает. Три раза он почти выбрался, и три раза четыре человека заталкивали его обратно. Все они промокли до нитки.

Мистер Дафффильд несколько раз ударил его, все сильнее с каждым разом. Но Сириус предпочитал быть битым, чем оставаться в этой ванной. Он сражался в отчаянном зеленом гневe, сверкая глазами и скаля зубы.

— О Господи, Крыс! Это всего лишь вода, — сказал Бэзил.

— *Лео!* — сказала потрясенная Кэтлин. Она еще никогда не видела его таким.

Сириус понял, что огорчает ее. Он изо всех сил постарался сдержаться, но все еще был в ужасе. Он весь трясся, пока они не закончили мытье и не отпустили его. Тогда Сириус выскочил из ванны, как морская волна, подняв за собой больше половины налитой туда воды, и бросился вниз, вымачивая все на своем пути. Даффи в гостинной мрачно посыпала порошок вырывающихся кошек. Ей и досталась вся оставшаяся на Сириусе вода — отряхиваясь, он окатил ее с головы до ног. Кошки бросились в разные стороны. Даффи схватила кочергу и выгнала Сириуса во двор, где он заполз в свою будку и, дрожа, свернулся там клубком. Робин и Кэтлин попытались залезть к нему с банными полотенцами, но

вытираться ему понравилось немногим больше, чем мыться. Если бы это были не Робин и Кэтлин, он бы их укусил. Он рычал, рычал и совершенно расстроил Кэтлин. Она расплакалась.

— Из-за нее Лео меня возненавидел. Он меня никогда не простит. *Послушай его, Робин!*

Робин испугался рычания, но твердо сказал:

— Он знает, что это не твоя вина. В конце концов, он мог бы нас укусить.

От этих слов Робин почувствовал себя лучше, а Сириус пришел в себя и глубоко устыдился, что испугал детей. Дрожа, он выбрался из будки и в качестве извинения лизнул обоих.

— Ну вот! Видишь? — сказал Робин, а Кэтлин, не обращая внимания, так крепко обняла Сириуса, пока он не закричал.

Потом он вошел в дом и снова начал чесаться. Мытье не дало никакого толку.

— Посыпь его порошком, — холодно сказала Даффи.

Кэтлин отставила пылесос и стала сыпать Сириуса антиблошинным порошком, пока он не начал чихать. Похоже, и от этого толку было мало. Кэтлин посмотрела через комнату на мрачное лицо Даффи и понастоящему испугалась.

— Что же нам *делать*?

— Попробуй антиблошинный ошейник, — предложил Робин. — Один мальчик в школе говорил мне, что они работают, как волшебные.

На следующий день начинались пасхальные выходные. Кэтлин убежала из дома, пока Даффи не встала, купила необычный прозрачный ошейник и застегнула на шее у Сириуса вместе с его обычным ошейником. Новый ошейник пах чем-то странным, но Сириус скоро к нему привык. И это сработало. Сложно сказать, кто испытывал большее облегчение — Кэтлин или Сириус. Еще не наступил вечер, как Сириус перестал чесаться. Даффи сказала Кэтлин, что Это Существо может оставаться в доме до тех пор, пока будет носить антиблошинный ошейник. Кэтлин радовалась, но вместе с тем у нее появился новый повод для тревоги.

— Он ужасно дорого стоил, — призналась она Сириусу тем вечером. — И у меня почти не осталось денег. Мой папа прислал мне немного денег вскоре после того, как попал в тюрьму, но больше он мне ничего не присылал — я не думаю, что им там дают много денег — и я не знаю, как мне прокормить тебя, Лео, действительно не знаю. Даффи не позволит мне покупать тебе еду из семейного бюджета, а пятидесяти пенсов дяди Гарри просто недостаточно. После Пасхи у меня закончатся

деньги, и я не знаю, *что* мы будем делать.

Сириус знал, что мисс Смит его всегда накормит. Он попытался сказать Кэтлин, что с ним все будет в порядке, издав стонущий звук и ткнувшись носом ей в руку.

Кэтлин поняла, что он пытается ее утешить.

— Не беспокойся, Лео, — сказала она. — Я могу хитростью добывать для тебя объедки. Это нечестно, но мы справимся.

Короткие пасхальные выходные были для Сириуса довольно напряженным временем. Он не осмеливался выходить на улицу, даже чтобы навестить мисс Смит, потому что кто-нибудь мог заметить, как он выходит. При первой же возможности он встал на задние лапы и закрыл верхнюю задвижку калитки. Тибблс уже закрыла нижнюю. Она это делала каждую ночь. После этого ему было нечего делать, кроме как слоняться по дому и думать о еде, пока Кэтлин не освободится и не поведет его гулять. Он еще немного рос и, казалось, все время был голоден. Он не хотел беспокоить Кэтлин вопросом еды, но это было сильнее него. Каждый раз, когда Кэтлин заходила на кухню, Сириус со стоном плюхался у ее ног и показывал ей, что умирает от голода. Если это не срабатывало, он усаживался где-нибудь на проходе и каждый раз, когда она проходила мимо, тыкался носом ей в руку. И когда приближалось время ужина, он ходил следом за Кэтлин, беспокойно глядя на нее — на тот случай, если она забыла, который час.

— Ну в самом деле, Лео, ты как голодающий нищий! — сказала Кэтлин. — Я когда-нибудь забывала тебя покормить?

Когда Сириус не думал о еде, он беспокоился о том, что Бэзил найдет Зоаи. Клайв почти каждый день заходил к Бэзилу, и они вдвоем убегали искать таинственный метеорит. Сириус пытался убедить их взять его с собой. Каждый раз, когда они выходили, он бежал за ними к двери, насторожив уши и вертя хвостом, и надеялся, что Бэзил смилостивится. Но Клайв терпеть не мог собак. Бэзил всегда захлопывал дверь у него перед мордой со словами «отстань, Крыс».

Однажды, когда Кэтлин вытряхивала половик за боковой дверью, Сириус сумел протиснуться мимо нее и галопом помчаться за двумя мальчиками. Он думал, что если он их догонит, то, возможно, Бэзил позволит ему остаться с ними. Но Клайв скрыл за раздраженным воплем вспышку страха. Бэзил сказал:

— Ну ты меня достал, гадкий Крыс!

Он схватил Сириуса за ошейник и быстро оттащил его обратно к дому. Мальчик не хотел тратить время на то, чтобы вернуться к боковой

двери, поэтому он открыл дверь магазина и втолкнул Сириуса туда.

— Не выпускай Крыса на улицу, мам. Он все время пытается пойти с нами.

Лавка была полна обычных покупательниц Даффи — громкоголосых дам в коричневой шерстяной одежде. Даффи прошла среди них и схватила Сириуса за ошейник.

— Чертов Бэзил! Чертова тварь! Он перебьет все, что увидит.

— Какое красивое животное, Даффи, — прогрохотала одна из женщин.

— Неплохо для метиса, — сказала еще одна, с резким голосом. — Что это за жуткая помесь, Даффи?

Этот голос ударил по разуму Сириуса и вызвал плохие воспоминания. Да, этот голос принадлежал той самой громадной тетке, которая переворачивала его кверху брюхом, а потом заявила, что он не стоит того, чтобы жить. Сириус успел взглянуть снизу вверх на эту женщину, когда Даффи тащила его мимо нее. Она оказалась краснолицым созданием в вельветовых брюках и тяжелых ботинках, и вовсе не таким уж громадным, чтобы переворачивать его кверху брюхом. Но Сириус был уверен, что это она. К ее брюкам пристал знакомый собачий запах.

— Элеонора Партридж, ты сноб, — прогремела женщина с грохочущим голосом. — Дворняги всегда гораздо умнее остальных собак. Мне нравится взгляд этого пса. Сразу виден высокий интеллект.

Из-за этой похвалы Даффи не слишком злобно тащила Сириуса прочь. Наоборот, это Сириус поспешил в дом, таща за собой Даффи.

— Мне не нравятся его глаза, — сказал резкий голос.

Сириус, ощетинившись, ворвался в гостиную. С этим голосом были связаны мешки и удушье. Сириус бросился к Кэтлин, настолько расстроенный, что опять попробовал поговорить с ней и захныкал в поисках симпатии.

— Держи его *в доме*, — сказала Даффи.

— Глупый! — сказала Кэтлин. — Ты же знаешь, что они тебя с собой никогда не берут. Веди себя хорошо, и после обеда мы пойдем гулять.

Кэтлин нужно было сделать генеральную уборку. После блох Даффи на этом настаивала. Сириус молча возмущался. Кэтлин соскребала слои спокойной знакомой пыли и заменяла их новыми неприятными запахами полировки и дезинфектанта. Сириуса это раздражало, к тому же он знал, что Кэтлин тратит на уборку слишком много сил. Когда девочка наконец повела его на прогулку, она так устала, что могла только сидеть на калитке, ведущей на луг, и бросать ему палки.

Поэтому Сириус сделал все, что мог, чтобы не дать Кэтлин провести весь день за уборкой. Он очень терпеливо и настойчиво вставал, опустив голову и подняв хвост, именно там, где он больше всего мешался.

— Да *отойди* же, Лео! — повторяла Кэтлин. Она по ошибке дважды пропылесосила ему хвост. Но Сириус по-прежнему стоял у нее на пути, пока не ворвалась Даффи и не выдала длинную лекцию про ленивых нерях, которые тратят время на игры с бесполезными собаками вместо того, чтобы мыть пол.

— *Ну отойди с дороги*, Лео, — расстроено сказала Кэтлин, когда Даффи ушла.

После этого Сириус принялся просто ходить следом за Кэтлин. Он пытался смягчить скуку, используя право светила заглядывать в неожиданные дыры и углы. В одном таком углу стояла мышеловка. Это было ужасно. Он не мог снять ее с носа.

— Любопытство погубило собаку! — сказала Кэтлин, мчась на помощь. — Бедный Лео. Нет, не ходи туда! Там полно нафталина.

Нафталин тоже был ужасен. От него Сириусу стало нехорошо. В тот день ему даже есть не хотелось. В общем, ему эти выходные не понравились. Хорошо хоть, что Бэзил и Клайв не нашли Зоаи. Сириус это точно знал, потому что осмотрел все кучи грязных обломков, которые притащил Бэзил. Мальчик был в ярости. Однажды вечером, когда Сириус обнюхивал находки Бэзила, тот его пнул.

— Не делай этого! — резко сказал мистер Даффильд. — Он тебя укусит, и правильно сделает. — Он подозвал Сириуса к себе. — Иди сюда, лошадка. — Сириус подошел, приседая и крадучись, совсем не уверенный в том, что будет. Когда мистер Даффильд заметил его в прошлый раз, его засунули в теплую воду.

К его удивлению, ему ласково почесали голову.

— Ты очень терпеливое животное, — сказал мистер Даффильд, — иначе бы я не позволил тебе оставаться здесь. В этом доме есть по крайней мере два человека, которых тебе так хочется укусить, что ты бы отдал за это свои глаза — не будем называть имен. Хороший пес. — Сириус подумал, что мистер Даффильд, оказывается, весьма проникателен, и от души завилал хвостом.

Перед самым концом пасхальных каникул Кэтлин, к своей огромной радости, получила письмо от отца. Сириус еще никогда не видел писем ее отца, и это письмо ему не слишком понравилось — неразборчиво написанное карандашом на каком-то обрывке бумаги, вложенное в грязный и мятый конверт. Но Кэтлин была так счастлива его получить, что Сириус

поставил передние лапы ей на колени и поздравил ее.

— Пусть встанет обратно на пол, — сказала Даффи. — В следующий раз он полезет на стол. Этот твой отец соизволил тебе сообщить, когда он выходит из тюрьмы?

— Да! — сказала Кэтлин, светясь от радости. — Он говорит, примерно через месяц. Подумать только!

— Слава Богу, — сказала Даффи. — Я не благотворительный фонд. Мне хватает дел и без того, чтобы целый год кормить и одевать ирландских детей. Этому негодному террористу давно пора взять на себя ответственность за тебя.

Сириус хотел бы напомнить Даффи, что когда Кэтлин уедет, ей опять придется делать всю домашнюю работу. но он видел, что злоба Даффи не испортила радость Кэтлин.

Кэтлин слишком привыкла к Даффи, чтобы замечать, что та говорит. Она увела Сириуса наверх, чтобы заправить кровати, и взволнованно заговорила с ним.

— Ты обязательно полюбишь моего папу, когда встретишься с ним, Лео. Он всегда такой милый, добрый и забавный, и все время шутит. Это письмо на него совсем не похоже. Он ужасно неграмотно пишет. Но это тоже мило. Он говорит, что как только освободится, придет и заберет меня. Подумать только, Лео! Я возьму тебя с собой, мы все вернемся в Ирландию и будем жить в собственном доме. Разве это не чудесно? Папа тебя полюбит. Я знаю, что полюбит. И ждать осталось недолго. Всего месяц. Я с трудом могу этому *поверить*, Лео!

Сириус в некотором смятении сел на расстеленный конец одеяла. О такой возможности он не думал. Конечно, он уедет вместе с Кэтлин. И если он не найдет Зоаи до того, как отец Кэтлин придет за ней, то его увезут далеко отсюда, и он никогда Зоаи не найдет.

— Лео! — сказала Кэтлин, таща одеяло.

Он понял, что она пытается вытянуть одеяло из-под него, и удрученно встал. Кэтлин, застилая постель одеялом, услышала, как он удаляется, постукивая когтями по полу.

— Все в порядке. Я не сержусь, — окликнула она его. — Ты просто все время сидишь на той вещи, которая мне понадобится в следующую секунду. — Но Сириус высунул нос в окно соседней комнаты, с беспокойством глядя на Солнце, и не слышал ее.

— Да, я понял, в чем проблема, — сказал Солнце. — Знаешь что? Бэзил и его друг все время ищут метеорит выше по течению, рядом с тем местом, где ты родился. Мальчишки такие мастера что-то находить,

что я думаю, тебе тоже следует там посмотреть. В конце концов, тебя с самого начала отправили именно туда.

— Раз ты так думаешь, я посмотрю там, — сказал Сириус без энтузиазма. В том месте, где он родился, находилась миссис Партридж. А она означала мешок в реке. Он совершенно не хотел еще раз встречаться с миссис Партридж. Как только Кэтлин вернулась в школу, он сразу же отправился в город и постучался к мисс Смит.

— Я вижу, школьные каникулы закончились, — сказала мисс Смит. — И ты опять весь день предоставлен самому себе, да? Ну, заходи. Я много чего для тебя припасла.

Она его отлично накормила, и они прекрасно провели время вместе. Но Сириус знал, что эту роскошную трапезу мисс Смит смогла устроить потому, что он не был у нее почти три недели. Скоро он опять проголодался, а у Кэтлин дома не было достаточно еды для пса, целый день пробегавшего по городу.

Дело в том, сказал он себе, что мне нужно больше еды, чем могут дать мне Кэтлин и мисс Смит. Это он и сказал Солнцу, когда Солнце спросил его, почему, во имя неба, он не отправляется вверх по течению.

— Я ищу людей, которые меня накормят, — сказал он. Это было отличное оправдание для того, чтобы оттянуть возвращение туда, где властвовала миссис Партридж.

Сириус начал карьеру нищего, попытав счастья в мясных лавках. Он тихонько вошел в такую лавку за одной покупательницей.

— Извините, мадам, — сказал мясник. — Это продуктовый магазин. Мы не впускаем собак.

— Но это не *моя* собака! — сказала покупательница.

Тогда мясник и его помощник открыли дверь и замахали на Сириуса руками.

— Шууу! Иди домой! Вон!

Они так рассердились, что Сириусу пришлось уйти. Но во второй лавке он почувствовал искорку доброты. Он не знал, где эта искорка — в самом мяснике или в покупателях, но занялся ее разжиганием. Он хныкал и тыкался во всех. Он дрожал, его извиняющийся хвост смахивал опилки, а бока так запали, что чуть не встретились посередине.

— Бедняга, — сказал мясник. — Он помирает с голоду. Дай ему тот кусок голяшки и выведи.

Сириус проглотил мясо на тротуаре снаружи и попытал счастья еще у одного мясника. И еще у одного. У него получалось все лучше и лучше. Он научился сразу же, только войдя в лавку, определять, у кого есть

искорка доброты, и сосредотачивался на этом человеке. Если искорки не было, он сразу уходил. Он также обнаружил, что если он опустит уши как можно ниже, от этого у него начинают блестеть глаза, а вся морда приобретает мягкий, симпатичный вид. В пятой лавке мясник сказал:

— Я считаю, это позор — позволять такому красивому псу ходить полуголодным!

Сириус вернулся домой очень довольным — и с большим обнаружил, что его не слишком интересуют говяжьих легкие, которые ему купила Кэтлин.

На следующий день он попробовал другой способ. Он прошел по нескольким улицам и, если он находил калитку, которую мог открыть, он входил и смело стучался в парадную дверь дома. Когда она открывалась, он садился на пороге, глядя как можно обаятельнее и помахивая самым кончиком хвоста — с чрезвычайной надеждой.

Он с изумлением обнаружил, что жильцы часто восклицали «О, какой красавец!» и давали ему бисквит или пирог. Иногда, конечно, оказывалось, что в доме уже есть собака. Сириус считал разумным уходить прочь, как только она залает. Собаки были ревнивы. Кроме того, иногда оказывалось, что открывший дверь человек боится собак. Сириус научился определять это, как только дверь открывалась, и не тратить время на таких людей. А некоторые люди были вроде Даффи. Он встречался с порывом холодной антипатии. С таких порогов он сразу же уходил, но все же один раз его пнули.

Бродя по улицам в поисках тех, кто его накормит, Сириус скоро обнаружил, что самые лучшие люди обычно сами его подзывают. Два старика, сидевших на скамейке, позвали его и поделились с ним бутербродами. Еще один старик по имени мистер Гамбл позвал Сириуса к себе домой и угостил его куском свежего мяса. Похоже, мистер Гамбл только что заложил изрядное количество вещей в ломбарде на углу. Сириус видел, что мистер Гамбл очень беден. Тем не менее он взял мясо и на следующий день опять навестил всех троих стариков. Им нравилось его кормить. И он дарил им радость своей благодарностью и лаской.

— Ты просто ищешь повода не ходить туда, — сказал Солнце, которого это попрошайничество и забавляло, и раздражало.

— Да нет, — сказал Сириус. — Они хотят пошуметь вокруг чего-нибудь. Почему бы не вокруг меня?

— Ну хорошо, — сказал Солнце. — Теперь иди ищи вверх по реке.

Но, еще не пробежав и полумили в нужном направлении, Сириус встретил ярко-розовый фургончик с нарисованной голубой коровой, при-

паркованный около детского сада. Очень маленький мальчик протянул ему на ладони холодное, сладкое, белое вещество. Сириус съел его все. Вот так. Познакомившись с мороженым, Сириус какое-то время не мог думать ни о чем другом. Он нашел еще один розовый фургон и по-прошайничал около него как артист. Солнце, хоть и злился, сверкал от смеха, глядя на то, как Сириус усаживался чуть-чуть в сторонке от очереди, притворяясь слишком робким, чтобы подойти ближе, и каждой своей шерстинкой демонстрировал, как ему хочется немного мороженого. Продавец даже отдал ему целый рожок.

— Совести у тебя нет! — сказал Солнце. — Подумать только, что когда-то ты был звездой высокой святимости!

— Пф! — сказал Сириус, опустив голову, жадно глотая мороженое и вылизывая вафельный рожок. — Оно того стоит.

Тем не менее он знал, что больше у него нет поводов не идти в сторону миссис Партридж. Так что он отправился посмотреть, не сумел ли Брюс уже открыть свою калитку.

Но, не успев дойти до конца улицы, где жили собаки «с приветом». Сириус забыл о Брюсе. Он забыл о миссис Партридж, забыл о Зоаи, забыл о Солнце, забыл обо всем.

В воздухе было что-то мощное. Сильнее любого запаха. Что бы это ни было, оно щекотало еще сильнее, чем Зоаи, и влекло его за собой. Сириус не мог ему сопротивляться. Оно протащило его по улице мимо Пирата и Рыжеухого. Они разделяли это ощущение. Никто из них не сказал «Привет». Брюс яростно трудился над своей защелкой. Он даже не заметил Сириуса.

— Зоаи! — сказал Солнце, но Сириус, не услышав его, бросился дальше галопом.

Это ощущение исходило от Пятнашки. Она, как обычно, сидела у себя во дворе и выглядела совершенно очаровательно. У ее калитки сидели все соседские псы, которых выпустили на улицу. Сириус хотел войти во двор. Он не мог думать ни о чем, кроме того, как приблизиться к Пятнашке. Но путь ему преградила проволочная ограда. Наполовину лабрадор по крови, Сириус был плохим, неуклюжим прыгуном и знал, что никогда не перепрыгнет через ограду. Так что он уселся среди других псов, как можно ближе к калитке, и забыл обо всем на свете.

— Ну что ж, — сказал Солнце. — Пес есть пес, я полагаю.

Глава 9

Следующая неделя была самым странным и тревожным временем в жизни Сириуса. Он не понимал, что с ним происходит. Собака задавила его зеленую сущность, затопила ее. Он это знал, но ничего не мог поделать. Он не знал, что в Пятнашке делает его таким. Не то чтобы он любил ее, как он любил Кэтлин или свою потерянную Спутницу. Сама по себе Пятнашка ему была совершенно безразлична. Но он вынужден был каждый день приходить и беспомощно сидеть около ее калитки и испытывал ужасную боль, когда обнаруживал, что пора уходить.

Он похудел, его шкура стала меньше лосниться. Он торопливо подошел к своим кормильцам, поел и ушел. Мистер Гамбл не понял. Он обиделся.

Мисс Смит все отлично поняла.

— Бедный Сириус, — сказала она. — И, как я понимаю, она заперта. Понимаешь, их, как правило, запирают.

Если бы Сириус мог у нее спросить, что с ним происходит, он бы спросил. Странное чувство доводило его почти до иступления. Оно было так непохоже на все, что Сириус знал раньше, что он понятия не имел, как с ним справиться. Он знал, что ему надо искать Зоаи, но не мог уйти от Пятнашкиной калитки. В конце концов он спросил у других терпеливо ждавших псов, что с ними со всеми происходит. Большинство понятия не имело. Они только знали, что готовы сидеть тут день и ночь, пока Пятнашка к ним не выйдет. А она никогда не выходила. Но один жуткий метис с головой, похожей на голову серого медведя, угрюмо объяснил:

— Она в течке. У нее могут быть щенки. Вот почему мы здесь.

— Ах, так вот в чем дело? — весело спросила Пятнашка из-за калитки. — А я-то не могла понять, почему у меня вдруг появилось столько друзей. Привет-привет. Я люблю вас всех! — Она была в очень веселом и кокетливом настроении. — Почему бы некоторым из вас не зайти ко мне?

Никто из псов не мог перепрыгнуть через высокую проволочную ограду. Все глубоко вздохнули. Для них всех, включая Сириуса, знание о том, почему они здесь, ничего не изменило. Они были слишком захвачены ощущением, исходившим от Пятнашки, чтобы хотя бы поссориться из-за нее. Они просто сидели на тротуаре, задыхаясь от волнения, так что с недалекого расстояния вся собачья компания, казалось, вибрировала, как кузов старой машины.

На той неделе хозяева Пятнашки и Брюса разрушали дома всего через две улицы от дома Пятнашки. Они зашли домой на чашку чая. Хозяин Брюса остановился и посмотрел на дрожащих псов, на высунутые языки, на быстро вздымающиеся бока и терпеливые морды.

— Я вижу, она заполучила обычную команду воздыхателей.

— Да. Я буду рад, когда это кончится, — сказал хозяин Пятнашки. Он прошел среди ждущих псов, расталкивая их и вяло советуя им убраться домой, и остановился, дойдя до Сириуса. — Эй! Твой Брюс опять выбрался со двора!

— Нет, — сказал хозяин Брюса. — И это не Пират и не Рыжеухий. Должно быть, еще один из них.

— Должно быть, кто-то попытался утопить целый мешок щенков, — сказал хозяин Пятнашки. — Хотел бы я спросить у этого пса, не вытащили ли из реки и его. Ну вот, калитка открыта. Скорее заходи.

Так Сириус узнал, что собаки «с приветом» действительно были его братьями и сестрой. Но он был псом, и для него это не означало того, что означало бы для человека. Он был слишком увлечен Пятнашкой. Он попытался ловко проскользнуть в калитку вслед за людьми. Хозяин Брюса поймал его за шиворот и вытащил наружу. Так что Сириус опять вернулся к безнадежному ожиданию.

— Лео нехорошо выглядит, — встревоженно сказала Кэтлин. — Может, мне стоит сводить его к ветеринару?

— С ним все в порядке. Возможно, он опять растет, — сказал мистер Даффилд.

Сириус чувствовал себя нехорошо. Его тошнило от тоски. К середине второй недели сидения на тротуаре он был почти в лихорадке. Но в тот день там появился новый пес.

Этот пес прибежал около полудня и улегся, тяжело дыша, рядом с остальным. От него исходил легкий холодок. Хотя Пятнашка была занята тем, что крайне обаятельно почесывала одно из своих рыжих ушей, Сириус не мог не посмотреть на пришельца.

Он был крупным, крупнее Сириуса, и старше. Вообще он был велико-

лепным псом в расцвете сил. Белая шерсть на его теле сияла, как снег в лунном свете. Висячие уши были краснее рыжины, краснее каштана, кровавого оттенка, они просто пылали на фоне мерцающего снежно-белого тела. Глаза у него были ярко-желтые, как у кошки, а зрачки щелевидные, как у кошки на солнце.

Сириус уставился на новоприбывшего. Он почувствовал, как у него на спине поднимается шерсть, и как его охватывает нечто вроде возбуждения. Но это возбуждение не имело ничего общего с тем, которое исходило от Пятнашки. В нем был страх. Наверное, из-за холода, исходившего от незнакомца. Сириус заметил, что остальные псы немного отодвигаются от пришельца. Но вместе со страхом и холодом Сириус почувствовал слабое морозное покалывание, крохотный укол жизни более сильной и серьезной, чем все, что было связано с Пятнашкой. Сириус сел на задние лапы. Он знал это покалывание. Оно исходило от существ, находившихся рядом с Зоаи.

— Кто ты? — спросил он.

Незнакомый пес секунду смотрел на него своими кошачье-желтыми глазами, потом отвернулся. Он не ответил. Вместо этого он улегся, как лев на гербе, наблюдая за Пятнашкой. Он смотрел снисходительно, как будто знал, что Пятнашка очень молода и глупа, и это его забавляло. Он и с ней не говорил, хотя она, конечно, сказала «Привет».

Прошло полчаса, и странный пес, похоже, решил, что уже достаточно тут пролежал. Он встал и не торопясь прошел несколько шагов вбок и в сторону от ограды. Потом остановился. Его голова размеренно повернулась. Его кошачьи глаза посмотрели на землю, потом на ограду, потом опять на землю. Он явно намеревался перепрыгнуть через ограду. Сириус посмотрел на длинные сильные лапы незнакомца — мерцавшие пушистой шерстью, совсем как у него самого — и не усомнился, что тот может это сделать.

Остальные псы тоже не усомнились. Они протестующе зашевелились. Медведеподобный пес сказал:

— Послушайте! Это несправедливо!

Неизвестный пес не обратил на них внимания. Он напрягся. Его желтые глаза неотрывно смотрели на верх ограды, а лапы напряглись для прыжка.

И тут пришел шум. Пронзительный и приятный, он, казалось, доносился издалека. Но Сириусу показалось, что шум раздается прямо у него между ушами. Этот звук был настолько навязчивым и властным, что Сириус поднял нос и наострил уши. Звук как будто звал его. Неиз-

вестный пес тряхнул головой и раздраженно оглянулся. Пятнашка тоже услышала этот звук. Она сидела, подняв уши и склонив голову набок, и выглядела очаровательно. Больше никто из собак никак не отреагировал. Казалось, что только они трое — Пятнашка, Сириус и незнакомец — слышат таинственный зов.

Звук прекратился. Незвестный пес заколебался. Он посмотрел на Пятнашку, по-прежнему выглядевшую очаровательно. И это, казалось, решило вопрос. Его взгляд вернулся к вершине ограды. Его лапы пружинисто согнулись перед прыжком.

Шум опять настойчиво прошел через голову Сириуса. На этот раз он звучал дольше, громче и более властным. Чувствуя, что надо что-то сделать, Сириус неуверенно встал. Пятнашка захныкала. Незнакомый пес, похоже, совершенно выведенный из себя, снова выпрямился во весь рост, повернулся и галопом помчался по улице.

Сириус побежал за ним вслед. Незнакомец бежал так быстро, что Сириусу пришлось серьезно напрячься, чтобы догнать его — бежать так, как он редко бегал до того, скрещивая передние и задние лапы, изгибая спину, а подушечки его лап так сильно ударяли по тротуару, что просто запылали.

— Что это был за шум? — спросил Брюс, когда два пса пронеслись мимо. Рыжеухий и Пират хныкали, как Пятнашка.

Сириус не мог тратить время на ответ. Но он заметил, что они, все пятеро, и только они, кроме незнакомого пса, услышали этот шум. Еще одна странность. Он сгорал от любопытства. Второй пес перешел на твердый размашистый шаг. Сириус высунул, насколько мог, свой пурпурный язык и мрачно оглядел пса. Он почти догнал его среди пыли и шума там, где сносили дома. Когда они добежали до засыпанного пеплом пустыря, Сириус побежал рядом с незнакомцем. Они перебежали пустырь плечом к плечу и оказались на месте, расчищенном раньше, где теперь росла ярко-зеленая трава.

— Убирайся! — сказал второй пес.

— Нет, — выдохнул Сириус.

Они вбежали в густую зеленую траву. Лапам Сириуса сразу стало легче. Оказавшись среди заросших сорняками гор щебня, второй пес замедлил бег, остановился и сердито посмотрел на Сириуса. Солнце скрывалось за полосой пурпурного облака. В тусклом солнечном свете шкура странного пса ослепительно сияла среди травы. И теперь, когда стало прохладнее, а самому Сириусу было очень жарко, он еще отчетливее почувствовал исходивший от незнакомца холод.

— Я сказал, чтобы ты перестал следовать за мной, — сказал неизвестный. — Ты уйдешь, или я буду вынужден покусать тебя?

Сириус постарался отдышаться.

— Я полагаю, что могу покусать тебя в ответ. Кто ты?

Незнакомец секунду смотрел на него. Затем он небрежно отклонился назад и вытянул передние лапы перед собой так, чтобы обрисовались мускулы его могучих плеч. Он снова не торопясь встал во весь рост, чтобы показать, что он примерно на дюйм выше Сириуса, что его кости толще, а грудь шире, потому что он находится в расцвете лет.

— Ты думаешь, что можешь меня укусить? — сказал незнакомец. — Забудь об этом. Ты тратил свои силы, томясь по той глупой девчонке-щенку. А у тебя в любом случае нет сил перепрыгнуть через ограду. Приходи через два года и кусай меня. И все равно у тебя не получится.

Он зевнул Сириусу в лицо. Затем, должно быть, совершенно уверенный, что Сириус его больше не побеспокоит, незнакомец повернулся и побежал прочь.

Сириус бросился вслед за ним.

— Подожди! Кто ты? Откуда ты пришел?

— Оставь меня в покое! — рявкнул незнакомец через плечо на бегу.

— Ты только скажи мне, где Зоаи, — выдохнул Сириус. Они бежали шаг в шаг через заросли молодой крапивы. — Я знаю, что ты был около него. Я это чувствую.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Ты должен знать. Оно жжется, как крапива.

Они подбежали к еще одной куче щепня. Второй пес опять остановился, мерцая на фоне темной кучи. За ним на земле ярко, словно звезда, сверкал цветок мать-и-мачехи.

— Послушай, почему ты преследуешь меня? Я тороплюсь.

— Я знаю, что ты торопишься, — сказал Сириус. — Я слышал свисток. Но это не мешает тебе сказать мне, кто ты, почему ты похож на меня, и где Зоаи.

Надменные глаза незнакомого пса оглядели Сириуса. Его кошачьи зрачки в туманном свете расширились, но не слишком. Сириус почувствовал, как шерсть у него на спине приподнимается. Эти глаза действительно были неземными.

Незнакомец это увидел и издал низкое презрительное рычание.

— Значит, ты слышал, как он свистом подзывает меня? Я полагаю, это должно означать, что ты наш родич-полукровка. Мы иногда ходим погулять. Но я не вижу, почему я должен рассказывать рыже-желтым

щенкам хоть что-нибудь о нас. Убирайся, ублюдок. Я тебя предупредил!

Сириус потерял терпение. Ни одно существо не имело права разговаривать с ним таким тоном. В его глотке kloкотало рычание с того момента, как его назвали полукровкой. Оно росло и росло, и гнев Сириуса рос и пульсировал вместе с ним. Шерсть у него на спине поднялась высоким гребнем. Зубы оскಾಲились. И вдруг Сириус вспыхнул огромным зеленым гневом. Зеленый свет его ярости отбросил два жутких пылающих пятна на белую шкуру врага. Его жгла изнутри сила светила, и он знал, что может растерзать это надменное существо на месте.

Незнакомец испугался. Он еще никогда ничего подобного не видел, а ведь он привык считать себя неземным существом. Но у него были и мужество, и гордость. Его желтые глаза уставились в зеленые пылающие глаза Сириуса. Он тоже оскалил зубы и отошел, рыча, назад, немного подняв спину по куче щебня, что давало ему преимущество. С усилием он поднял спину и напряженный хвост. Большой, сильный и грозный, он был напуган почти до потери соображения.

Сириус это знал. В предвкушении победы его зеленый гнев разгорелся еще сильнее. Он прыгнул. Раздался хриплый вой, лай и стук щелкающих зубов. Две визжащих головы уворачивались, парировали, наклонялись и кусались. Сириус, словно змея, ударил в горло своего врага. Второй пес завизжал, поняв, что не сможет отразить этот удар, и попытался шагнуть в сторону.

Затем странный шум раздался в третий раз, почти как если бы невидимый хозяин странного пса знал о том, что происходит. Мучительный звук давил им на головы, разрывал изнутри.

Незнакомый пес не мог двинуться. Сириус из-за звука еле соображал. Но он все еще был в таком зеленом гневe, что сумел вцепиться зубами в холодную глотку врага. Когда звук прекратился, Сириус твердо держал незнакомца за горло, но не в боевом захвате, а так, чтобы тот не мог уйти.

— Отпусти меня! — сказал незнакомый пес, пытаясь вырваться в сторону и назад. — Он свистел уже три раза. Я должен идти.

Странная холодная шкура неизвестного заставила пасть Сириуса онеметь. Он с трудом чувствовал, где находятся его собственные зубы.

— Нет. Скажи мне, кто ты, и где Зоаи.

— Я никогда не *видел* твое треклятое Зоаи! И я не могу тебе рассказать ничего ни о нас, ни о нашем Хозяине. Это позволено знать только тем, кто бежит вместе с нами и разделяет наши обязанности. Меня зовут Йефф. Это все, что я могу тебе сказать. А теперь *отпусти меня*.

Йефф, казалось, был в полном иступлении. Он так вырывался, что Сириус испугался, что тот порвет себе глотку, а поскольку пасть Сириуса онемела так, что он не мог оценить силу собственного захвата, то он решил, что лучше ослабить хватку. Йефф тут же вырвался и огромными текучими прыжками бросился наверх по горе щебня.

Сириус полез за ним, тяжелый, неуклюжий и усталый. Тем не менее он ненамного остал, когда Йефф спрыгнул с вершины кучи вниз на другую сторону. Сириус добежал до вершины всего на секунду позже. Йеффа нигде не было видно. За кучей ровный покрытый молодой травой пустырь продолжался еще ярдов на пятьдесят, но он был совершенно пуст. Йефф исчез. Растаял, как снег, который напоминала его шкура.

Сириус высунул онемевший язык из холодной ноющей пасти и уставился на зеленую траву. Появилась еще одна тайна. Единственная надежда узнать про Зоаи исчезла. Сириусу хотелось запрокинуть голову и завывать. Он посмотрел наверх, надеясь, что Солнце знает, куда делся Йефф. Но Солнце по-прежнему скрывался за пурпурными облаками. Когда Сириус перебирался через кучу щебня, из этих облаков пошел небольшой дождь. Теперь ливень начался всерьез — холодный, жалящий, барабанивший по щебню и шипевший на пепле. В конце концов, стоял апрель. Но Сириус был абсолютно уверен, что Солнце сердится на него за то, что он зря потратил время у Пятнашкиной калитки.

Сириус ненавидел дождь почти так же сильно, как ванну. Он повернулся и побежал. Заклятие, которое наложила на него Пятнашка, благодаря встрече с Йеффом полностью спало. На бегу Сириус проклинал себя за то, что потерял Йеффа, за то, что досадил ему, за то, что потерял терпение — за все сразу. А у него оставалось так мало времени до того, как Кэтлин увезет его в Ирландию. Промокший, расстроенный и усталый, он поднялся по ступеням к двери мисс Смит и постучал в нее там, где его лапы уже оставили заметную отметину.

— Я как раз собиралась лечь отдохнуть, — сказала мисс Смит, глядя на него. — Мой бедный пес! Какой горестный вид! Заходи скорее. Нет, не на кухню. Отряхнись в прихожей, там ничего не будет видно. Тебе нравится, когда тебя вытирают полотенцем? Нет? Очень хорошо, я положу полотенце вот на это кресло.

Сириус, дрожа, смотрел, как мисс Смит накрывает большим белым полотенцем потертое кресло.

— Это было Лапочкино любимое кресло, — сказала она ему. — Я думаю, ты сочтешь его удобным. Должно быть, оно так устроено, что больше подходит собакам, чем людям. Теперь забирайся и выпись, что

бы ни случилось, а я поставлю сюда электрический обогреватель, чтобы он тебя высушил. Не сшиби его, ладно? И не беспокой меня примерно часик, будь хорошим псом. Мне надо отдохнуть, потому что в последние дни я что-то плохо спала по ночам.

Сириус благодарно забрался в кресло. Оно оказалось очень удобным. Сириус постучал хвостом и заснул, вода с него мягко капала на потертый ковер, а дождь барабанил и стекал струйками по окнам дома мисс Смит.

Примерно в без пятнадцати четыре дождь закончился. Сириус поднял голову. Он сразу понял, что уже поздно. Облака еще затягивали небо, и он не мог узнать, есть ли у него еще время. Он соскочил с кресла и захныкал. В доме не было слышно ни звука, кроме шумного тиканья маленьких часов мисс Смит, которые шли только тогда, когда их клали вниз циферблатом. Сириус выбежал в темную прихожую и попытался открыть парадную дверь. Но у нее была круглая ручка, и он не мог с ней справиться. Оставалось только одно. Он нерешительно отправился наверх, искать мисс Смит.

Она лежала в постели в первой же комнате, в которую он вошел, крепко спала, тихонько храпя, и выглядела такой спокойной, что разбудить ее казалось позором. Но Сириус не знал, что еще делать. Он подошел и мягко ткнулся холодным носом в ее мягкую морщинистую щеку. Мисс Смит тихонько ахнула и открыла глаза.

— Ох, это не Лапочка, конечно! Это Сириус. Дорогой мой, извини меня. Я проспала несколько часов. Так спокойно, когда в доме опять есть собака. Но ты хочешь уйти, верно? Я боюсь, что я слишком хочу спать, чтобы вставать — так что я открою тебе секрет, Сириус. Если ты пойдешь в кухню и толкнешь заднюю дверь, ты обнаружишь, что она открывается. Это собачья дверь, которую я сделала для Лапочки. И я уверена, что такой умный пес, как ты, может справиться с садовой калиткой. Просто нажми на защелку, Сириус. Там пружина, она сама закроеется.

Сириус в благодарность еще раз ласково ткнулся в нее носом и поспешил вниз. Как мисс Смит и сказала, задняя дверь и садовая калитка послушно открылись. Он хотел бы, чтобы все люди были такими понимающими, как мисс Смит.

Мисс Смит откинулась на подушку и с тревогой слушала, как он уходит. Услышав, как хлопнула садовая калитка, она улыбнулась.

— Понял каждое слово. Я так и думала, что он поймет, благослови его Бог. Но, похоже, уже поздно. У него будут проблемы. Если он завтра не придет, значит, его хозяева узнали, что он может выйти со двора.

Глава 10

Сириус торопливым галопом помчался домой. Оказавшись на улице, он понял, что еще не так поздно, как он думал. Но уже весьма поздно. Он только-только успевал добраться до дома раньше Кэтлин. Он обогнул угол своей улицы, чуть не потеряв равновесие от спешки, и обнаружил, что находится за спиной у Кэтлин. Она уже прошла половину пути от угла до дома. Сириус еще мог успеть. Если он нырнет в боковую улочку, ведущую в переулок за двором, он успеет оказаться во дворе, закрыть калитку и надеть ошейник, и Кэтлин никогда не узнает, что он выходил со двора.

Но Кэтлин была в беде. Он видел, что она в беде. Ее окружала группа мальчишек, что-то кричала, и один из них все время тянул ее за волосы. Сириус не мог видеть, как Кэтлин толкают и дергают по всему тротуару. Не имеет значения, что его тайна будет открыта. Он побежал вперед, насторожив уши и думая, что можно сделать.

Там было шесть мальчишек разного роста. Они щипали и толкали Кэтлин и прыгали в лужи так, что ее окатывало брызгами грязной воды. По лицу Кэтлин Сириус видел, что с ней такое часто происходит, и что она ничего не может поделать.

— Что находится на дне ирландской бутылки с молоком? — провизжал самый маленький мальчик, который казался главным мучителем Кэтлин.

— Открой с другого конца! — взревели остальные, визжа от смеха и толкая Кэтлин туда-сюда.

— Как промыть ирландке мозги? — завопил первый мальчишка.

— Налить воды ей в ботинки! — завизжали остальные, изо всех сил прыгая по лужам.

Сириус остановился, пригнулся и медленно пошел вперед, негромко рыча. Возможно, из-за страдания на лице Кэтлин, а возможно, потому, что он сегодня уже выходил из себя, Сириус с каждым шагом становился

все злее. Очень жаль, что больше всех Кэтлин обижал самый маленький мальчик. Глухое рычание Сириуса стало отчетливым. Мальчишки были слишком заняты своими воплями, чтобы услышать его. Когда самый маленький мальчик открыл рот, чтобы спросить, что кладут на верхнюю ступеньку ирландских лестниц, Сириус снова вспыхнул зеленым гневом и прыгнул вперед.

Мальчики обнаружили, что на них сбоку наваливается что-то вроде рассвирепевшего льва. Его глаза пылали, как зеленые светильники. Он ударил самого маленького мальчика в грудь, сшиб с ног и повалил на спину. Затем он встал на него, рыча и оскалив огромные белые зубы, и его жуткая морда пылала зеленым светом, лившимся из его глаз.

— *Лео!* — сказала Кэтлин наполовину с облегчением, наполовину с упреком. Голос у нее дрожал.

Сириус знал, что ему не следует еще больше огорчать ее. Пришлось ограничиться злобным рычанием. Два зеленых луча из его глаз скользнули по всем мальчишкам. Он так старался не укунить мальчика, на котором стоял, что с его оскаленных зубов текла пена. Мальчишки торопливо отшатнулись. Один из них поскользнулся на мокром тротуаре и сел. Сириус надеялся, что это больно.

— Убирайтесь, — сказала Кэтлин дрожащим голосом. — Оставьте меня в покое, или я спущу на вас свою собаку.

— Тоже мне собака! — сказал один из мальчишек. — Это же настоящее чудовище!

Сириус сошел с самого маленького мальчика и медленно пошел к остальным, злобно рыча. Они не стали ждать, пока он до них дойдет. Те, кто стоял на ногах, бросились бежать. Двое оставшихся с трудом поднялись на ноги и помчались следом. Сириус побежал за ними. Его глаза пылали, он так ошетинился, что стал в два раза больше, и лаял так жутко, как только мог.

Добежав до конца улицы, он услышал, что его зовут три голоса.

— *Лео! Шеймус! КРЫС!*

Сириус неохотно прекратил преследование и рысью побежал назад. По дороге его шерсть улеглась, и к тому моменту, когда он оказался рядом с Кэтлин, пламя в его глазах угасло. Рядом с Кэтлин стояли Бэзил и Робин.

— Как он выбрался? — спросил Бэзил.

— Не знаю, — дрожащим голосом сказала Кэтлин. — Он... Он просто неожиданно оказался здесь. — Сириус видел, что она пытается не заплакать. Он попытался подойти и успокоить ее, но Бэзил его остановил и

погладил по ушам.

— Ты на самом деле отличный пес, — сказал он.

— Да, но нам надо завести его внутрь, пока мама не узнала, — сказал Робин.

Двое остальных встревоженно согласились. Они торопливо провели Сириуса через боковую дверь и оставили его в гостиной, а сами побежали во двор, чтобы посмотреть, что там произошло. Тибблс свернулась на диване и удивленно посмотрела вверх.

— Ты еще не заперла калитку, нет? — спросил Сириус.

— Конечно, нет, — ответила она. — Ты же еще не возвращался. Что случилось? Тебя нашли на улице?

— Что-то в этом роде, — сказал Сириус.

— Тогда, я думаю, они запрут от нас калитку, — спокойно сказала Тибблс и собралась опять уснуть.

— Не засыпай, — сказал Сириус. — Мне надо тебя спросить... Эти собаки, про которых читала Кэтлин, белые с красными ушами — откуда они приходят?

— О, — сказала Тибблс. — Эти. Я стараюсь держаться от них подальше. Обычно они не делают ничего плохого теплым животным вроде нас. Они в основном выходят по ночам.

— Где ты их видела?

Прежде чем Тибблс успела ответить, вернулись Бэзил, Робин и Кэтлин, громко недоумевая, кто же мог открыть калитку во дворе. Кэтлин несла ошейник Сириуса. Она увела его от Тибблс и твердо надела ошейник ему через голову.

— Это было плохо, Лео, — сказала она ему.

— Он вылез из ошейника. Это очевидно, — повторял Бэзил. — Но кто-то открыл ему калитку. Кто?

Робин считал, что это были грабители.

— Мама хранит в сарае глину, глазурь и все такое. Может, они за этим пришли?

— Не будь идиотом! — сказал Бэзил. — Кому нужна глина? И придержи язык, пока мы не выясним, что что-нибудь пропало.

— Сам придержи язык, — огрызнулся Робин.

Никто из них не последовал совету другого. Они продолжали это обсуждать, когда Даффи не могла их услышать. Кэтлин занялась готовкой обеда. Она все еще была так бледна и так дрожала, что Сириус держался подле нее, пытаясь ее успокоить. Он отчаянно надеялся, что тайна открытой калитки останется неразгаданной, и что Бэзил и Робин об этом

скоро забудут.

Судьба была против него. Тем же вечером, когда семья сидела у телевизора, в боковую дверь тяжело постучали. Бэзил пошел открыть и вернулся очень встревоженный, а рядом с ним шли незнакомый человек и полицейский. Похоже, что мальчик, которого Сириус сшиб с ног, и тот, кто сидел на тротуаре, были братьями. Когда их попросили объяснить, где они так вымазались и выпачкали одежду, они рассказали отцу, что Кэтлин натравила на них злобного пса, который их покусал и побил. Незнакомый человек и был их отцом. Он пошел в полицию, и полицейский пришел разбираться.

Кэтлин сказала:

— Он их *не* укусил!

И расплакалась. Даффи с холодным торжеством посмотрела на нее, а потом на Сириуса. Сириус струсил. К нему пришло неожиданное безнадёжное зеленое воспоминание о том, как его судили и обсуждали его смертный приговор. Сейчас ему было так же жутко.

— Я думаю, тут какая-то ошибка, — сказал мистер Даффилд. — Этот пес *никогда* не кусается. Он очень терпеливое животное, или я бы его не держал. И его на целый день запирают во дворе.

— А это то самое животное? — спросил полицейский. — Он ведь не слишком-то хороший охранник, сэр? Я не слышал, чтобы он лаял.

— А он и не лает никогда, — сказал мистер Даффилд. — Это его второе достоинство.

Судя по лицу полицейского, он это достоинством не считал. Робин, который знал, что обычно именно молчаливые собаки кусают людей, и подозревал, что полицейский это тоже знает, быстро сказал:

— Понимаете, он привык, что люди все время приходят в лавку и уходят из нее.

— Ага, — сказал полицейский. — Дело в этом? Может быть, девочка изложит нам свою версию этого происшествия.

Кэтлин не могла говорить, потому что плакала. Она боялась, что Лео в смертельной опасности, и знала, что в глазах мальчиков он выглядел очень свирепо. Это привело ее в ужас. И она не могла заставить себя рассказать кому-либо, какие страдания причинили ей эти мальчишки, и каким облегчением для нее было увидеть Лео.

— Нет никакой другой версии, — сердито сказал отец. — Эта девочка натравила эту громадную тварь на двух моих ребят. Он порвал им одежду! Жена в ярости. Они сказали, что это было огромное существо, похожее на льва, сплошные клыки, с зелеными глазами, горящими

изнутри. Вы уверены, что это тот самый пес?

Все посмотрели на Сириуса. Он робко вильнул хвостом и изо всех сил постарался нахмуриться, чтобы немного прикрыть глаза.

— Ну, глаза у него и правда вроде зеленые, — сказал полицейский.

— Другой собаки у нас нет, — ледяным тоном сказала Даффи. — Это та самая собака, которую вы ищете.

— Возможно, сначала нам следует услышать, как это выглядело с твоей стороны, — сказал полицейский Кэтлин. Но Кэтлин по-прежнему не могла говорить. — Ктонибудь еще здесь что-нибудь видел? — спросил полицейский.

Робин и Бэзил неуютно поежились. Они-то ведь стояли на другой стороне улицы и ничего не сделали, так что выручать Кэтлин пришлось обыкновенному псу. Поскольку Робин был младше, ему было не так стыдно, как Бэзилу.

— Да, — выпалил он. — Я стоял на другой стороне улицы. Там было шесть мальчишек, все приставали к Кэтлин, били ее, обзывали и все такое.

— Мои мальчишки этого делать бы не стали, — сказал отец. — Что она им сделала?

— Ничего, — всхлипнула Кэтлин. — Они всегда это делают.

— Да. Я их вижу почти каждый день, — сказал Робин и покраснел, увидев, как на него смотрит мистер Даффилд. — Я говорю, я был на другой стороне улицы, — сказал он.

— Вы были слишком далеко, чтобы расслышать, о чем мог быть... ну... спор? — спросил полицейский.

К этому времени лицо Бэзила покрылось пятнами от стыда.

— Нет. Мы их слышали. Они издевались над Кэтлин, потому что она ирландка. — Он еще сильнее пошел пятнами, вспоминая, как часто он сам проделывал то же самое, но продолжал: — и Кр... ну, пес их *не* покусал. Кэтлин его даже не звала. Он просто прибежал и... ну, защитил ее.

— Ирландка, да? — сказал полицейский.

— Мои ребята все в меня, — сказал отец. — Я не выношу ирландцев. Полицейский кашлянул.

— Я должен напомнить вам, сэр, что существуют Законы об Отношениях между нациями.

На мгновение отец выглядел очень смущенным. Но скоро он опомнился.

— Это здесь не при чем. Этот пес — опасная тварь, которая напала на моих детей. Его нужно усыпить.

— Как я с вами согласна! — сказала Даффи.

— Он на них не нападал! — сказал Бэзил. — Он просто зарычал на них и спугнул. — Сириус понял, что, оказывается, недооценивал Бэзила.

— Давайте посмотрим, насколько он злой, — предложил полицейский. Сириус был очень рад, что понимает человеческий язык, потому что, когда полицейский внезапно направил сильный удар кулаком ему прямо между глаз, он был готов только моргнуть и отступить. Кулак остановился, не ударив Сириуса.

Сириус показал ему, какой у него мягкий характер, помахав хвостом и извинившись перед полицейским за то, что тот хотел его ударить.

— Я бы этого пса злобным не назвал, — сказал полицейский, почесывая его за ухом. — У него красивая шкура. — Сириус начал надеяться, что с небольшими усилиями ему удастся перетянуть полицейского на свою сторону.

Отец мальчиков, вероятно, подумал так же.

— А как насчет тех горящих глаз? — агрессивно потребовал он. — Мои парни сказали, что они пылали, как факелы. Они сказали, что из них исходили два луча света. Это неестественно.

— Конечно, неестественно, — сказал Бэзил. — Это неправда.

— Мальчики действительно склонны преувеличивать, — сказал полицейский, увидев, как сердито отец потерпевших смотрит на Бэзила. — Я только могу сказать, что сейчас у него глаза не горят. — Он встал. — Но в полицию поступила жалоба на этого пса, — официально сообщил он. — Я должен предупредить вас, что если мы получим еще одну жалобу, нам придется принять меры.

— Не беспокойтесь, — сказала Даффи. — Завтра я позабочусь об этом.

— О, сейчас ничего не нужно делать, мадам, — сказал ей полицейский. — Я вас просто предупредил. Я знаю, что этот пес совершенно безвреден. Он игривый, как большой щенок. Однажды он заставил меня, нашего водителя, Его Превосходительство Мэра, двух секретарей городского совета и Бог знает сколько еще народу пробежаться следом за ним по Хай-Стрит, пытаясь его поймать. И он думал, что мы с ним играем.

Все были изумлены.

— Когда это было, черт возьми? — спросил мистер Даффилд.

— Где-то пару месяцев назад, — сказал полицейский.

Так жир оказался в огне. Все знали, что Сириус должен был быть

во дворе. Кэтлин громко рыдала. Даффи сердито обернулась к Бэзилу, и Бэзил был вынужден признать, что задвижки на калитке, ведущей во двор, этим вечером были открыты.

— Хорошо! — сказала Даффи. — Я привыкла к тому, что Кэтлин хитра и лжива. Я этого ожидала. Но ты! Мне стыдно. Любой мог войти и взять все, что угодно!

Отец мальчиков принял самодовольный вид, убедившись, что все-таки можно выдвинуть обвинение против Кэтлин и ее злобной твари.

— Эта девчонка отодвинула задвижки, — сказал он.

— Я в этом уверена, — сказала Даффи.

— Я не открывала, клянусь, — всхлипнула Кэтлин. — Клянусь Святой Библией.

— Тогда эта тварь сделала это сама, — сказал отец. — По телевизору показывали псов, которые могут открывать калитки. Отведите его туда. Вы увидите.

Так все пошли во двор. Полицейский осветил калитку факелом, и Сириусу предложили отодвинуть задвижки. Ромул, Рем и Тибблс нервно смотрели со стены. И Сириус устроил такое представление, рядом с которым его попрошайничество было ничем. Он весь выражал глупое желание угодить. Он прыгал вокруг. Он махал хвостом и с готовностью наострял уши. Но когда мистер Даффильд попытался показать ему, что от него ходят, двигая туда-сюда верхнюю задвижку, Сириус превратился во взволнованного идиота. Пират и Рыжеухий показались бы гениями рядом с ним. Очевидно, открыть что-либо было совершенно за пределами его возможностей. Долгими уговорами его убедили встать на задние лапы и опереться передними лапами на калитку, но он поднялся с таким усилием, и так далеко от задвижки, и выглядел так по-идиотски довольным собой, что он туда добрался, что всем стало ясно, что он никогда в жизни не делал ничего подобного.

— Так что, похоже, кто-то открыл ему калитку, — сказал полицейский.

— Кэтлин, — сказал холодный голос Даффи сзади.

— Не говори ерунды, — сказал мистер Даффильд. — Скорее уж эти злобные мальчишки.

— Кого вы называете злобными? — сердито спросил отец потерпевших.

— Мы будем приглядывать за этим местом, — успокаивающе сказал полицейский. — Если мы заметим, что кто-то ведет себя подозрительно, мы разберемся. А пока, похоже, инцидент исчерпан. Но, сэр, позаботь-

тес о том, чтобы в будущем этот пес был как следует заперт.

Полицейский и отец потерпевших мальчиков ушли, но это было еще не все. Когда совершенно вымотанный Сириус повалился на коврик у камина, мистер Даффильд заставил Даффи надуться, сказав, что он уверен, что Кэтлин не открывала калитку, и что нельзя обвинять лошадку в том, что она помчалась хозяйке на помощь. Потом он опять довел Кэтлин до слез, сердито спросив у нее, почему она раньше никогда не рассказывала ему про злых мальчишек. Кэтлин не рассказывала ему ничего просто потому, что он не стал бы ее слушать, но не могла же она ему так ответить. После этого мистер Даффильд повернулся к Бэзилу и Робину и прочитал им длинную лекцию насчет того, что проще всего стоять на другой стороне дороги и смотреть, как чужие мальчишки издеваются над Кэтлин. Девочка была так смущена, что убежала в кухню. Робин заплакал. Бэзил надулся, как Даффи, и пробормотал, что треклятых мальчишек было шестеро, и что он тоже не любит треклятых ирландцев.

— Я бы и слова не сказал, если бы Крыс не заполучил проблемы, — прорычал он. — Я больше никогда ничего не буду делать для этого треклятого пса!

Сириус вздохнул, поднялся с коврика и побежал в кухню за Кэтлин. Мистер Даффильд хотел только добра. Но он был слишком занят собой, чтобы понимать, что чувствуют другие люди. Понадобился полицейский, чтобы заставить его заметить, что что-то не так, и теперь он, казалось, только ухудшал положение. Он был самым эгоцентричным существом, которого знал Сириус — кроме Даффи, конечно.

Он обнаружил, что Даффи загнала Кэтлин в угол на кухне и вымещает на ней свой гнев, тяжело ходя туда-сюда по кухне и читая ей лекцию. Кэтлин молчала, ее лицо было в слезах. Сириус подошел, прижался к ней и попытался отвлечь ее взгляд от толстых волосатых икр Даффи, топавших туда-сюда.

Даффи закончила свою лекцию примерно через двадцать минут.

— Я терплю тебя и Это Существо, — закончила она. — И ты вознаграждаешь меня тем, что выпускаешь его со двора, чтобы оно набрасывалось на невинных детей. Ну, я тебя предупреждаю, Кэтлин, что он это делает в последний раз. Если я еще раз найду его на свободе, ему конец. — К этому времени Сириус весь дрожал, потому что очень сильно хотел вырвать кусок из одной из этих топающих икр. — Ты правильно дрожишь! — сказала Даффи, указывая на него. — Ты дошел до предела. Еще один случай — один! — и я отправлю тебя к ветеринару.

Кэтлин вытерла слезы, когда пора было ложиться спать. Но она не

стала играть или читать. Девочка села на кровати и обняла Сириуса.

— Лео, — прошептала она, — пожалуйста, не открывай больше эту калитку. Я понимаю, что во дворе скучно, но, пожалуйста, не надо. Я знаю, что это ты ее открыл. Ты гораздо умнее, чем притворяешься. Но если Даффи отправит тебя к ветеринару, я не смогу этого *выдержать*. — Она прижимала Сириуса к груди до тех пор, пока у него не заболел позвоночник. — О, как я *хочу*, чтобы нам не надо было жить у Дафффильдов! — сказала она.

Сириус раньше никогда не слышал, чтобы Кэтлин это признавала. Он понял, что проблема действительно очень серьезна. Он очень ласково лизнул Кэтлин в лицо, и она обняла его крепче, чем когда-либо раньше.

Он знал, что на следующий день ему надо быть очень осторожным. Когда он сидел во дворе на веревке, Даффи трижды лично выходила из дома и проверяла, здесь ли он. Его присутствие, похоже, разочаровывало ее.

— Я не смею выходить, — сказал Сириус Солнцу. — Что я могу сделать?

— Жаль, — сказал Солнце. — В конце концов ей надоест за тобой следить, но я боюсь, что у тебя осталось мало времени. В Ирландии происходят разные события. И чем дольше ты тянешь с этим Зоаи, тем больше вероятность, что его найдут не те люди. А я не могу этого допустить. Оно уже и так наделало много бед. Я хочу, чтобы ты пошел искать его вверх по реке.

Сириус почувствовал, что со стороны Солнца очень любезно не ругать его за то, что он напрасно тратил время раньше, когда мог свободно уходить со двора.

— Если ты думаешь, что Зоаи *действительно* там... — сказал он. — Но я в этом не уверен. Расскажи мне о белых собаках с красными ушами — о холодных собаках.

— Об этих? — спросил Солнце и мрачно, грозно запылал голубоватым светом, разлившимся из самого сердца. — Я ничего не имею против этих псов, — сказал он. — Ты знаешь, что один из них — твой отец? Но их Хозяин — темная тварь. Он — один из тех, у кого в руках я категорически не хотел бы видеть Зоаи. Слушай, я дам твоей Даффи кое-над чем подумать, если ты пообещаешь мне отправиться на поиски вверх по реке, как только окажешься снаружи.

Сириус вздрогнул. Ему не хотелось говорить о своих подозрениях насчет того, что какая-то темная тварь уже наложила руки на Зоаи. Он еще раз вздрогнул при мысли о миссис Партридж.

— Хорошо. Обещаю.

— Спасибо, — сказал Солнце. — Потерпи день-другой.

Потерпеть! — подумал Сириус. Когда Солнце сказал, что времени мало, времени стало мало. Когда Зоаи, вероятно, был не в тех руках, и он нашел ключ к нему, и потерял его, когда он привязан в этом дворе, когда Кэтлин страдает, как он *может* терпеть? Ему не хватало прогулок по городу. Он хотел увидеть мисс Смит, мистера Гамбла и других своих кормильцев. Он улегся и подумал о мороженом. Он был ужасно голоден.

— И *правда*, начинаешь голодать, — сочувственно сказал Рем, — когда привыкаешь ходить на охоту. Я помню, как меня заперли в ванной.

Кошки о чем-то договорились. Сразу после обеда прибежал Ромул и прыгнул на крышу будки, таща в зубах мышь.

— Вот, — ласково сказал он. — Пусть она немного побегает, прежде чем ты ее съешь. Они от этого вкуснее становятся. Но не следует есть хвост. Он жилистый.

Он прыгнул прочь, оставив Сириуса уставившимся на крохотное перепуганное существо, сжавшееся между его большими круглыми лапами. Он немного двинул правой лапой. Мышь бегала туда-сюда, пища от страха. Сириус ее понюхал. Она пахла не очень съедобно и запищала еще хуже. Он понял, что не может ее съесть. Он не привык к живой и перепуганной еде. Но он не хотел обижать кошек.

— Убегай, глупая, — сказал он мыши. — Я тебя не съем.

Мышь была вне себя от страха и ничего не поняла. Сириус оглядел все стены и крыши, чтобы убедиться, что никого из кошек поблизости нет. Затем он принялся подталкивать мышь в дальний угол своей будки, где она просидела до самого вечера, слишком испуганная, чтобы двигаться. Кэтлин нашла мышь, когда пришла отвязать Сириуса. Она подняла крохотного зверька и осторожно посадила в сарай, где Даффи держала свою глину.

— Сиди тут, а то кошки тебя найдут, — сказала она мыши. Мышь ее тоже не поняла, но больше не появлялась.

— Я съел хвост, — сказал Сириус Ромулу. — Было очень вкусно. Большое спасибо. — Тем вечером он съел только полбанки консервированного собачьего корма и остатки ужина, и так до конца недели. От голода он помрачнел. Но он был рад, что Кэтлин вроде бы выглядела поспокойнее. Насколько он мог сказать, мальчишки больше не осмеливались к ней приставать.

В выходные, к его ужасу, Клайв зашел к Бэзилу, и они опять отправились искать Зоаи. Они пошли вверх по реке и взяли с собой Робина,

чтобы он нес сэндвичи. Робин был так горд и польщен, что его взяли с собой, что, когда они вечером пришли домой, он говорил, что и сам будет собирать Ископаемые.

Бэзил и Клайв не нашли Зоаи. Но у них было несколько римских устричных раковин, современная раковина, кусок кремня, похожий на наконечник стрелы, и кость, которую Бэзил считал частью скелета ихтиозавра. Сириус ее понюхал. Она пахла бараниной.

Бэзил дал ему затрещину.

— Убирайся, Крыс! Я на тебя в полицию заявлю.

— Пожалуйста! — сказала Кэтлин. Это у нее было больное место.

— Плохо то, что ты готова поверить чему угодно, — сказал Бэзил.

В выходные случилось что-то странное с горшками, которые стояли у Даффи на окне магазина. Они были выставлены в художественном порядке. Но на той стороне, которая выходила на солнце, глазурь расплавилась и потекла, а глина под ней рассыпалась в пыль. В воскресенье вечером Даффи нашла на окне нечто вроде сот, состоявших из двадцати половинок горшков, склеившихся глазурью. Она принесла их в дом и торжественно взмахнула ими. Она топала с ними по всему дому и злилась. Она злилась на изготовителей глазури. Она тыкала сотами в лица людей и злилась на поставщиков глины. Ей бы хотелось позлиться и на Кэтлин с Сириусом, но они постарались ей не попадаться. Поэтому Даффи пришлось злиться на низкосортную современную продукцию.

— Мне кажется, что ты могла бы с тем же успехом обвинять солнечные лучи, пока они на тебя светят, — заметил мистер Даффилд, спрятавшийся за воскресной газетой.

Сириус открыл пасть и высунул язык в широкой усмешке. Утром в понедельник он спросил Солнце, как тот это сделал.

Солнце лучезарно улыбнулся.

— Нужная концентрация соответствующих частиц. Но теперь ты можешь выходить. Я вижу через окно, что она делает новые горшки. А я организовал несколько дней хорошей погоды, потому что в такие дни к ней приходит множество покупателей. Сегодня она вряд ли будет думать о тебе.

Сириус весело встал, стащил ошейник с ушей и отодвинул задвижки на калитке.

Глава 11

Мисс Смит была очень рада его увидеть.

— Я боялась, что тебя заперли навсегда, — сказала она и дала ему миску сырого фарша. Мистер Гамбл дал ему кость и пончик. Два старика на скамейках дали ему пирожок с мясом и гамбургер. Чувствуя себя сытым и довольным, Сириус побежал по солнышку к пустырю, на котором исчез Йефф. Он сказал себе, что вовсе не избегает миссис Партридж: просто сначала надо еще раз проверить это место.

Там не было ни малейших признаков Зоаи. Но Сириус еле узнал этот пустырь — так он изменился за последнюю неделю. Стояло начало мая. Трава была густой и зеленой. На кустах распускались листья, а крапива так выросла, что доставала ему до брюха. Зеленеющие кучи щебня были так усеяны одуванчиками, что Сириус почувствовал тоску по дому. Цветы были похожи на светила, а зелень была похожа на его собственную сферу. Земля была очень красивым местом.

Он так затосковал по дому, что решил пойти навестить Пятнашку. Он не был уверен, зачем. Просто ему одновременно было и радостно и грустно, и это казалось подходящим настроением для визита к Пятнашке.

Подойдя к улице, на которой она жила, Сириус понял, что непреодолимое влечение к Пятнашке исчезло. У ее калитки больше не было никаких псов.

— Привет-привет! — сказали Пират и Рыжеухий, когда он бежал мимо. Брюс был очень занят — тянул защелку своей калитки зубами.

— Я уже почти понял, как с ней справиться, — сказал он. — Я работаю над новой системой. Вот увидишь — скоро я буду, как и ты, бегать где хочу.

— Здорово! — сказал Сириус. Он подбежал к калитке Пятнашки и сунул нос в отверстие сетки. Пятнашка, казалось, его не замечала. Она равнодушно почесывалась.

— Привет, — сказал Сириус.

Пятнашка оглянулась. Увидев его, она встала на напряженные лапы и ощетижилась.

— Уходи. Я не хочу тебя видеть.

Очень обиженный и удивленный, Сириус сказал:

— Я только пришел посмотреть, как у тебя дела.

Пятнашка испустила резкое рычание и подошла к сетке.

— Уходи. Ты мне не нравишься. Я тебя не хочу. Убери свой нос, или я его откушу.

Более обиженный и удивленный, чем когда-либо, Сириус убрал нос.

— В чем дело? На прошлой неделе я тебе нравился.

— Нет, не нравился. У тебя ужасные глаза. Мне не нравится никто, кроме Пирата.

— Пират! — воскликнул Сириус, глубоко раненый. — Он глупый.

— А ты еще хуже, — сказала Пятнашка, — если думаешь, что мне нравишься *ты*. Уходи.

Сириус встал и ушел, а вслед ему неслось рычание Пятнашки. Он еще никогда не чувствовал себя таким обиженным или униженным. Он не мог заставить себя снова встретиться с братьями. Он пошел другим путем, к грязной серо-зеленой реке, и удрученно потащился по берегу, опустив голову и свесив хвост.

— Не кисни, — сказал Солнце. — Они часто так себя ведут, когда у них заканчивается течка. А Пират ей всегда нравился больше всех.

Сириус повернулся и зарычал на него через плечо.

— Ох, заткнись!

Солнце ответил вспышкой, которая ослепила бы любое другое существо.

— Прекрати! Она же тебе даже не нравится. Ты знаешь, что она глупа, даже для собаки.

Это была правда.

— Да, — болезненно сказал Сириус. — Да, я думаю, ты прав.

— Я прав, — сказал Солнце. — А теперь ты пойдешь к этим питомникам, или мне придется устроить так, чтобы тебя туда доставили?

— Хорошо, хорошо, — сказал Сириус. — Я пойду. В любом случае, все без толку.

Он повернулся и пошел по берегу в другом направлении. Сначала он еле тащился. Грязная река наводила уныние. На ее берегах находились маленькие вонючие заводишки, которые ее еще сильнее загрязняли. А за ними проходили железнодорожные пути. Сириус пошел немного

быстрее. Впервые увидев железную дорогу, он заинтересовался длинными гроыхающими поездами. Железная дорога сменилась земельными участками, где черные живые изгороди были забрызганы ярко-зелеными почками. Сириус почувствовал себя веселее и перешел на бег. Потом на бег вприпрыжку. И неожиданно оказался на том самом лугу, куда Кэтлин водила его гулять. Луг полыхал зеленью, одуванчиков и маргариток на нем было больше, чем звезд на небе. Здесь река была мягкого, чистого голубого цвета — соперница Млечного Пути, и кусты боярышника по ее берегам были пронзительно-молодого зеленого цвета, словно их недавно подожгли зеленым огнем.

Сириус весело помчался вперед. Он забыл о своей раненой гордости и резво поскакал вдоль реки, вокруг пары излучин, под высокими деревьями с черной корой и желтовато-зеленым пламенем листвы, пока не дошел до луга, где было мало цветов, но присутствовал интересный собачий запах. Идя на запах, он поднялся вверх по лугу и прошел через калитку в недавно высаженной живой изгороди. Здесь были бетонные дорожки. Сириус смутно припоминал бетон. Пересекающиеся бетонные дорожки вели вокруг круглых низких домиков с сетчатой оградой.

Сириус остановился на одном из перекрестков и понюхал воздух. Никакого Зоаи тут не было. Сириус был уверен, что Солнце ошибся. Оно не здесь. Но здесь были собаки. Повсюду. И человек. Очень сильный запах миссис Партридж. Сириус его терпеть не мог. Его спина слегка приподнялась. Присутствовал и еще один запах, похожий на смесь жасмина и озона. По какой-то причине этот запах был Сириусу хорошо знаком, но он не мог вспомнить, где и когда он его чувствовал. Он только знал, что этот запах не совсем подходит к остальным запахам — травы, бетона, собаки или миссис Партридж. Сириус призадумался об этом запахе, задумчиво подходя к ближайшей проволочной ограде и поднимая лапу. Запах мог нести в себе покаяние Зоаи. Или нет? Сириус не знал.

Собака за оградой подбежала познакомиться.

— Доброе утро, — вежливо сказала она. — Я Бесс.

Она была красивым желто-белым лабрадором с ярким черным носом и мягкими карими глазами. Несколько полновата, но больше у нее недостатков не было.

— Утро сегодня хорошее, — согласился Сириус. Ему понравилось, как выглядит эта собака-лабрадор. Она ему так понравилась, что он спросил: — Послушай, ты, случайно, не видела ту штуку, которую я ищу? Она с громким стуком упала с неба в прошлом году, и во время падения она должна была весьма ярко сиять. Если оказаться рядом с этой штукой,

она узнается по странному покалывающему ощущению.

— Хороший вопрос, — сказала собака-лабрадор. Она села на задние лапы и склонила голову набок, чтобы подумать. — Я думаю, что знаю ту штуку, о которой ты говоришь...

Уши Сириуса поднялись. Он с трудом мог им поверить. Он жалел, что не последовал совету Солнца раньше.

— Продолжай, — сказал он.

— Я видела, как она падала, — сказала Бесс. — Это было ночью. Думаю, что я ждала щенков, потому что я чувствовала себя ужасно тяжелой и несчастной и вышла на улицу, чтобы хорошенько повыть на луну. И эта штука пролетела мимо луны как... ну, я думала, что это звезда с неба свалилась, и не на шутку напугалась. Земля дрогнула. Но я не чувствовала никакого покалывания. Это было слишком далеко.

— Спасибо, — сказал Сириус. — Ты мне очень помогла. — *Насколько далеко?*

— Вниз по реке, там, где много домов, — сказала собака-лабрадор. — Я помню, как она скрылась в сиянии их огней прямо перед тем, как земля дрогнула.

— Так она *действительно* в городе! — сказал Сириус. — Хотел бы я встретиться с тобой раньше. Ты помогла мне больше, чем кто-либо другой.

— Мне нравится быть полезной, — немного мечтательно сказала Бесс. — Я была охотничьей собакой, пока меня не продали миссис Партридж. А здесь, кажется, от меня никакого толку.

— Скучно, да? — понимающе спросил Сириус.

— О, *да*. — сказала она. — Я вижу, тебе это тоже знакомо. А ты случайно не охотничий пес?

— Ну... разве что охотник за Зоаи, — сказал Сириус. — А что?

— Ты похож на холодного пса, который однажды перепрыгнул через мой забор, — сказала Бесс. — У миссис Партридж тогда не было всех этих высоких проволочных штук, так что он перепрыгнул довольно легко. Он сказал мне, что он охотник.

— А он не сказал тебе, откуда он? — нетерпеливо спросил Сириус.

— Его звали Йефф, — сказала Бесс. — И...

— Сириус! — резко сказал Солнце. — *Сириус!* — На проволочной сетке между ним и Бесс вспыхнул свет, и собака-лабрадор, моргая, отскочила прочь. — Беги! — сказал Солнце. — Уходи отсюда. Не тем путем, которым пришел — в другую сторону. Быстро!

Сириус, совершенно сбитый с толку, побежал было не туда, обнаружил, что Солнце светит ему прямо в глаза, и повернул обратно.

— Почему? Что случилось?

— Это я виноват, — сказал Солнце. — Я опять ошибся. Я плохо умею распознавать... Просто беги. Пожалуйста!

Испуганный настойчивостью Солнца, Сириус вприпрыжку помчался к следующему бетонному перекрестку. Но не успел он пробежать и десяти футов, как из-за угла вышла миссис Партридж. Сириус остановился, развернулся и бросился в другую сторону.

— Эй! — заорала миссис Партридж. — Проклятый ублюдок! Остановите его, миссис Каннинг, дорогая, пожалуйста!

Сириус с развевающимися ушами и вытянутым хвостом галопом пронесся мимо загона, где жила собака-лабрадор, и завернул за угол. И остановился, словно врезался в стену.

Там стояла еще одна женщина, более элегантно одетая. Она была невысокая, с необычными матово-белыми волосами, гладкой волной падавшими ей на плечи. Несмотря на цвет волос, она казалась молодой. Ее лицо тоже было матово-белым, с миндалевидными глазами и приподнятыми скулами. Это делало ее запоминающейся и прекрасной.

Озоново-жасминовый запах, который так озадачил Сириуса, исходил от нее — и Сириус понял, что этот запах совершенно чужд Земле. Хотя он никогда раньше не видел ее в этом облике, он узнал ее по еле заметному белому ореолу вокруг тела. Он узнал бы ее, как бы она ни выглядела.

Сириусу захотелось завилать хвостом и заскулить от радости. Ему захотелось опуститься на свои пушистые локти и лизать ее элегантные ноги, а потом поставить лапы на ее маленькие плечи и лизать ее узкое лицо. Но он ничего не сделал. Он просто стоял там несколько долгих, как века, секунд, уставившись на нее, не в силах поверить тому, что узнали его зеленая и собачья сущности, пока он жил на Земле. Он встречал людей вроде нее, когда попрошайничал у дверей. Один из них пнул его. Он знал Даффи. Но она не может быть похожа на Даффи! Это же его Спутница.

Его Спутница сначала подумала, что он просто пес. Она посмотрела на него с холодной враждебностью — и это его задело куда больше, чем злые слова Пятнашки. Сириус знал, что ему надо убираться, прежде чем она поймет, что он — что-то большее, чем обыкновенная собака. Но он был слишком сбит с толку открывшимся ему знанием, чтобы двигаться. Потом его Спутница посмотрела ему в глаза.

— Не может быть! — сказала она. По сравнению с ее тоном самый холодный и пронзительный визг Даффи был ничем. — *Ты!* Я думала, что заставила ее утопить тебя! — Белый ореол вокруг нее вырос в холодное пламя. — *Ты...!*

Зеленая сущность Сириуса все еще не двигалась, сокрушенная, но собачья сущность отреагировала молниеносно. Он прыгнул с места, назад и в сторону. Зазвенела проволочная сетка. Поток белой ненависти Спутницы хлестнул по тропе, на которой он стоял, поджег траву по краям и местами разрушил бетон. Сириус почувствовал, что пламя почти настигло его в прыжке, и самые длинные волоски на его шкуре зашипели от огня. Он вслепую врезался в сетку, отлетел от нее сквозь химическую вонь выброса и приземлился на горячий бетон как раз в тот момент, когда его Спутница обернулась и ударила в то место на сетке, где он был только что.

Этот удар расплавил проволочную сетку, словно нейлоновый чулок. На землю закапал расплавленный металл, по краям дыры сетка задымилась и почернела. Бедная Бесс взвыла и бросилась в дальний угол. Из других загонов донеслись вой и лай. Мчась, как одержимый, мимо загона Бесс, Сириус успел убедиться, что собака-лабрадор вне опасности. Он опять обогнул угол и побежал прямо к миссис Партридж.

Миссис Партридж не заметила ничего необычного, кроме странного запаха. Она широко расставила ноги в вельветовых брюках, желая остановить Сириуса. Но она больше не имела для него значения. Он пролетел прямо у нее между ног, как стрела. Как ему удалось достаточно прыгнуться, он понятия не имел. Миссис Партридж пошатнулась.

— Негодная тварь! — заорала она.

Сириус услышал, как загремели по бетону ее ботинки — она помчалась за ним. Потом их опередили маленькие легкие ножки его Спутницы. Сириус знал, что даже в человеческом облике она бежит с нечеловеческой скоростью.

Он бежал, как никогда не бегал раньше, даже за Йеффом. Хвост поджат. Глаза жгло. В носу свербило от мощного запаха гари. В душе царило отчаяние.

Вот почему он не хотел сюда приходить. Его щенячий мозг запомнил «дорогую миссис Каннинг», убеждавшую миссис Партридж утопить его, но он этого не признавал. Подумать только, что он долгие, долгие века обожал создание вроде Даффи! Какой пламенный зеленый дурак! Он пронесся по бетонным дорожкам мимо изумленных собачьих морд, мимо сараев, мимо изумленного юноши с ведром. Юноша бросил ведро и тоже

бросился в погоню. От него Сириус легко удрал. Но его Спутница летела над землей куда быстрее него самого и стремительно нагоняла его. Даже сквозь вонь от гари пробился запах озона и жасмина.

Перед ним оказался дом с открытой дверью. Сириус влетел внутрь. Лапы беспомощно заскользили на лакированном полу. Он болезненно упал на бок и проехал по коридору, запутавшись в ковриках и разбив серый горшок, настолько безобразный, что его могла сделать только Даффи.

— Гав! В чем дело? Гав! Ты кто? — затараторила рядом с ним маленькая черная пуделица, избалованная домашняя собачонка. Ее носик и глазки блестели от любопытства.

— За мной гонятся. Есть другой выход? — сказал Сириус, выбираясь из смятых ковриков. Его правая задняя лапа болела.

Пуделица повернула ухо в сторону криков и топающих ног, с отвращением принялась к озоново-жасминному запаху.

— Другой выход — в конце коридора. Мне их задержать, чтобы ты успел уйти?

— Не смей. Делай что угодно, но держись подальше от нее — от той, которая пахнет. — Сириус, хромая, пошел по отвратительно гладкому полу. Он еле-еле мог по нему двигаться со скоростью человеческого шага и пришел в еще больший ужас. Казалось, он попал в крайне неудачное место. К своему изумлению, он услышал за спиной звук захлопывающейся двери. Маленькая пуделица весело запрыгала за ним вслед.

— Это их задержит на секунду. Скорее. Они побегут вокруг дома. Сюда. — Она прыгнула за угол, где за еще одной открытой дверью виднелись зеленые поля и луга. — Вот. Удачи.

— Огромное спасибо, — сказал Сириус. Хромая он перебежал сад и дорогу и собрался галопом мчаться через поле за дорогой. Первые сто ярдов его задняя лапа очень болела. Затем он снова почувствовал за спиной присутствие своей Спутницы.

Он забыл о лапе. Он побежал. Он понесся. Он перелетел десятиакровое поле, словно заяц, но инстинкт, страх и зеленые мысли объединились и заставили его бежать крадучись, как кошка, чтобы его не настигла еще одна белая полоса ненависти. На горизонте появился лес. Сириус помчался вверх по высокому косогору, прячась в распадке. Прорвавшись через колючую живую изгородь, он поднялся по еще одному лугу, покрытому ярко-зеленой травой, пробежал по сморщенным кожистым листьям и своими тяжелыми лапами сломал несколько примул. Даже в панике он пожалел об этом. Спутница приближалась с каждым шагом.

Когда он достиг прохладной тени леса, Спутница немного отстала. Сириус не знал, что ее задержало, но был уверен, что она скоро снова его нагонит. Он побежал вверх по обрыву и почувствовал сильный резкий запах, похожий на вонь мясной лавки, мясника, смешанный с запахом перечной мяты. Запах шел из большой влажной норы. Вонь была ужасная, но Сириус не мог позволить себе брезгливости. Он протиснулся в нору и стал спускаться вниз.

Сперва лаз был тесным, но скоро начал расширяться. Сириус неожиданно обнаружил, что видит в темноте гораздо лучше, чем кошки. Он увидел, что за расширением лаз продолжается дальше, но решил, что пойдет туда только при необходимости. Вонючий хозяин норы находился где-то внизу. Сириус развернулся, прижимаясь к земляной стенке, чтобы, если будет нужно, суметь опять повернуться мордой к хозяину норы, и встревоженно посмотрел вверх.

Он увидел вход в нору — тусклый круг, в котором трепетали трава и листья. Прямые солнечные лучи в нору не попадали. Спутница, похоже, остановилась в центре луга, примерно в ста ярдах от входа в нору. Сириус услышал, как она с кем-то разговаривает.

— ...не привыкла, чтобы меня заставляли ждать в сфере влияния моего Сиятельнейшего Супруга, — говорила она.

— Но Ваша Светимость, — сказал Солнце сверху, — это такой приятный сюрприз — обнаружить, что вы почтили своим присутствием мою скромную систему. Я чувствую, что должен встретить Вашу Светимость с должной почтительностью.

— Дорогой Солнце! В этом нет никакой необходимости! — ответила Спутница Сириуса. — Это абсолютно неформальный визит.

— Но как восхитительно, Ваша Светимость! — сказал Солнце. Его голос истекал золотой вежливостью. — Естественно, я не намерен нарушать вашу конфиденциальность, но поскольку Ваша Светимость оказывает своим присутствием честь моей системе, я предполагаю, что вы прибыли с визитом ко мне.

— Я не хочу вас разочаровывать, Солнце, — начала Спутница.

— Ваша Светимость, — сказал Солнце любезно и серьезно, — мое единственное разочарование состоит в том, что я не был осведомлен о вашем прибытии. Вот почему я вас остановил. Я не хотел бы вас задеть, не будем говорить о том, что я являюсь звездой более высокой светимости, чем Ваша достопочтенная особа, но...

— Ну что ж, очень хорошо, — раздраженно сказала Спутница Сириуса. — Я здесь по делу моего Сиятельнейшего Супруга, каковое является

тайным. Этого вам достаточно, Ваша Светимость?

— Ваша Светимость, одного вашего присутствия мне вполне достаточно, — елейно сказал Солнце.

Сириус положил морду на лапы и застонал. Каким же пламенным зеленым идиотом должен его считать Солнце! Ясно, что Солнце знает, что из себя представляет его Спутница. Не менее ясно, что Солнцу она категорически не нравится. Но сам Солнце никогда не говорил о ней Сириусу ни слова. Он всегда переводил разговор на другую тему — несомненно, чтобы пощадить чувства Сириуса. Сириус лежал во влажной вонючей норе и терзался. Он был очень благодарен Солнцу за то, что тот остановил Спутницу, но слушать их вежливую ссору было почти невыносимо.

И вдруг прямо возле его уха раздался голос — недовольно-завистливый, как голос Тибблс, которую Сириус согнал с колен Кэтрин.

— Что это там за существо? *Что* она такое?

По-прежнему пахло только мясом, перечной мятой и глиной. Должно быть, подумал Сириус, это хозяин норы. Не желая обижать пахучее существо, он вежливо ответил:

— Она — Спутница Сириуса. Белый карлик.

— Значит, она звезда, — недовольно ответил голос. Последовала пауза, предвещавшая бурю. Потом голос спросил: — Она *очень* красива, да?

— Очень, — жалобно ответил Сириус. Из-за ее красоты, подумал он, я наделал куда больше глупостей, чем из-за Пятнашки. Я безропотно позволял ей водить меня на поводке, как Кэтлин.

— *Насколько* красива? — настаивал голос. — Сравни ее с чем-нибудь. Она так же красива, как Солнце?

— Ну... — беспомощно сказал Сириус. — Они очень разные. Да, наверно, так же красива.

— Значит, она красивее Луны?

Сириус тихонько вздохнул, недоумевая, почему для этого настойчивого существа красота его Спутницы имеет такое значение. Он вспомнил о живом жемчужном сиянии своей подруги. Луну он видел нечасто, но знал, что по сравнению с его Спутницей она мертвенно-белая.

— О, да. — Сириус понял, что неизвестное существо его ответ не обрадовал. Тогда он попытался ответить так, чтобы существо смогло его понять. — Скажем так: она красивее Луны, примерно такая же красивая, как Солнце, но вон тот цветущий луг гораздо красивее нее.

— Правда? — почему-то требовательному существу его слова очень понравились. Сириус надеялся, что теперь оно уйдет и оставит его на-

едине со своим горем. Но существо задумчиво добавило: — Поскольку она звезда, то я думаю, что чем-нибудь вроде небольшого вулкана с ней не справиться, верно?

Сириус изо всех сил постарался вести себя вежливо и не рассмеяться.

— Боюсь, что нет. Понимаете, звезды не такие, как существа биосферы. Сам Солнце не мог бы уничтожить ее, не уничтожив одновременно самого себя — без помощи Зоаи, конечно. — Сириус замолчал, вспомнив, что его Спутница пыталась с помощью Зоаи уничтожить его самого. Ей почти удалось лишить его сознания, когда он пытался отобрать у нее Зоаи.

Требовательное существо, казалось, задумалось. Какое-то время оно молчало, и Сириус слышал, как Солнце и его Спутница продолжают беседовать на лугу. Солнце, должно быть, все-таки заставил Спутницу рассказать ему, зачем она прибыла в его систему, потому что она сказала:

— Я уверена, что у вас множество дел и без поисков Зоаи.

— Но, Ваша Светимость, — любезно возразил Солнце.

— Но, Ваша Светимость! — рявкнула Спутница. — Мой Супруг отправил меня найти его, прежде чем оно попадет не в те руки.

— Но, Ваша Светимость, должен же я предложить вам свою помощь в своей собственной системе, — ответил Солнце. — Ваш Супруг также бы этого пожелал. И вы только что попытались убить одно из существ в биосфере моей планеты.

— Кому какое дело? Существа в биосферах все время умирают, — сказала Спутница тоном, настолько похожим на тон Даффи, что Сириус задрожал.

— Ваша Светимость, — возразил Солнце с ужасной вежливостью.

— О — Ваша Светимость! — сказала Спутница, холодно и яростно. — В плазму и вас, и ваших существ! Они не имеют никакого значения.

— Ошибаетесь, Ваша Светимость, — сказал Солнце с мягким презрением. — В моей системе для меня имеет значение все.

Существо в норе, похоже, относилось к Спутнице с таким же презрением, что и Солнце. В ухе у Сириуса прозвучал его задумчивый голос:

— Говоришь, с ней можно покончить с помощью Зоаи? Хм.

Сириус понимал, что из норы пора выбираться. Солнце задерживал его Спутницу разговорами, чтобы Сириус смог уйти. Поскольку существо в норе, вроде бы, относилось к нему по-дружески, Сириус спросил у него:

— Ты не можешь помочь мне убежать? Понимаешь, это меня она пыталась убить. Поэтому мне пришлось спрятаться тут, не спросив у тебя позволения.

— Спросить у меня позволения? — сказал голос. — Никто не спрашивает... — Голос удивленно замолчал. — Значит, ты не знаешь, кто я? — Существо рассмеялось — рассмеялось огромным веселым смехом, от которого задрожали глиняные стены вокруг Сириуса. Этот смех развеселил и в то же время озадачил Сириуса. — Знаешь, ты сейчас мне очень польстил.

— Разве? — спросил Сириус, совершенно сбитый с толку. — Но я же никогда не говорил с тобой раньше, верно? Да, и вообще... ты «он» или «она».

— Понятия не имею, — прозвучал загадочный ответ. — Я об этом никогда не думала. Но ты говорил со мной, и я говорила с тобой — с самого твоего рождения в этом теле.

— Боюсь, что я очень глуп, — извинился Сириус и внимательно оглядел темную нору. Здесь ничего не было, кроме желтых глиняных стен и сильного запаха. Может быть, это существо невидимо. — А тебя можно увидеть? Или это тоже глупый вопрос?

— Ты меня видишь, — ответил веселый голос.

— Но я вижу только... — И тут до Сириуса наконец дошло. — Земля! — воскликнул он. — Как глупо с моей стороны! Прости меня, пожалуйста. — Никакое это было не существо, это была планета, самая красивая и добрая планета во всей Вселенной.

Конечно, он говорил с Землей. Каждый раз, когда бегал по лугу, плескался в реке или нюхал воздух. И Земля отвечала ему множеством голосов, которыми полна жизнь — запахами и образами, элегантностью Тибблс, глупым очарованием Пятнашки, суровостью мисс Смит, добротой Кэтлин, грубостью Бэзила, даже холодностью Даффи. Земля заключала в себе добрую половину вселенной и научила Сириуса всему, что он знал. Он очень постарался извиниться, но Земля была не в обиде.

— Не надо по сто раз извиняться. Это Солнце виноват. Я его слушалась. Он специально не упоминал меня, ведь ты ему сказал, что я нравлюсь тебе, потому что я зеленая. А мне не хотелось прямо обратиться к тебе на глазах у Солнца. Он бы разозлился, я знаю.

Сириус подумал, что он не винит Солнце. Он знал множество звезд, которым обязательно захотелось бы украсть Землю, если бы они знали, какая она. Но он немного обиделся на Солнце за недоверие. Потом он вдруг понял, что и Земля не совсем честно ведет себя с Солнцем.

— Послушай, — сказал он. — Ты ведь знаешь, где находится это Зоаи? Почему ты не сказала Солнцу?

— Я и тебе не скажу, — сказала Земля и впала в очередное предгро-

зовое молчание.

Сириус встревожился. А вдруг на этот раз он действительно обидел Землю — именно тогда, когда ее помощь ему особенно нужна? Теплый воздух из глубины норы донес усиливающийся запах мяса и мяты. Похоже, настоящий хозяин норы унюхал незваного гостя и отправился выяснить, кто там явился без спросу. Сириус торопливо развернулся мордой в сторону воня.

— Мне нужно Зоаи, — сказал он земляной стене. — Если я его не найду, то умру собакой.

— Бывают судьбы и похуже, — ответила Земля. — Поверь мне.

— Но оно же тебе климат портит, — сказал Сириус.

Земля не ответила. Снаружи, на лугу, его Спутница начала терять терпение.

— Ваша Светимость, — сказала она высоким холодным голосом, — если вы меня не отпустите, я буду вынуждена повредить эту вашу жалкую планету.

— Только попробуй! — пробормотала Земля.

При этих словах Сириус вспомнил, как Земля заинтересовалась тем, что можно сделать с его Спутницей с помощью Зоаи. Он понял, что Земля на самом деле не отказывается помочь ему найти Зоаи, надо только правильно об этом попросить.

— Почему ты прячешь Зоаи? — спросил он.

— Потому что оно оказалось у самого несчастного из моих детей, — сказала Земля. — Он надеется, что Зоаи может ему помочь, и я тоже. Но я не могу сказать тебе, кто он, потому что так велят законы, управляющие его бытием. И ты об этом тоже знаешь. От его пса.

Длинная шерсть на спине Сириуса так вздыбилась, что коснулась влажной глины.

— Ты имеешь в виду Йеффа? Но он мне ничего не сказал.

— Он сказал тебе закон, — сказала Земля и почти слово в слово повторила то, что сказал Йефф: — Никто не может ничего спрашивать о Хозяине Йеффа, кроме тех, кто бегал с его псами и разделял их обязанности.

Услышав эти слова от Йеффа, Сириус не придавал им никакого значения. Но теперь, когда Сириус понял, что Земля хочет помочь ему найти Зоаи, но не может прямо сказать ему, где оно находится, они звучали почти обещанием.

— Ты хочешь сказать, что если я пробегусь с холодными собаками, то смогу заключить с твоим ребенком сделку ради Зоаи?

— Сможешь, — сказала Земля. — Законы, управляющие его бытием, позволяют ему заключать сделки.

— Почему его бытием управляют такие законы? — спросил Сириус.

— Бытием всех моих темных детей управляют очень строгие законы, — ответила Земля. — Иначе Солнце не позволил бы им существовать.

В ее словах звучала такая печаль, что в любое другое время Сириус положил бы нос на лапы и задумался. Но снаружи доносился сердитый голос его Спутницы, а голос Солнца бился об него, как бьется пламя в горне. А хозяин норы с резким рычанием приближался к Сириусу.

— Я думаю, тебе пора идти, — сказала Земля.

В норе появилась острая морда животного с оскаленной пастью. У животного тоже были зеленые глаза и крепкие белые зубы. мех у животного был красно-рыжим. Сириус был крупнее хозяина норы, но тот все равно собирался разорвать его на части.

— Кто это? — спросил Сириус у Земли.

— Убирайся отсюда, пес! — прорычало существо. — Как ты смеешь сидеть в моей норе!

— Это лисица, — сказала Земля. — Лисица, извини, но я хочу, чтобы ты помогла этому псу. Проведи его через свою нору и покажи ему другой выход.

— Нет! — сказала лисица. — У меня там лисята, и он подойдет к ним только через мой труп!

— И много твоим лисятам будет толку от твоего трупа? — спросила Земля. — Не делай глупостей.

— Я обещаю не трогать твоих детей, — сказал Сириус.

— Нет. Ты придешь потом с людьми, лопатами и другими собаками, — рявкнула лисица. — Я знаю собак.

— Что ты, никогда, — сказал Сириус.

— Это на самом деле вовсе не пес, — сказала Земля. — Посмотри ему в глаза.

Нехотя, оскалившись, лисица изогнула спину и посмотрела снизу вверх на Сириуса.

— Да, я вижу, — сказала она. — Но и не лиса. Кто же он?

— Существо совершенно другого порядка, прибывшее издалека, — сказала Земля. — А теперь проведи его через нору, пока не пришло еще одно такое же существо и не подожгло тебя, его, твоих лисят и, возможно, весь лес.

Напряженно и неохотно лисица повернулась и направилась обратно вниз.

— Поторопись! — сказала она Сириусу, взмахнув у него перед носом белым кончиком хвоста. — Я хочу, чтобы ты отсюда поскорее убрался.

Сириус протиснулся следом за ней. Лаз опять сузился. Отвратительный запах еще усилился. Сириус чихнул. Он хотел встать и потянуться, но было слишком тесно. Если бы Сириус не знал, что вокруг него Земля, он бы запаниковал.

Наконец лисица выбралась в более светлое и теплое место — в глиняную пещеру с выходом, ведущим вверх на ясный солнечный свет. В лучах солнца пятне кувыркались несколько пухлых веселых лисят. Сириусу они показались милыми и веселыми, и ему захотелось остановиться и поиграть с ними. Лисята почувствовали по отношению к нему то же самое и побежали к нему, взволнованно повизгивая и, видимо, решив, что он — что-то вроде доброго дядюшки.

Лисица яростными шлепками отогнала их в сторону.

— Не приближайтесь к нему! А ты, — сказала она Сириусу, — только прикоснись к волоску на хвосте одного из них, и я вырву тебе глотку!

— Я тебе сказал, что не причиню им вреда, — возразил Сириус.

— Может быть. Но нельзя, чтобы они сочли пса дружелюбным созданием, — рявкнула лисица. — Я бы оказала им этим плохую услугу! Иди вверх к этому выходу. Он ведет на другую сторону леса. — Когда Сириус высунул голову в освещенную солнцем дыру и плечи, лисица добавила: — Справа есть ручей, где ты можешь напиться.

После всей этой беготни Сириусу ужасно хотелось пить.

— Это очень мило с твоей стороны, — отозвался он, вытаскивая из дыры задние лапы.

— Нет. Я просто хочу, чтобы ты поскорее убрался отсюда, — рявкнула лисица. В ее голосе звучало все напряжение, в котором постоянно живут дикие звери.

Глава 12

Весь грязный, хромающий и покрытый глиной, Сириус осторожно спустился к ручью и напился. Спутницы вроде бы поблизости не было, но из-за того, что Сириус весь провонял лисьей норой, он плохо чувствовал запахи.

Чтобы избавиться от запаха, ему пришлось войти прямо в ручей и покататься в воде. Затем он выскочил из ручья и, насквозь промокший, захромал по пашне в сторону дома, надеясь, что Солнце предупредит его, если его Спутница опять за ним погонится.

Солнце молчал. Когда Сириус дошел до города, он уже высох, а вода в ручье смыла грязь. Сириус проковылял во двор, закрыл обе задвижки, сунул голову в ошейник и забрался в будку. Хорошо, что он успел к этому моменту вернуться домой, потому что Даффи вспомнила про него и вышла проверить, здесь ли он. Сириус саркастически посмотрел на нее одним глазом и уснул. Он смертельно устал.

Но той ночью он не сомкнул глаз. Он сидел на кровати Кэтлин и думал, думал, пока не взошла Луна. Тибблс жалобно попросила его успокоиться и лечь спать.

— Не могу, — сказал Сириус. — Эти белые псы с красными ушами — ты так и не сказала мне, где ты их видела.

— У реки, — сказала Тибблс. — Там разрушили множество домов, и образовался пустырь, на котором живет множество полевых мышей.

— Пустырь! — сказал Сириус. — Все время этот пустырь! Интересно, не там ли упало Зоаи — тогда было бы понятно, почему оно не причинило никаких разрушений.

— Ты о чем? — спросила Тибблс.

— Не обращай внимания. Когда это было? В какое время года?

— Я их видела несколько раз. Я помню, что каждый раз ярко светила Луна, но больше ничего не помню.

Сириус наклонил голову так, чтобы увидеть луну через окно. Луна ярко светила — должно быть, накануне было полнолуние. Сириус видел легкое уплощение на одной стороне лунного диска. Переполненный нетерпением, он соскочил с кровати Кэтлин и спустился вниз. Но толку не было. Все двери были заперты на ночь. Он не мог выбраться на улицу, найти этих холодных псов и заключить договор с несчастным ребенком Земли. Он не мог выбраться из своего собачьего тела. Он был дважды пленником — и все потому, что когда-то доверял холодному, белому маленькому светилу, по сравнению с которым даже Даффи была добрым человеком.

Именно это по-настоящему тревожило Сириуса. Каким же он был дураком. Он в отчаянии бродил по дому, вверх и вниз по лестнице, снова и снова нарезал круги по гостиной. Последние из его зеленых воспоминаний вышли из-за теплого облака собачих мыслей, и Сириус понял, что они не вернулись раньше, потому что он сам этого не хотел. Он их ненавидел. Его Спутница ненавидела его и попыталась от него избавиться, а он не поверил этому даже тогда, когда она обернула против него Зоаи.

Сириус знал, что его Спутница возненавидела его за то, что у нее не было власти над ним. Если она слишком настаивала на своем, он начинал гневаться. Поэтому она решила воспользоваться его гневом и посадить на его место голубое светило из системы Кастора. Сириус был уверен, что Новый Сириус и тот парень, который был главным свидетелем на суде — одно и то же светило. Так Спутница и ее любовник обернули гнев Сириуса против него самого.

А он *действительно* был в гневе. Его Спутница сначала подговорила юное светило его разозлить. Потом она взяла Зоаи и хладнокровно убила эту молоденькую звезду. Сириус знал, что это сделала она, хотя у него не было доказательств. Он просто нашел ее около трупа с Зоаи в руках. Но она никогда не понимала, как надо обращаться с Зоаи, и воспользовалась им так неумело, что при смерти юного светила его сфера взорвалась. Сириус был на нее очень зол, но сказал себе, что это несчастный случай.

Он твердил про несчастный случай даже тогда, когда она навела Зоаи на него, и оно со свистом полетело в систему Солнца. Потом, не успев ошеломленный Сириус что-либо понять и как-то справиться с ситуацией, как заявилось это голубое светило и начало говорить слова утешения, способные взбесить кого угодно. Он был слишком зол, чтобы думать, даже когда его арестовали — и слишком, слишком доверчив. Сириус не сказал бы ни слова, которое могло бы заставить кого-либо заподозрить

в чем-либо его Спутницу — но, конечно, каждое ее слово все больше и больше выставляло его в неприглядном свете. А он по-прежнему не верил, что она его ненавидит, и вместо этого разозлился на Судей. Дурак, дурак, дурак!

— Прекрати ты ходить туда-сюда! — сказал Рем. Той ночью он спрятался от людей, пытавшихся выгнать его на улицу, и теперь хотел как следует выспаться на кухонной полке.

— Извини. — Сириус тактично прошел к дивану и забрался на него. Опустив подбородок на подушки, он принялся огорченно смотреть, как белая линия лунного света, словно спица колеса, медленно движется по полу. У него было такое ощущение, что его зеленая сущность развалилась на куски. Он не думал, что когда-нибудь сможет найти это Зоаи. Когда лунный свет на его глазах немного сместился, Сириус вспомнил, как Земля говорила, что бывают судьбы и похуже, чем умереть собакой. Это его утешило. Земля была мудра. В конце концов, это Земля показала ему, что такое его Спутница. У собачьей сущности имелись свои преимущества, и сегодня утром она определенно спасла ему жизнь.

Сириус уже засыпал, когда со двора послышались какие-то звуки. Он насторожил уши и приподнял голову.

— В чем дело? — сонно спросил Рем через секунду-другую.

— Тише! — Сириус прислушивался.

Задняя твердь тихонько щелкнула и отворилась. В ноздри Сириуса ворвался запах озона и жасмина, а вместе с ним с ним пришел зеленый запах, болезненно знакомый, но со странными голубыми обертонами. Сириус бесшумно соскользнул с дивана с противоположной стороны от двери, ведущей в кухню. Он был совершенно уверен, что пришел его последний час. Его Спутница вернулась. Солнце был с другой стороны Земли, а она привела с собой своего супруга, Нового Сириуса. Всего-то нужно было узнать у миссис Партридж, где он живет. Сириус видел через кухонную дверь ее белый ореол, а также еще один ореол — синезеленый.

Рем издал перепуганный вой.

— *В этих людях есть что-то странное!*

Послышался звук, как будто кто-то резко двинулся, потом так же резко остановился.

— Нет! — сказала Спутница. — Оставь это существо в покое.

Ясно было, что Новый Сириус полностью у нее под каблуком. Он не стал трогать Рема. Сириус представил себе, как Рем стоит на полке, в ужасе изогнув спину. Интересно, подумал он, понял ли бедный кот хоть

одно слово из языка светил. Тут Спутница сказала:

— Не трогай никого из них, кроме пса. Только дай Солнцу повод, и он натравит на нас всю Галактику.

— Да пошел он в плазму, этот Солнце! — пробормотал Новый Сириус. Да, это *действительно* был главный свидетель, Сириус узнал его по голосу. — Что этот Солнце из себя воображает? Он всего лишь звезда малой светимости.

— Солнце, — сказала его Спутница, — грубая, самоуверенная, агрессивная, вспыльчивая, невоспитанная звездюлька. Кое-чем он сильно напоминает мне моего бывшего Супруга.

— Хорошо, хорошо, — сказал Новый Сириус. — Где он? Этот пес?

— Совсем близко. Где-то тут, — сказала Спутница.

Парочка двинулась вперед. И тут у Рема не выдержали нервы. Он в панике спрыгнул с полки и с воем бросился прочь. Его вопли слышались за несколько дворов.

Это навело Сириуса на мысль. Если ему предстоит умереть собакой, по крайней мере надо сделать это как полагается — Рем ведь повел себя как нормальный перепуганный кот. Сириус глубоко вдохнул и залаял. Услышав собственный голос, Сириус вздрогнул — он не знал, что умеет лаять так громко. Он напряг все четыре лапы и заревел.

— Оно его порвало! — сказал Новый Сириус.

— Никакого огня! — предупредила его Спутница.

Они появились, две черные фигуры — большая в сине-зеленом ореоле, меньшая — в белом. Сириус почувствовал, что они оба вот-вот ударят по нему, и, не прекращая лаять, бросился бежать вокруг дивана. Диван задрожал и зашипел, его спинка разлетелась на куски. Сириус, все еще отчаянно лая, помчался под обеденный. Удары обрушились на пол за самыми его задними лапами с треском кнутов и электрическими искрами. Он нырнул в лес деревянных ножек — ножек стульев и стола — и продолжал лаять. Под еще одним ударом вспыхнул и развалился надвое стул.

— Выгони его из-под стола. Я не могу до него достать, — сказал Новый Сириус.

Сириус пригнулся, возмущенно и гневно лая и отчаянно надеясь. Глаза его пылали. Семья проснулась. Сверху послышались шаги. Удар Спутницы обрушился на пол рядом с Сириусом. Ему пришлось отскочить. И на оставшиеся стулья обрушивалось *гав, гав, гав*.

— Что происходит? Что они сделали с Ремом? — На разломанной спинке дивана стояла Тиббл, изогнув спину и злобно шипя.

— *Слезай вниз!* — рывкнул на нее Сириус.

Он не знал, послушалась она его или нет. Новый Сириус, несмотря на резкий приказ своей Спутницы, нанес нетерпеливый удар по дивану. Вспыхнуло сине-зеленое пламя, и Тибблс исчезла.

В лае Сириуса послышался гнев и печаль. Спутница опять ударила по нему, так что стулья подскочили. Он понял, что следующий удар выгонит его из-под стола, а Новый Сириус его перехватит.

— Лео! *Лео!* Что происходит? Где ты? О, *где* же свет!

Теперь кричала Кэтлин. Сириус видел ее неясную белую фигурку, шарившую по стене у двери в поисках выключателя. Судя по звукам, вслед за ней по лестнице спускался Бэзил. Но после того, что произошло с Тибблс, Сириус знал, что обоим детям грозит опасность. А убить Кэтлин он никому не позволит. От этой мысли в нем снова вспыхнул зеленый гнев. Сириус вылетел из-под стола, разнеся в щепки два стула, целый и сломанный, и прыгнул к глотке Спутницы.

Он захватил ее врасплох. Она не думала, что он нападет на нее, и к тому же в глубине души она до сих пор его отчаянно боялась. Вместо того, чтобы нападать, она принялась защищаться. Кэтлин на мгновение увидела потрясающее зрелище: Лео, прыгающего во вспышке белого света, а потом с рычанием отлетевшего вбок, в сторону кухни.

Сириус врезался боком в открытую заднюю дверь, и рычание превратилось в визг. Потом он оказался во дворе, по-прежнему лая, чтобы заставить их пойти за ним, а не за Кэтлин.

Они выскочили во дворе почти сразу же вслед за ним. И калитка, ведущая на улицу, была закрыта. Сириусу никогда и не снилось, что он может перепрыгнуть эту калитку. Но теперь, когда за ним по пятам мчался Новый Сириус, он взлетел в воздух, не задумываясь, а сине-зеленые вспышки следовали одна за одной, пытаясь его настичь. Ударившись задними лапами о верхний край калитки, он тяжело упал в переулок. Сириус был уверен, что они по нему попали, и у него не хватало дыхания, чтобы двинуться прочь.

— Вставай и *беги*. — сказала Земля. — Давай!

Сириус встал и заковылял, пытаясь бежать. В белых полосах лунного света, пересекавших проезжую часть, переулок неузнаваемо изменился. Калитка у него за спиной застучала и запрыгала. Его враги, к счастью, пытались вести себя как люди. Сириус предположил, что это потому, что в доме слышны крики Даффильдов, а в окнах появляется свет.

Неподвижный, белый голос сверху сказал:

— Не выходи на мой свет. У меня никак не получается сделать так,

чтобы твоя шкура перестала блестеть. Беги в тени.

— Спасибо, Луна. — Сириус повернул и заковылял в черные тени домов. Он понял, что это, должно быть, Луну его враги пытаются обмануть.

— Луна, ты знаешь, кто они такие?

— Солнце мне сказал и велел за тобой приглядывать, — сказала Луна.

— Беги! — сказала Земля. — Калитка открыта.

От этой новости Сириус забыл, что у него болят лапы. Пригнувшись и держась теней, он помчался вперед.

— В конце переулка поверни направо, — сказала Земля, — и беги как сумасшедший пятьдесят ярдов. Там есть вход в большой канализационный сток с водой. Я тебе скажу, где.

Сириус помчался туда. Его враги, все еще изображая людей, увидели, куда он свернул, и ринулись вслед за ним. Дорога была пуста. Перекресток за ней тоже. Они вернулись, бросая осторожные синие и белые лучи в сады и аллеи.

Сириус скорчился под ними в большой круглой бетонной трубе, по щиколотку в воде, и слушал.

— Где он? — сказал Новый Сириус. — Я не буду чувствовать себя в безопасности, пока он не умрет. — Его голос звучал сердито и нервно. И неудивительно, подумал Сириус. Спутница довела его до такого положения, что он мог потерять и свою новую сферу, и жизнь. — Только представь себе, что он найдет Зоаи раньше нас.

— Тише, — сказала Спутница. — Я не думаю, что эта планета дура, и ее спутник тоже.

— Они ничего не могут сделать, — пробормотал Новый Сириус. — Только подожди, пока я не найду Зоаи. Тогда им придется помалкивать, или вся эта система окажется жертвой несчастного случая. — Он остановился. Где-то рядом проехала машина. — Что это?

— Возможно, их полиция, — сказала Спутница. — Нам лучше спрятаться. Мы можем легко поймать пса, когда он попытается вернуться домой.

Сириус слышал, как они уходят.

— Где они? — спросил он Землю.

— Я их потеряла, — сказала Земля. — Одну секунду. — Последовала напряженная пауза. Сириус отпил воды из ручейка и ждал. Где-то вблизи остановилась машина. — Луна думает, что они спрячутся за трубами на крыше твоего дома, — сообщила Земля. — Туда только что приехала полиция. Выходи из другого конца трубы, и тебя не увидят. Не пытайся

вернуться домой, пока не придет Солнце.

— Спасибо, — с благодарностью сказал Сириус.

Он выбрался из трубы на соседнюю улицу и направился к центру города. Он переходил пустые улицы. Он прошел мимо тихого магистрата и мимо освещенных пустых магазинов, становясь по пути все грустнее и грустнее. Он знал, что не решится вернуться домой до утра. Днем его может защищать Солнце, но по ночам враги не оставят его в покое.

В каком-то смысле от этого его положение становилось легче. Можно прятаться на пустыре, а есть ходить к мисс Смит и к трем старикам. Сириус был уверен, что если он будет регулярно наблюдать за тем, что происходит на пустыре, то сможет отыскать холодных псов и Зоаи. Только придется надеяться, что враги не найдут его раньше. Но Сириусу было очень грустно и одиноко.

Он мрачно пробежал по пустырю мимо молчащих бульдозеров. Из зарослей в конце пустыря доносились неприятные холодные запахи. Он побежал туда, и тут у него за спиной по пеплу застучали большие лапы. Ошетинившись, Сириус обернулся. На мгновение ему показалось, что это Йефф. В лунном свете шкура пса сияла морозным блеском, а уши казались красными.

— Все в порядке. Это всего лишь я. Как удачно, что я тебя встретил! — сказал Брюс.

Сириус ему ужасно обрадовался. Одиночество кончилось. Он прыгнул вперед, размахивая хвостом, и Брюс побежал ему навстречу. Они замерли нос к носу, мягко помахивая хвостами, в полном восторге.

— Видишь? Я все-таки выбрался, — сказал Брюс. — Сегодня утром, сразу же после того, как ты ушел, я просто вытащил из калитки весь этот треклятый замок. Я тебя искал. Ты частенько бегаешь по улицам, верно? Я следовал за твоим запахом по всему городу. Мне еще никогда в жизни не было так весело. Я встретил трех старичков, одного за другим, которые все приняли меня за тебя и дали мне поесть. Потом я пришел к дому старой дамы, и она поняла, что я — не ты. Она велела мне идти домой, но сначала дала мне косточку. Потом двое полицейских попытались меня поймать, и мне пришлось притвориться, что я с ними играю, чтобы удрать от них. Я не могу рассказать тебе всего, что произошло! Но мне уже начинало становиться ужасно одиноко, когда ты появился. Честно говоря, я только что решил вернуться домой.

— Ты не против остаться со мной еще немного? — спросил Сириус. — Я был бы рад твоему обществу. Сегодня у меня выдался весьма неприятный вечер.

— Конечно, не против! — сказал Брюс. — Я совсем не спешу домой. Хочешь, я тебе покажу, какое уютное место для сна я нашел?

Они бок о бок побежали в заросли сорняков. Брюс подошел к одной из самых старых куч щебня, поросшей кустами и маленькими деревцами. На ее теневой стороне заросли бузины скрывали сухую выемку. Брюс пробрался к выемке через крепкий, сочный запах молодых бузиновых листочков.

— Неплохо, да? — спросил он.

— Отлично, — сказал Сириус.

Они забрались в выемку и уютно свернулись там, прижавшись друг к другу теплыми тяжелыми спинами и тихонько похрапывая, потому что им было хорошо вдвоем. Затем, по-собачьи, они провалились прямо в глубокий сон.

Через пару часов они одновременно проснулись, наострили уши и чуть не выскочили из зарослей, но тут Брюс пришел в себя.

— Нам нельзя, — сказал он. — Нас туда не звали.

Снова раздался звук, разбудивший их — навязчивый, властный, очень громкий и близкий. Сириус и Брюс знали, что этот зов обращен не к ним, но все равно помчались вперед через гибкие ветки. Желтоватая Луна висела низко, почти над самыми крышами домов. На другой стороне неба посветлевшая полоса говорила о приближении Солнца. А перед кучей щебня через пустырь потоком мчались собаки. При виде мерцающих белых шкур и кошачьих желтых глаз Сириус с Брюсом растерялись. Собаки мчались молча, как кошки, и единственным звуком их бега было морозное постукивание лап. Громкий зов властного горна тоже был беззвучен. И, несмотря на полную тишину, мчавшийся в молчаливом безумии поток собак был совершенно дик — куда более дик, чем лисица, защищающая логово — настолько дик, что казался неправильным, странным и озадачивающим.

Сириус бросил на них один взгляд и рванулся к мчащимся собакам.

Они бежали под углом к нему. Когда он помчался по усыпанной щебнем земле, бежавшие впереди собаки уже исчезали. С каждой секундой собак становилось все меньше и меньше. И, как только Сириус поравнялся с последним псом, тот тоже исчез. Они как будто забежали за невидимую стену. Сириус пробежал по тому месту, где они исчезли, но ничего не нашел. Даже морозного запаха этого пса.

Взбешенный и разочарованный, Сириус побежал по кругу. Там, где пес пропал, запах тоже просто пропадал. Сорняки и щебень в этом месте ничем не отличались от других. Но собак там просто не было.

— Земля, — сказал он. — Пожалуйста, Земля, скажи мне, куда они ушли?

— Извини, — ответила Земля. — Это не моя тайна.

Сириус поднял голову и посмотрел на Луну.

— Луна, часто ли они так бегают? Пожалуйста, скажи мне.

Луна уже почти скрылась за домами, и голос ее звучал несколько приглушенно.

— В ночь полнолуния, накануне и на следующую ночь. Вчера, сегодня и завтра. Потом они исчезнут до следующего полнолуния.

— Спасибо, — сказал Сириус. — Спасибо за всю твою помощь.

— Не за что, — сказала Луна. — Солнце велел мне помогать тебе.

— А я велела тебе держать рот на замке, как обычно! — сказала Земля.

— Ты велела мне сегодня вечером оказать ему любую помощь, какую только смогу, — сказала обиженная, но самодовольная Луна и исчезла за крышами домов. Но спор не кончился. Сириус слышал, как Земля бранит Луну до самого горизонта. Но он был слишком занят обнюхиванием почвы, сине-серой в предрассветном сиянии. Он заметил еще одну странность: в тот момент, когда зашла Луна, морозный запах таинственных собак полностью исчез.

Брюс подбежал к нему, нервный и озадаченный.

— Они не оставили запаха. Почему? Что они такое?

— Что-то необыкновенное, — сказал Сириус. — И я *должен* пробежать с ними завтра, даже если мне придется в лепешку расшибиться!

— Знаешь, это может оказаться забавным, — сказал Брюс. — Они могут принять тебя за своего. Если не считать ошейника, в лунном свете ты выглядишь точно так же, как они.

— И ты тоже, — сказал Сириус. — Разве ты не знал?

— Тогда я тоже приду! — весело сказал Брюс.

— Правда? Но тогда ты целых две ночи подряд не будешь ночевать дома, — сказал Сириус. — Как же твои люди?

Брюс призадумался.

— Ну ладно... Я вернусь домой завтра на рассвете, — сказал он. — Но сначала я должен это сделать. Я еще никогда не переживал такого приключения. Только есть одна проблема — мой хозяин днем работает недалеко отсюда, так что я хочу уйти подальше от соблазна. Ты не знаешь, куда можно пойти?

Сириус задумался. После такого дня и такой ночи ему хотелось провести следующие двенадцать часов в безопасности, свернувшись на хо-

рошем теплом диване. Кто...?

— Знаешь что, — сказал он. — Можно попробовать попроситься к мисс Смит. Если как следует посмотреть ей в глаза и повилывать хвостами, возможно, она позволит нам на сегодня остаться у нее дома. Это та старая дама, которая поняла, что ты — не я.

— А, она мне понравилась! — сказал Брюс. — Пойдем!

Они деловито побежали обратно в город. Уличные фонари гасли. В некоторых окнах горел свет, на улицах было довольно много машин. Несколько раз Сириусу пришлось призывать Брюса к осторожности. Брюс не слишком хорошо умел переходить дороги.

Они были уже на полпути к дому мисс Смит, когда у них за спинами взошел Солнце с негодующим воплем:

— Что мне говорит эта Земля?

Он выглядел таким разгневанным, что Сириус припустил еще быстрее, не совсем уверенный, что хочет оказаться с Солнцем мордой к лицу.

— Я... ну... я говорил с Землей. Извини, если тебе это не нравится.

— Да не то! — вспыхнул Солнце. — Твоя Спутница и ее Супруг. Они действительно осмелились на тебя напасть?

— Да, — сказал Сириус. — Но со мной все в порядке, спасибо Земле.

— Он оглянулся на Солнце и усмехнулся.

Солнце был белым от гнева.

— Если они тронут хоть волосок на твоей шкуре, я их уничтожу! — сказал он. — Я ее предупредил! Я не могу законным образом вышвырнуть их из своей системы, но ты *de facto* являешься существом земной биосферы, и они не имеют права тебя трогать. Я рад, что ты сумел сбежать. И взять с собой одного из твоих братьев — очень умная мысль. Это должно сбить ее с толку.

— Я этого не имел в виду, — ответил Сириус, весьма встревоженный. — Я не хочу, чтобы Брюсу причинили вред.

— Тебе следует взять с собой и остальных троих, — сказал Солнце. — Они не посмеют причинить вред ни одному из вас, пока не поймут, кто из вас ты. — Секунду он молчал. Сириус подумал, что он занялся чем-то еще. Неожиданно Солнце спросил у него: — Что ты думаешь о Земле?

— Что за вопрос? — удивленно сказал Сириус. — Ты же знаешь, что Земля — шедевр.

Он почувствовал, как Солнце улыбается ему в спину, довольный, как довольна была Земля накануне.

— Марс тоже неплох, — заметил Солнце.

Сириус засмеялся. Он так увлекся своим весельем, что не заметил, как рядом с ним к краю тротуара подъехала полицейская машина. Дверь машины открылась, из нее выскочил полицейский.

— Беги! — гавкнул Брюс и помчался по тротуару не хуже Дикой Охоты.

Сириуса захватили врасплох. Он рванулся было вслед за Брюсом, но рука полицейского поймала его за ошейник. Он увернулся, стал извиваться и чуть не вылез из ошейника. Тогда полицейский схватил его за шкирку.

— Пойдем, парень. В машину.

Сириус попытался вырваться, но полицейский победил. Сириуса затащили на что-то вроде кожаного вспаханного поля, которое оказалось задним сиденьем машины, в то время как в конце улицы Брюс благополучно удрал от еще двух полицейских, которые, тяжело дыша, подошли к машине.

— Так их *действительно* двое! — выдохнул один из них. — Когда пришли описания, я глазам своим не поверил.

Полицейский, державший Сириуса, посмотрел на диск на ошейнике.

— Я так и думал! Мой старый друг Лео! Не грусти, Лео. Ты у нас сегодня герой. Все совсем не так, как в прошлый раз.

Глава 13

Сириуса подташнивало от быстрой поездки со множеством поворотов. Когда его доставили в дом Даффильдов, Кэтлин выбежала навстречу и обняла его.

— О, Лео!

Робин напрыгнул на него с другой стороны.

— Шеймус, а ты *правда* храбрец!

Бэзил дернул его за хвост.

— Глупый старина Крыс! Зачем же ты убежал?

Даже мистер Даффильд похлопал его по голове и назвал его хорошей лошадкой. Даффи фыркнула.

— Сентиментальные идиоты! Зачем же еще нужна собака, как не пугать грабителей?

Сириус со смущением обнаружил, что люди думают, что он спас дом от грабителей. Грабители, предположительно, были вооружены. Новый Сириус вел себя неосторожно. Возможно, он и не умел вести себя осторожно. Сириус знал, что звезде высокой светимости нелегко сдержать свой жар. В любом случае, все Даффильды видели ярко-зеленые вспышки во дворе. В калитке от них осталось несколько выжженных желобков. И еще остался странный ожог у Тибблс.

Тибблс сидела в корзинке, застланной одеялом, специально для нее включили электрический нагреватель. Сириус с восторгом подбежал к ней. Тибблс подняла ему навстречу трясущийся нос. Она выглядела больной.

— Привет, — сказала она. — Я думала, что ты умер.

— Я тоже думал, что ты умерла. Что произошло?

— Я думаю, я бы *и правда* умерла, если бы ты не закричал на меня, — сказала Тибблс. — Он меня ударил, когда я прыгала на пол, и большая часть удара пришлась по дивану.

Сириус оглядел диван. От спинки остались обломки, зеленоватая навивка и конский волос вылезли наружу. Потом он оглядел Тибблс. У нее на спине виднелся сырой косою рубец. Опаленный мех вокруг него позеленел.

— Хочешь, вылижу тебе этот ожог? — спросил Сириус. — Может быть, станет лучше.

— Мне больно, когда к нему прикасаются, — сказала кошка. — Это какой-то неправильный ожог. Я не думаю, что это были настоящие люди.

— Нет, не настоящие, — сказал он. — И поэтому, возможно, я смогу сделать так, что тебе станет лучше.

— Попробуй, — ответила Тибблс.

Сириус секунду постоял, пытаясь отыскать в себе хоть немного зеленой энергии. Он не был уверен, что там что-нибудь осталось, но знал, что обладает своей зеленой сущностью в той мере, в какой ее вообще можно вместить в собаку, и был уверен, что только эта сущность может вылечить Тибблс. Он наклонился и лизнул ожог.

Кэтлин поспешила остановить его.

— Нет, Лео. Отойди!

— Пусть его, — сказал мистер Даффильд. — Животные знают, что делают.

— Но Ромул и Рем не прикоснулись к этой ране, — возразил Бэзил.

Тибблс при первом прикосновении собачьего языка вздрогнула, но после третьего начала мурлыкать.

— Ох, и правда лучше! Больше не жжет. Продолжай.

Даффи бросилась на поломанный диван и объявила, что у нее нет сил.

— Думаю, что нам лучше позавтракать, — сказала она. Кэтлин, которая выглядела не менее усталой, поспешила на кухню. Похоже, что вся семья так и не ложилась с тех пор, как Сириус разбудил их лаем. Остаток ночи они объясняли происходящее полиции, описывали своего пса, пытались описать двух грабителей, которых никто толком не разглядел, бегали по дому и пытались выяснить, что украдено, удивлялись странным разрушениям и ухаживали за Тибблс.

Когда Кэтлин приготовила завтрак, мистер Даффильд включил радио, чтобы послушать утренние новости, и заметил, что лошадке в качестве награды тоже следует дать немного кукурузных хлопьев. Так что Кэтлин поставила на пол целую миску золотистых хлопьев. Сириус любил кукурузные хлопья. Он оставил сонно мурлыкающую Тибблс, спина у которой снова приобрела нормальный цвет, и принялся за угощение. У

него так трещало за ушами, что он не сразу заметил какую-то странную перемену в настроении людей. Они внимательно слушали радио. На лицах у них было напряжение и удивление.

— Твой отец случайно сидит не в этой тюрьме? — сказал Робин.

— Я думаю, что он — один из них, — ответила Кэтлин странным тихим голосом. Сириус не мог понять, то ли она очень несчастна, то ли, наоборот, очень счастлива. Он изо всех сил прислушался к монотонному голосу, доносившемуся из радио.

— Двое беглецов, — услышал он, — сегодня утром были схвачены вооруженными силами. О’Брайен, третий беглец, еще на свободе. — Радио принялось говорить на другие темы. Кэтлин выглядела такой взволнованной, веселой и испуганной, что Сириус пожалел, что не услышал подробностей. Он задумчиво вернулся к кукурузным хлопьям, вспоминая письмо, которое отец Кэтлин прислал ей за месяц до того. Возможно, он вовсе не имел в виду, что его должны освободить. Возможно, письмо было таким мятым и грязным, потому что его тайком передали наружу, чтобы предупредить Кэтлин, что он собирается бежать. Он видел, что Кэтлин думает именно так.

Так думала не только она. Как только мистер Даффилд ушел наверхриться, Даффи обернулась к Кэтлин.

— Я тебя предупреждаю, Кэтлин, что я не намерена помогать твоему папаше нарушать закон. Я никогда не хотела иметь дело с осужденными. Я говорила Гарри, что не желаю брать тебя в наш дом. Я знала, к чему это приведет. И я была права. Если этот человек посмеет заявиться сюда, я отправлю его обратно в тюрьму быстрее, прежде чем он успеет сказать «нож». Можешь ему сказать, что я так сказала.

Вряд ли Кэтлин ее слышала. Она была в оцепенении от счастья и тревоги.

— Я *знаю*, что они не поймали моего папу! — прошептала она, привязывая Сириуса во дворе, как обычно. — Я действительно надеюсь, что он убежит. Он очень умный, так что, может, и сумеет уйти от погони.

Сириус сидел, наполовину высунувшись из будки, и думал о Кэтлин и ее отце. Он решил, что рад. Отец Кэтлин бежал из тюрьмы в самый подходящий момент. Ночью Сириусу придется оставить Кэтлин. Найдет он Зоаи или нет, больше жить здесь он не решится. Но он при мысли о том, чтобы оставить Кэтлин одну, ему становилось грустно и тревожно. Это был бы недобрый поступок. Но побег ее отца решал все. Теперь о Кэтлин позаботится родной отец. Сириус прекрасно знал, что Ирландия находится довольно далеко, за проливом, и что полиция после побега из

тюрьмы не позволяет людям оставаться на свободе. Но он утешал свою слегка встревоженную совесть, говоря себе, что, по словам Кэтлин ее отец очень умный. Несомненно, он сумеет как-нибудь приехать и забрать Кэтлин. Тогда Кэтлин опять будет счастлива.

— Не думай, что ты снова перепрыгнешь через эту калитку, когда я здесь! — сказала Даффи, топая из дома во двор, чтобы проверить, на месте ли Сириус. Она не выпалась, поэтому ей не сиделось на месте, и она была в еще более плохом настроении, чем обычно. Тем утром Даффи выходила во двор целых шесть раз.

Каждый раз Сириус саркастически смотрел на нее одним глазом. Он знал, что ее это злит. Он пока не собирался уходить. Он уйдет тогда, когда никто не будет этого ожидать, как раз перед возвращением Кэтлин из школы. Сириус уснул, думая «Как жаль, что я не смогу как следует попрощаться с Кэтлин».

Около полудня Солнце направил луч света Сириусу в морду и разбудил его.

— Ты сегодня собирался еще куда-нибудь идти? — спросил Солнце.

Сириус открыл один глаз.

— Да. Найти Зоаи, если удастся.

— Тогда мне стоит тебя предупредить, — сказал Солнце, — что ты, возможно, захочешь передумать. Хотел бы я знать, что тебе посоветовать. Положение очень сильно осложнилось.

— Ты о чем? — спросил Сириус, открывая оба глаза.

Солнце не ответил. Он просто отбросил яркий золотой клин света на заднюю дверь. Из нее выходила Кэтлин. Сириус изумленно вскочил на ноги. Он еще никогда не видел, чтобы Кэтлин приходила домой в это время. Он весело завертел хвостом от восторга. Теперь он сможет попрощаться с Кэтлин как следует.

Кэтлин шла через двор странным неловким шагом, как будто почти не видела, куда идет. Вслед за ней появилась незнакомая дама, с тревогой смотревшая на Кэтлин. Она, казалось, беспокоилась о ней. Сириус увидел, что лицо у Кэтлин желтовато-белое, почти такого же цвета, как его шкура. С ней что-то случилось. Кэтлин, словно вслепую, протянула руки, чтобы отвязать веревку. Сириус встал на задние лапы, поставив передние ей на руку, и попытался понять, что произошло.

Кэтлин сказала странным равнодушным голосом:

— Это Лео, мисс Марплс. Я вам говорила, что он позаботится обо мне.

— Очерь красивый пес, дорогая, — сказала мисс Марплс. Сириус

видел, что она его побаивается, но из доброты старается скрыть это от Кэтлин. — Почему бы тебе не взять его с собой в дом, дорогая?

Она снова вернулась в кухню. Кэтлин последовала за ней, крепко держа Сириуса за ошейник, и апатично села на сломанный диван. Очень озадаченный и встревоженный, Сириус последовал за девочкой и уселся на пол, глядя в ее бледное неподвижное лицо.

— Теперь, дорогая, — сказала мисс Марплс, все еще изо всех сил стараясь проявить доброту, — давай я принесу тебе чашку чая?

— Нет, спасибо, — равнодушно сказала Кэтлин. — Со мной все в порядке. У меня есть Лео.

— Ну что ж, в таком случае... — с сомнением сказала мисс Марплс. Казалось, она с облегчением отказывается от Кэтлин. — Тогда, если ты думаешь, что Лео о тебе позаботится, дорогая, я лучше пойду и поговорю с миссис Даффилд.

Кэтлин не ответила. Мисс Марплс, нервно взглянув на нее, встала и робко постучалась в дверь мастерской. Никто не ответил на стук, но тем не менее она открыла дверь, на цыпочках прошла через нее и закрыла ее за собой так мягко, что Сириус с трудом расслышал, как щелкнула задвижка.

— Она школьный секретарь, — объяснила ему Кэтлин тем же странным тусклым голосом, неподвижно глядя перед собой. — Она изо всех сил старается быть доброй, но у нее плохо получается. Они все так себя ведут с тех пор, как... — Она протянула руку и прижала Сириуса к себе. Через три минуты Сириус невольно высвободился, потому что у него заболела неестественно изогнутая спина. Он ласково ткнулся носом ей в руку и принял более удобное положение.

Кэтлин опустила голову ему на шею.

— О, Лео, — сказала она. — Мой папа умер. Полиция вызвала дядю Гарри с работы, и в школу они тоже пришли. Он ушел от военных, но попался противникам. Сегодня утром его застрелили на месте. И, Лео, хуже всего то, что я не могу как следует вспомнить папино *лицо* — я так давно его не видела. Я снова и снова пытаюсь его вспомнить, и мне становится немного легче.

Сириус снова ткнулся в нее носом, на этот раз сочувственно. Он понял, что имел в виду Солнце. Он не знал, что теперь делать.

— Я понятия не имела, какая путаница бывает в голове, когда грустно, — сказала Кэтлин почти обычным голосом. Сириус обрадовался. — Я почти забываю, что мой папа мертв. А потом я думаю, больно ли ему было, и надеюсь, что не было, и что он не очень сильно испугался. А

потом я вдруг начинаю вспоминать, как он иногда меня злил. Он был очень похож на дядю Гарри. Если ему что-то не нравилось, он не хотел об этом знать. Но он бывал и добрым, и забавным. И я все это помню, но не могу вспомнить его *лицо*.

Все еще обнимая Сириуса, она снова уставилась прямо перед собой. Сириус подумал, не следует ли ему еще раз ткнуться в нее носом. Или нет. Он не знал, что делать.

Дверь магазина распахнулась. В комнату вошла Даффи, высокая, холодная и злая.

— Что, черт побери, имела в виду эта женщина, когда привела тебя сюда среди дня? — спросила она. — Я плачу целое состояние, чтобы ты получала школьные обеды. Я что, должна платить за твой сегодняшний обед дважды, или как?

— Ничего, — сказала Кэтлин, все еще глядя в пустоту. — Я не голодна.

Но Даффи сказала это только для разминки перед настоящей обвинительной речью.

— Тогда голодай, раз тебе нравится, — сказала она. — Я знаю, что ты все делаешь только для того, чтобы досадить мне. *Тебе* все равно! Посмотри на себя, посмотри, как ты сидишь там с этим огромным бесполезным псом, который пачкает мой диван, и даже не пытаешься понять *меня*. И, кроме всего прочего, эта женщина велит мне тебя утешать! Позволь мне сказать тебе, Кэтлин, что все должно быть наоборот. Я тебя терпела почти год, и ты все это время только и делала, что создавала проблемы и требовала расходов. Я согласилась взять тебя только при условии, что ты вернешься к своему отцу, как только он выйдет из тюрьмы. Теперь посмотри, что происходит! Он позволяет себя убить, и мне придется терпеть тебя всю твою оставшуюся жизнь! Следующее, что сделает Гарри — попытается заставить меня тебя удочерить. Так вот, этого я *не* сделаю. Я сказала этой женщине в лицо, что я этого не сделаю. Окаянный ребенок может отправляться в приют, сказала я ей. Что до твоего отца, то он получил именно то, чего заслуживал!

— Он не заслуживал того, чтобы его застрелили, — мрачно сказала Кэтлин. — Такого никто не заслуживает — даже вы.

— Я не собираюсь стоять тут и слушать оскорбления! — завопила Даффи. — Поскольку тебя сочли возможным отправить домой в этот несуразный час, ты можешь раз в жизни сделать что-нибудь полезное. Иди и убери комнату Робина. Там настоящий свинарник. Ты там несколько недель не убиралась.

— Нет, — равнодушно сказала Кэтлин. — Уберите ее сами, если вам это надо.

— Не смей говорить со мной таким тоном! — отрезала Даффи. Похоже, до нее не доходило, что на Кэтлин только что обрушилось огромное несчастье, и что даже Кэтлин можно довести до ручки. — Я взяла тебя в дом. Я была добра к тебе. Делай, что я тебе говорю.

Кэтлин встала. Сириус чувствовал, что она дрожит.

— Нет, — сказала она. — Вы никогда не были добры ко мне, ни на минуту. Почему я должна делать вашу грязную работу?

Даффи в холодном гневе уставилась на нее. Кэтлин так неподвижно стояла, только дрожала, и говорила таким мертвым, спокойным голосом, что Даффи все еще не понимала, что зашла слишком далеко. Она заявила:

— Ты почти вывела меня из терпения, Кэтлин!

Кэтлин тихо сказала:

— А вы почти вывели из терпения меня. — Очень медленно и целенаправленно, все еще дрожа, она пошла в кладовку и взяла швабру. Сириус взволнованно побежал за ней, пытаясь понять, что она собирается сделать.

— Отнеси швабру наверх и займись делом, — сказала Даффи. — Я собираюсь поесть. — Она направилась в кухню и по пути ударила Сириуса. — Убирайся вниз, грязная тварь!

Удар был не слишком сильным, но на лице Кэтлин под глазами проступили два розовых пятна, отчего ее глаза потемнели, как ночное небо. Она выглядела так, как будто опять ожила.

— Не смейте бить Лео! — крикнула она в спину Даффи. — Я вам покажу! — И, размахивая шваброй, бросилась в мастерскую.

— Что она делает? — встревоженно спросила Тибблс из своей корзинки.

Ответом был оглушительный треск горшков. Сириус примчался как раз вовремя, чтобы увидеть, как Кэтлин направляет швабру на еще одну полку с керамикой и взмахивает ей слева направо. Горшки посыпались вниз — десять, двадцать, тридцать — дробясь, разбиваясь, раскалываясь.

Черепки засыпали пол. Поднялась пыль. Сириус вздрогнул, подпрыгнул и попытался ткнуться носом в Кэтлин, чтобы привести ее в чувство.

Швабра Кэтлин смахнула горшки с еще одной полки, потом с еще одной. Волосы девочки растрепались, лицо было ярко-красным.

— *Ура!* — закричала она, перекивая грохот. — Я всегда хотела это сделать! — Сириус все еще встревоженно танцевал вокруг Кэтлин, а она

прыгала на куче черепков. Острые черепки летели во все стороны. Кэтлин взмахнула шваброй и ударила по куче горшков у дверей в магазин. *Бум! Таррарам! Бам!* Кэтлин прыгнула вперед. В мастерской не осталось ни одного целого горшка. Девочка описала шваброй круг над головой и помчалась в магазин.

Даффи ворвалась в мастерскую и поймала ее на пороге. Произошла короткая, яростная схватка. Потом Даффи принялась бить Кэтлин шваброй, зажав ее между ног. Кэтлин завизжала.

Сириус не задумывался. Как только Кэтлин завизжала, его зубы вонзились в левую икру Даффи почти сами по себе. Он неистово свел челюсти.

Даффи заорала. Вкус у нее был ужасный. Сириус с отвращением отпустил ее и отпрыгнул, но немного запоздал. Швабра ударила его по голове, он завизжал и увернулся. Даффи яростно запрыгала вслед за ним, правой сандалией обращая черепки в пыль, пытаясь попасть по нему шваброй и беснуясь.

— Это все решает! Это конец. Грязная тварь! Я умру от заражения крови!

— Да он, наверно, сам отравился, — сказала Кэтлин.

Даффи оперлась на швабру, как на трость, и попыталась посмотреть на свою ногу.

— Я истекаю кровью, как поросенок!

— Нет, — с презрением сказала Кэтлин. — Это всего лишь тонкая струйка. Если бы он хотел, он мог бы откусить от вас целый кусок.

— У него больше не будет такой возможности! — заревела Даффи. — Как только я перевяжу ногу, он отправится к ветеринару. Что касается тебя, то ты заплатишь за каждый горшок!

— Хорошо, — сказала Кэтлин. — Но вы не отправите Лео к ветеринару.

— О нет, отправлю! — сказала Даффи. — Прямо сегодня же. Нам всем грозит опасность от этой твари!

Кэтлин развернулась и пошла по черепкам к двери.

— Идем, Лео. Осторожнее, не порань лапы.

Сириус, дрожа, осторожно пошел за ней. Он видел, что Даффи действительно собирается исполнить свою угрозу. Он надеялся, что Кэтлин отведет его во двор, где у него будет шанс сбежать.

— Куда ты идешь? — завизжала Даффи, ковыляя за ними вслед.

— Я сама отведу его к ветеринару, — сказала Кэтлин. — Вы этого не сделаете. — Она подошла к кладовке и достала поводок. — Идем, Лео.

Сириус в ужасе стоял посреди гостиной. Он понимал, что у Кэтлин нет выбора, но все еще не верил, что она может так поступить. Кэтлин резко позвала его. Он к ней не подошел. Кэтлин подошла к нему, резко схватила за ошейник и попыталась прицепить к нему поводок. В конце концов Сириус позволил ей это сделать только потому, что знал, что всегда может выскользнуть из ошейника.

— Теперь пойдём! — решительно сказала Кэтлин и потянула его к боковой двери.

— У него закрыто на обед, — сказала Даффи, направляясь в кухню за пластырем.

— Я подожду на улице, пока он не откроет, — сказала Кэтлин и громко хлопнула дверью. Сириус все еще с трудом мог поверить происходящему. Его спина оцетинилась, хвост низко опустился, и он уперся лапами в пол. Кэтлин пошла по коридору, таща его за собой.

— Не будь идиотом! — рявкнула она. — *Пошли!*

По улице проехал грузовик. Под шум колес Кэтлин наклонилась и прошептала:

— Конечно, мы не пойдём к ветеринару, идиот! Но иначе она бы не выпустила бы нас из дома. Пойдём же.

С огромным облегчением Сириус двинулся с места. В конце улицы он понял, что идет впереди и тащит за собой Кэтлин. Сириус оглянулся, чтобы посмотреть, в чем дело. По лицу Кэтлин катились слезы.

— Я не знаю, куда идти, Лео, — сказала она. — Я только сейчас поняла, что нам некуда идти. Если я пойду и все расскажу дяде Гарри, он просто заберет нас обратно в дом. Тогда она отправит тебя к ветеринару. Я не знаю, что делать.

Это, конечно, была проблема. Сириус снова потянул Кэтлин за собой и задумался. Он должен был позаботиться о Кэтлин, прежде чем оставит ее и пойдет искать Зоаи. Она же о нем заботилась. Он должен сделать то же самое для нее. Но куда он может ее отвести?

С некоторыми сомнениями он подумал о мисс Смит. Ему нравилась мисс Смит. Он был уверен, что ей понравится Кэтлин. Но он знал, что люди берут в дом собак куда охотнее, чем других людей. Сириус этого не понимал, просто принимал, как факт. Но он не мог придумать ничего лучшего и обнаружил, что в любом случае уже бессознательно тащит Кэтлин к дому мисс Смит. Он пошел еще быстрее. Кэтлин у него за спиной заторопилась следом за ним и сбилась с шага.

— Куда мы идем, Лео? В магистрат? Но нельзя же просто пойти и пожаловаться мэру, правда? Разве он станет слушать?

Эта мысль Кэтлин понравилась. Она быстро уверилась, что они идут в магистрат жаловаться мэру, и Сириусу было очень трудно увести ее в другую сторону. Когда они подходили к дому мисс Смит, ему пришлось подталкивать ее на каждом углу.

— Куда ты идешь? Нам не сюда, — повторяла она.

В конце концов Сириус свел плечи, напряг задние ноги и изо всех сил потащил Кэтлин по улице, где жила мисс Смит. Он протащил ее мимо мусорных ящиков и поднялся по ступенькам к парадной двери мисс Смит. Подняв лапу к отметке, которую он оставил, каждый день стуча по ней, он еле сумел постучать, потому что Кэтлин изо всех сил тащила его обратно вниз. Дверь открылась почти сразу.

— Ну вот, теперь хозяйка выходит! — сказала Кэтлин, ужасно смущенная. — Ну в самом деле, Лео!

— Ты зовешь его Лео? — сказала мисс Смит. — Я зову его Сириус, из-за его зеленых глаз. Привет, Сириус. Значит, ты привел свою хозяйку?

— Я прошу прощения. Он притащил меня сюда, — объяснила Кэтлин.

Мисс Смит посмотрела в неподвижное, залитое слезами лицо девочки.

— Ты не хочешь зайти и, может быть, выпить чашечку чая, пока будешь рассказывать, что случилось? — предложила она.

— Ну, я... — начала Кэтлин. Сириус опять потянул поводок, Кэтлин взлетела вверх по ступенькам и вбежала в дверь вслед за псом.

— Вот так, — сказала мисс Смит, захлопывая за ними входную дверь. — Теперь чай и косточки.

В это время Брюс, который, как и Сириус, не слишком любил лаять, осторожно сунул нос в гостиную мисс Смит, чтобы посмотреть, кто пришел. Сириус и забыл, что Брюс его тут ждет. Он опять потянул Кэтлин вперед, чтобы поприветствовать приятеля.

— Она позволила тебе остаться? Я *очень* рад тебя видеть!

— Ваш пес как две капли воды похож на Лео! — сказала Кэтлин.

Мисс Смит посмотрела на нее несколько виноватым взглядом.

— Вообще-то он не мой. На его ошейнике написано, что его зовут Брюс, и он, кажется, живет в тех домах у реки. Он пришел сегодня утром, когда я еще не встала, и стал умолять меня позволить ему остаться. Я думаю, у него на это есть причины. Похоже, они с твоим Лео друзья.

— Должно быть, — согласилась Кэтлин, глядя, как два пса машут хвостами.

Скоро они все четверо сидели в гостиной мисс Смит, Брюс и Сириус получили по косточке, а Кэтлин — чашку крепкого сладкого чая.

— А теперь, — сказала мисс Смит, — что натворил твой Лео? Или вы оба?

Кэтлин заплакала.

— Мы оба. Я взяла швабру и расколотила все горшки миссис Дафффильд...

— Горшки миссис Дафффильд? — сказала мисс Смит. — Ты имеешь в виду тот ужасный магазинчик на Мед-Бэнк? Тогда я тебя поздравляю. Это самые уродливые вещи в городе. Их следовало бы объявить вне закона. А потом что?

— Даффи ударила меня шваброй, и Лео ее укусил, — с отчаянием сказала Кэтлин.

— Хороший пес! — сказала мисс Смит, наклонилась и так сердечно похлопала Сириуса по спине, что у него ребра загудели, и он чуть не проглотил целиком свою кость. — Что толку в собаке, которая не защищает хозяина? — добавила она.

— Да, но Даффи собиралась его усыпить, — сказала Кэтлин. — Поэтому нам пришлось убежать.

— Понятно, — сказала мисс Смит. — Но ты очень многого не рассказала мне, дорогая. Ни ты, ни Сириус не кажутся мне склонными бить горшки или кусать людей без серьезной причины.

— Нет, — сказала Кэтлин. — Я хочу сказать, я всегда хотела их перебить, потому что я тоже считала их уродливыми, и я уверена, что Лео хотел укусить Даффи всю свою жизнь, только... — Она глубоко вздохнула и очень быстро заговорила. Чашка чая дрожала у нее в руках, в чай катились слезы, пока мисс Смит твердым движением не забрала чашку у девочки из рук. Кэтлин рассказала мисс Смит, что ее отца убили, и что сказала Даффи. Потом она начала говорить о том, что не могла рассказать даже Лео. — Я не могу *говорить* о событиях, пока они происходят, — призналась она. — Это только ухудшает положение. — Кэтлин рассказала мисс Смит, как она тосковала по дому, и как ей было горько и одиноко, когда она приехала в Англию и поселилась у Дафффильдов, и как никто, кроме Робина, ее не любил, и как Даффи не хотела держать ее в доме и жаловалась, что тратит на нее деньги.

Кэтлин говорила слишком быстро, чтобы Брюс мог ее понять. Он понял только одно, и это его потрясло.

— Ты действительно кого-то укусил? — спросил он Сириуса.

— Да, — сказал Сириус, — за то, что она ужасно обращалась с Кэт-

лин. А ты разве не поступил бы так же? Что бы ты сделал, если бы кто-нибудь начал бить твоего хозяина?

— Это бы меня ужасно обеспокоило, — сказал Брюс. — Но моего хозяина все любят, так что я не думаю, что это случится.

— Кэтлин тоже все должны любить, — сказал Сириус. — Ей просто не повезло.

Мисс Смит, похоже, была с ним согласна. Она все время качала головой, когда Кэтлин рассказывала ей, как сердилась Даффи, когда она принесла домой почти утонувшего щенка, и как она согласилась делать всю домашнюю работу, если Даффи позволит ей оставить Лео вместо подарка на день рождения.

— И она всегда его ненавидела, — сказала Кэтлин. — Но я думаю, это было справедливо, потому что от собак действительно бывает беспорядок. Но она меня все бранит и бранит. А я не всегда все запоминаю, а потом она говорит, что усыпит Лео. А я пересушила индюшку на Рождество, потому что никогда еще индюшку не готовила. Потом Лео подцепил блох, и мне пришлось делать генеральную уборку. Это была ужасно тяжелая работа, и когда я пришла в школу, я так устала, что не могла думать, и, конечно, мальчишки сказали, что у меня нет мозгов, потому что я ирландка. И они каждый день гонялись за мной и обзывались, пока Лео их не прогнал. Только из этого не получилось ничего хорошего, потому что они нажаловались в полицию и сказали, что Лео — злобная тварь, и Даффи сказала, что я специально выпустила его со двора.

— Мне все это кажется совершенно несправедливым, — сказала мисс Смит. — А мистер Даффильд существует? Что он думает?

— Да, он очень добр, — сказала Кэтлин. — Но он ничего не замечает, если только что-то ему не мешает.

— Понятно, — сказала мисс Смит.

Кэтлин внезапно смутилась.

— Мне не следовало жаловаться вам, мисс Смит. Вас это все не касается. Я для вас совершенно незнакомый человек.

— Ерунда! — сказала мисс Смит. — Сириус молодец, что привел тебя сюда. Жаль, что он не сделал этого раньше. Теперь надо подумать, что тут можно сделать. — Какое-то время она думала. Не было ни звука, кроме громкого тиканья часов, которые шли только лежа циферблатом вниз, и хруста, с которым Брюс приканчивал свою кость. Кэтлин встревоженно посмотрела на суровое старое лицо мисс Смит, взяла свою чашку и притворилась, что пьет холодный чай.

— Настоящая проблема, — сказала вдруг мисс Смит, — это твой Лео.

Видишь ли, на него уже кто-то жаловался. Не то чтобы я его виню. К счастью, у меня учился мэр города, и инспектор Плам, и этот суперинтендант Хигг — каким же он был противным мальчишкой — так что кое-что я сделать могу. Но с тобой, Кэтлин, все гораздо проще. Ты больше ни на секунду не останешься у Даффильдов. Мне следует позаботиться об этом сейчас же, прежде чем эта миссис Даффильд начнет жаловаться всем вокруг на свои перебитые горшки. Ты сейчас тихо посидишь тут у меня...

— Ой, я не могу этого сделать! — сказала Кэтлин.

— Нет, можешь, — сердито сказала мисс Смит. — Я очень одинока с тех пор, как умерла моя Лапочка, и с самого выхода не чувствовала себя настолько полезной. Я буду рада взять тебя к себе. Так вот, я хотела сказать, что если мы с тобой сможем ужиться — а может, и не сможем, потому что я очень независимый и своенравный человек, вот увидишь — тогда, возможно, ты захочешь остаться здесь навсегда. Хочешь попробовать?

Кэтлин поставила холодный чай на стол и, казалось, была готова опять расплакаться.

— Ох, правда можно? А Лео?

— И Лео, конечно же, — сказала мисс Смит.

Глава 14

После обеда мисс Смит писала письма, а Кэтлин отдыхала на свободной кровати. Сириусу, который смотрел на стремительно летавшее по бумаге перо и растущую кучу конвертов, казалось, что у мисс Смит в свое время учились все важные люди в городе, от члена парламента до ответственного за благотворительность. Сириус подумал, что ей, похоже, нравится писать эти письма. Потом в гостиную вышла повеселевшая Кэтлин. Она с удовольствием вымыла у мисс Смит пол на кухне и подала чай с печеньем в чайном сервизе с золотыми каемками.

— Я не просила тебя здесь делать *мою* работу по дому! — сердито повторяла мисс Смит, не отрываясь от писем.

— Но мне это нравится, потому что вы такая милая, — отвечала Кэтлин.

Сириус и Брюс изрядно наследили на мокром полу. Они договорились, что уйдут сразу же, как только мисс Смит и Кэтлин лягут спать. Потом они вдруг обнаружили, что носятся, как щенки, туда-обратно по траве и заросшим клумбам, яростно вырывая друг у друга полосатый чулок, должно быть, некогда принадлежавший мисс Смит. Разорвав чулок на куски, они вернулись в дом и съели пирожные с кремом. После этого они улеглись вздремнуть, пока мисс Смит дописывала свои письма, а Кэтлин устроилась в кресле с книгой — у мисс Смит было множество книг.

Только отправив все письма, мисс Смит позвонила Даффильдам. Услышав в трубке голос Даффи, Сириус ошетинился.

— Кэтлин и ее пес у меня, — сказала мисс Смит. — Моя фамилия Смит. — Затем, после паузы, наполненной холодными, резкими словами из телефона, она добавила: — Моя добрая женщина, жалуйста кому хотите. Я не намерена больше вас слушать. — Она швырнула трубку на рычаг и с воинственным видом вернулась в кресло.

— Вы не назвали своего адреса, — сказала Кэтлин.

Мисс Смит усмехнулась.

— Это самое большое преимущество фамилии Смит. Им понадобится несколько дней, чтобы выяснить, *какая* именно Смит им звонила. Я не хочу, чтобы эта женщина нас беспокоила, пока мы не уладим наши дела.

Тем не менее самый мирный вечер, какой когда-либо был у Сириуса, был испорчен телефонным звонком. Когда мисс Смит ответила, Сириус услышал в трубке мальчишеский голос и насторожил уши.

— Понятия не имею, о чем вы говорите, — сказала мисс Смит. — Кто такой Шеймус? — Высокий голос поправился. — Или Лео, — сказала мисс Смит. — Пес? О Господи, у меня здесь не зоомагазин!

Она положила трубку.

— Один из твоих Даффильдов, кажется, пытается тебя найти, — сказала она Кэтлин. — Судя по голосу, очень маленький.

— Робин! — воскликнула Кэтлин. — О Боже, я не подумала! Робин, должно быть, ужасно по нам скучает.

— Он сможет приходить к тебе в гости, когда мы со всем разберемся, — сказала мисс Смит.

После всех этих писем мисс Смит устала. Она рано легла спать, велев Кэтлин запереть дверь и выключить свет, когда она дочитает книгу. Кэтлин, казалось, погрузилась в чтение. Но, как только мисс Смит ушла наверх, девочка тихонько отложила книгу в сторону и села, уставившись прямо перед собой. Через некоторое время у нее по лицу потекли слезы.

— Мне не следовало разбивать горшки Даффи, — в отчаянии сказала она Сириусу. — Я это сделала, потому что моего папу застрелили. А вовсе не из-за того, что сказала Даффи. Я тебе говорила, какая в голове путаница, когда грустишь.

Сириус подошел к Кэтлин, сел рядом и прижался к ее ногам, пытаясь ее утешить. Девочка благодарно ухватилась за его ошейник, но плакать не перестала. Через час Сириус встревожился. До восхода луны оставалось недолго. Он нашел Кэтлин дом и друга. Но он явно по-прежнему был ей нужен. Сириус подумал, а сможет ли он вообще уйти.

Брюс нетерпеливо бродил по комнате. Потом он подошел к двери, открыл ее носом и многозначительно посмотрел на Сириуса.

— Иди, — сказал Сириус. — Встретимся у кустов бузины, если я смогу уйти.

— Правда? — спросил Брюс. — Я не хочу пропустить эту охоту, но...

— Давай, иди, — сказал Сириус. — Ты можешь оказать мне услугу, если я не приду. Когда охота закончится, попроси у ее Хозяина штуку

под названием Зоаи. Если он отдаст ее тебе, принеси ее мне.

— Зоаи, — повторил Брюс. — Ладно. Увидимся.

Он тихонько пробежал через коридор и кухню. Собачья дверь хлопнула. Кэтлин не обратила на это внимания. Она по-прежнему сидела, запустив руку в ошейник Сириуса, и плакала. На Сириуса напала новая тревога. Его, должно быть, ищет его Спутница. Она вот-вот выяснит, что у Даффильдов его нет, начнет обыскивать весь город, и ему придется в одиночку бежать на пустырь. Спутница его легко найдет, и Земля на этот раз, возможно, не сможет ему помочь.

Брюса не было уже почти час, когда кто-то позвонил в дверь мисс Смит.

Кэтлин подпрыгнула.

— О Лео, а что, если это Даффи! Мне открывать?

Сириус встал и тихо подошел к входной двери. Он осторожно приоткрылся к щели под дверью. Это была не Даффи. Он потрогал дверь лапой и заскулил, чтобы показать Кэтлин, что ей стоит открыть.

— Ну, если ты так думаешь... — Кэтлин с сомнением открыла дверь всего на дюйм или около того.

Робин распахнул дверь во всю ширину и бросился к ним обоим, одновременно дрожа, плача и радуясь.

— Я *знал*, что вы тут! Из всех Смит только она одна не сказала мне, что я не туда попал. Кэтлин, пожалуйста, скажи, что мне можно остаться с тобой! Я хочу быть с тобой и Шеймусом. Дома с одним только Бэзилем просто ужасно.

— Тише! — сказала Кэтлин. — Мисс Смит спит. Иди погрейся. Ты замерз.

Она провела Робина в гостиную. Он бросился в кресло, которое больше подходило для собак, и расплакался.

— Это было ужасно! — сказал он. — Они так рассердились. А нам с Бэзилем в конце концов пришлось готовить ужин, только мы все сожгли. А Бэзил из-за этого жутко поругался с мамой и умчался искать Ископаемые. А когда он не вернулся...

— Не вернулся? — спросила Кэтлин.

— Нет, — всхлипнул Робин. — Он им сказал, что уходит навсегда. Я думаю, на самом деле потому, что мама собирается усыпить Кры... то есть Шеймуса, но они оба притворялись, что это из-за ужина. А потом папа с мамой тоже поругались, и папа опять позвонил в полицию, так что мне пришлось сто лет ждать, пока я не смог уйти. Пожалуйста, позволь мне остаться тут, Кэтлин.

— Ты можешь остаться, пока не согреешься, — сказала Кэтлин. — А потом я отведу тебя обратно. Так надо, — сказала она, когда Робин громко расплакался. — Они с ума сойдут от тревоги, если ты тоже пропадешь. Но злятся они на меня. Я объясню насчет тебя дяде Гарри и останусь, если хочешь. Я знала, что остаться у мисс Смит — слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Сириус вздохнул, слушая, как Кэтлин успокаивает Робина. В этом была вся Кэтлин. Она сейчас испортит все планы мисс Смит и его собственные и вернется мучиться к Даффильдам — только потому, что Робин расстроился. Но по крайней мере она была так занята Робинем, что, казалось, Сириус ей больше не нужен. Он подумал, что может уйти. Он уже встал и пошел к двери, когда дверной звонок снова залился сердитой пронзительной трелью.

Робин схватил Кэтлин за руку.

— Это папа?

— Я посмотрю. — Кэтлин расправила плечи и подошла к двери. Сириус пошел за ней. Если это Даффи, возможно, ему придется еще раз ее укусить.

Но это был Бэзил. Он стоял на ступеньках и довольно сердито смотрел на Кэтлин.

— Я увидел Робина и проследил за ним, — зло сказал он. — Чего ты хотела добиться, когда позволила ему укусить маму? — Прежде чем Сириус успел подумать, кто кого покусал, Бэзил пролетел мимо Кэтлин и показал, что он имеет в виду Сириуса, обняв его изо всех сил. — Старый противный Крыс! — сказал мальчик, пряча лицо у Сириуса в шерсти. — Она теперь больше не пустит тебя в дом.

Робин вышел в коридор.

— Как *он* сюда попал? — не приветливо спросил он.

— Тише! — сказала Кэтлин, захлопывая входную дверь и встревоженно глядя на лестницу. — Бедная мисс Смит так устала. Пойдемте в гостиную, все.

Сириус понял, что этой ночью ему вряд ли удастся уйти. Бэзил, не выпуская его, плюхнулся в кресло, из которого только что поднялся Робин, и зажал Сириуса между коленями. Сириус понял, что рад видеть Бэзила. И энергично завил хвостом.

— Я думал, что видел тебя, Крыс, — сказал Бэзил. — На пустыре у реки. Там был пес, лаявший на мужчину и женщину, таких странных типов, вроде как подсвеченных по краям, мужчина синим, а женщина — вроде как белым. Я подумал, может, это ты лаешь, и близко подошел к

ним. А они увидели меня и убежали, а потом я увидел, что это не ты, а пес, как две капли воды похожий на тебя.

— Это, должно быть, был Брюс, — сказала Кэтлин. Сириус тоже так подумал. Очевидно, Новый Сириус и его Спутница тоже перепутали его с Брюсом, как и Бэзил. Сириус надеялся, что с Брюсом все в порядке.

— Но, Бэзил, — сказала Кэтлин, — о чем ты думал, вот так уходя из дома?

Бэзил был мрачен.

— Я был в полной ярости. Я собирался целую ночь не возвращаться домой и как следует напугать родителей. Я читал сотни книг, где люди не ложатся целую ночь. Только, — обиженно сказал он, — ни в одной из них не сказано, как это скучно. И еще там говорится, что ты устаешь — но ты не устаешь. Просто тошнит и хочется есть, и где-нибудь посидеть, а все кафе закрываются. Так что я пошел домой, но увидел, как Робин выходит из дому, и пошел за ним следом. Кэтлин, у тебя есть что-нибудь поесть?

Бэзил выглядел таким несчастным, что Кэтлин пробралась к мисс Смит на кухню, вскипятила чай и намазала маслом немного оставшегося печенья. Сириус мрачно ходил рядом с ней, тревожился за Брюса и был уверен, что упустил шанс найти Зоаи. У него не было моральных сил съесть печенье, которое ему дала Кэтлин. Он лежал в гостиной, положив печенье между лап, и слушал, как дети едят, пьют и разговаривают. Было ясно, что Кэтлин собирается вернуться к Даффилдам. Робин хотел, чтобы она вернулась. Бэзил просто считал, что она вернется. Сириус вздохнул.

Настало внезапное молчание. Через некоторое время Сириус поднял взгляд, чтобы посмотреть, почему. К его удивлению, все трое уснули, Бэзил в кресле собачьей формы, и Робин с Кэтлин — забившись вдвоем в поношенное кресло напротив. В комнате слышалось только дыхание детей и громкое тиканье чудаковатых часов мисс Смит. Сириус понял, что ему наконец-то повезло. Он встал и подкрался к собачьей двери. Она захлопнулась за ним, и он помчался через сад.

К его облегчению, Луна еще не поднялась. Но он чувствовал, что она рядом, совсем под горизонтом. Он галопом понесся к пустырю, в спешке позабыв о Спутнице и Новом Сириусе.

Пустырь был темен и тих, но оттуда, где, словно искалеченные чудовища, стояли бульдозеры, ветер донес слабый запах озона и жасмина. Совсем слабый. Тем не менее Сириус согнул лапы, пригнулся и начал красться, как большая белая кошка, пока не добрался до зарослей крапи-

вы. До него донесся резкий запах бузины. Среди молодой листвы мерцала белая шкура. Брюс ждал его.

— Привет, — осторожно сказал Сириус.

— Привет-привет-привет! — Белая шкура зашевелилась, и ветви раздвинулись сразу в нескольких местах. Брюс помчался ему навстречу, и вслед за ним из зарослей выскочили другие белые собаки с рыжими ушами — целая компания собак, и все бегали вокруг него и говорили «Привет». Сириус потерял носами с Пиратом, с Рыжеухим, с самим Брюсом и с Пятнашкой. Поскольку Пират был с Пятнашкой, она была спокойнее и дружелюбнее всех.

— Что вы все тут делаете? — спросил Сириус, бегая кругами вместе с остальными.

— Брюс говорит, что будет охота, — сказал Рыжеухий. — Как весело, как весело, как весело!

— Я открыл им калитки, — сказал Брюс. — За мной погнались какие-то странные люди, и мне стало грустно и одиноко. Я надеюсь, ты не против.

— Вовсе нет, — сказал Сириус, которому все еще трудно было этому поверить.

Луна мягко поднялась над домами.

Пустырь вдруг неузнаваемо изменился. Он превратился в зачарованную сеть синих теней и белых листьев, и кучи щебня на нем напоминали каких-то старых, покрытых корой существ. Казалось, они в любой момент могут проснуться, потянуться и почесаться там, где их щекочат листья. Каждое живое существо казалось в десять раз живее. Пятнашка чихнула, Пират зарычал. Через пустырь донеслись запахи — озоново-жасминовый и зеленый, такие же сильные, как запах бузины, и почти заглушили плоский белый запах Луны. По пустырю шли две фигуры — большая и маленькая. Свет Луны встретился и столкнулся с синезеленым ореолом мужчины и жемчужно-белым ореолом женщины, так что они мигнули и вытянулись, как пламя свечи.

— Бегайте кругами, не останавливаясь! — отчаянно сказал Сириус.

Остальные собаки послушались, весьма озадаченные.

— Что, уже началась охота? — спросил Рыжеухий.

— Вроде того, — ответил Сириус, бегая вокруг него и вокруг Пятнашки. Две фигуры остановились, но вряд ли ему удастся надолго сбить их с толку. Теперь, когда взошла Луна, Сириус увидел, что он не совсем похож на братьев и сестру. Они с Брюсом и правда очень походили друг на друга, с длинными ногами и узкими телами, но Пират и Рыжеухий

были более кряжистого лабрадорского сложения, и Пират был явно полнее остальных. Пятнашка была чем-то средним, с узким телом, как у Брюса, но с более короткими лапами. Сириус знал, что его Спутница легко отличит его от остальных, просто посмотрев ему в глаза.

— Один из них — наверняка он, — сказал Новый Сириус.

— Не трать больше времени, — ответила Спутница. — Я чувствую, что Зоаи близко. Ты бы лучше убил их всех.

Новый Сириус поднял руку, в которой мерцали сине-голубые лучи. В ту же секунду почувствовалось яростное свежее покальвание Зоаи. Из ничего появилась огромная неясная тень. Это мог быть человек на лошади или что-то еще. Что бы это ни было, Новый Сириус и Спутница были прямо у него на пути. Новый Сириус повернулся и нанес удар по этой тени. По крайней мере, Сириусу так показалось. Сине-зеленый свет вспыхнул и исчез, поглощенный тенью. Затем огромная тень отшвырнула и Нового Сириуса, и Спутницу в сторону и продолжила свой путь.

Сириус был изумлен. Ни одно существо, ни одно дитя Земли не могло бы запросто отшвырнуть в сторону двух светил. Но думать об этом времени не было. Из беззвучной фанфары вылетел звук, который не был звуком. «Следуйте за мной, следуйте за мной, следуйте за мной!» Звук заполнил мозг Сириуса, он звенел даже сильнее и яростнее, чем покальвающая, брызжущая жизнь Зоаи. Охота началась.

Сверкающие, мерцающие, морозные, холодные собаки толпой выбежали на пустырь. Кругом были мерцающие глаза, блестящие шкуры и дикий стук лап — сотни собак помчались следом за неясной тенью.

— Пошли! — сказал Брюс.

Неуверенные в том, что они делают — следуют или преследуют — пять теплых собак влетели в толпу холодных. Охота захватила их и понесла через пустырь. Через мгновение они сломя голову неслись по ближайшей дороге, которая вела к реке. Сириус предположил, что Новый Сириус и его Спутница, должно быть, следуют за ними, но у него не было времени об этом думать.

В конце улицы, у реки, беззвучный звук раздался снова и снова. «Следуйте за мной, следуйте за мной!» Темная тень и преследующие ее белые собаки повернули вверх по течению и помчались по глинистому берегу. Сириус и Брюс, будучи наиболее легко сложенными из пятерых, пробрались в середину стаи и бежали там, окруженные холодными тяжело дышащими телами, каждое из которых излучало жалящее покальвание — значит, они все побывали рядом с Зоаи.

Но Сириус почти забыл о Зоаи. Он был просто рад, что собаки холодные. Ему было жарче, чем когда-либо в жизни. И странный властный зов продолжал звенеть у него в ушах, веля ему *следовать, следовать, следовать* и ни о чем больше не думать.

Он мчался бездумно, задыхаясь и толкаясь, по берегу и через темную сортировочную станцию, через железнодорожные пути и через сваленные в кучу старые спальные вагоны. За железнодорожными ангарами они помчались вдоль железной ограды. Сквозь нее Сириус заметил старый, заросший травой мост через реку. Их добыча уже летела через мост, собаки наступали ей на пятки. Она была похожа на огромного черного зверя с ветвистыми рогами. Сириус захотелось торжественно залаять. Но холодные псы мчались молча, и он не осмелился шуметь.

В следующую секунду та же неясная тень — определенно та же: он знал, что она одна — оказалась рядом с ним, прямо рядом с несущейся, борющейся стаей, и приказала им пересечь мост. «Следуйте за мной, следуйте за мной, следуйте за мной!» — гремел настойчивый звон. И Сириус, хотя он неистово преследовал черного зверя, внезапно испугался того, что зверь будет пойман. И все же он помчался через старый мост и ринулся бежать среди домов на другом берегу.

Дома кончились, они оказались в открытой местности. И тут Сириус обнаружил, что до этого была просто разминка. В полях они понеслись еще безумнее. Они мчались по прорастающим посевам с белой Луной над ними, и под ними мерцали их черные лунные тени. Они текли вокруг темных зарослей, где над ними порхали летучие мыши и кружили совы. Они перепрыгивали через заборы, продирались через живые изгороди, прыгали в канавы и выбирались из канав, не обращая внимания ни на что, кроме все того же беззвучного звука, звавшего их бежать, бежать, бежать следом за неясной тенью. Иногда звук неясно и властно доносился откуда-то спереди. Иногда он звучал совсем рядом с ними. Сириус бежал, как одурманенный. Один или два раза, в начале охоты, он чувствовал легкий запах озона и жасмина. Но этот запах быстро исчез, а Сириус почти не замечал ничего вокруг. Он пытался понять, бегут ли они вместе со своей добычей или вслед за ней.

Дурман сильнее захлестнул Сириуса. Он не понимал, чего хочет. Их добыча бежала, делала петли и вздвойки, в отчаянии мчалась вокруг черной рощи деревьев, и они почти потеряли ее. Сириус вместе со всеми остальными собаками изо всех сил мчался следом, боясь, что они потеряли ее навсегда. И в то же время он был счастлив, что добыча убежала.

Нужный запах нашел Брюс.

— Вот! Сюда! О, я надеюсь, что мы его не поймаем! — И он повел охоту по серебристой вершине холма, разгоряченный преследованием зверя, жаждущий его крови и безумно желающий, чтобы зверь спасся.

Неясный зверь еще несколько раз убежал от них. Каждый раз они находили его все быстрее, все безумнее, и каждый раз Сириус все сильнее надеялся, что зверь спасется. Миля за милей, и его мысли все больше путались. Он хотел остановиться и подумать, но не мог, потому что каждый раз, когда он задерживался, сама неясная тень стремительно пронеслась через бесшумную толпу собак, и беззвучный звук кричал «следуй за мной, следуй за мной!» Приходилось следовать за ним. Сириус начал ненавидеть этот звук с каким-то нежным ужасом.

И наконец, в середине поля, за много миль от чего угодно, они поймали и настигли его. Это была безумная куча белых тел и сражающейся черной тени, и Сириус бегал вокруг, ожесточенный печалью и возбужденный триумфом. Куча превратилась в плоскую кляксу толпящихся собак, рвущих и тянущих что-то. Беззвучный звук опять раздался снизу, но на этот раз он говорил: «Убит, убит, убит!»

Странный холодный кусок мяса оказался перед Сириусом — он не знал, как. Он яростно набросился на него и виновато съел. Рядом с ним Брюс, Рыжеухий и Йефф рычали и рвали свои куски мяса. Потом, когда все было съедено до кусочка, они все легли на землю, холодные и задыхающиеся, под опускающейся Луной, потому что что-то приказало им отдыхать. Сириус никогда в жизни не чувствовал себя таким несчастным и таким торжествующим.

— Что все это значит? — спросил он у Луны.

— Тише, — сказала Луна. — Увидишь.

Внезапно они снова оказались на ногах. Первой поднялась огромная неясная тень. Она полетела обратно через поле, призывая их *следовать, следовать* за ней. Сириус увидел, хотя и не понял, что Хозяин и добыча — действительно одно и то же. Он знал, что они только что его съели, и все же вот он, и они преследуют его, и холодные собаки и теплые. Сириус помчался за неясной тенью, пытаясь увидеть, что это за существо. Он не мог ничего разглядеть, но почему-то больше не удивлялся тому, что Земля приложила столько сил, чтобы помочь этому существу. Сириус обнаружил, что и сам хочет помочь ему. Совсем не беззвучный зов заставлял так быстро мчаться, а необыкновенное, яростное сочувствие.

Охота мчалась обратно к городу. Тем временем в доме мисс Смит проснулась Кэтлин. Во сне она слышала, как хлопнула собачья дверь,

как щелкнула и закрипела калитка, когда Сириус ушел, и ждала, когда те же звуки послышатся в обратном порядке, то есть Лео вернется. Не услышав этого, она проснулась.

— Робин! Я думаю, Лео убежал!

Робин и Бэзил подскочили и оглядели незнакомую комнату мисс Смит, недоумевая, почему они здесь, а не в своих спальнях.

— Он не мог! — сонно сказал Робин, а Бэзил, пытаясь размять затекшую шею, спросил: — Зачем бы ему убежать?

— Потому что он услышал, что я возвращаюсь домой с вами, — нетерпеливо объяснила Кэтлин. — Он подумал, что его уничтожат.

Робин принял это без вопросов и поднялся из кресла.

— Нам бы надо пойти его поискать.

— Но он не понимает таких вещей! — сердито сказал Бэзил. Он хотел снова уснуть.

— Понимает, — заверила его Кэтлин. — Он знал, что собирается сделать Даффи, когда он ее укусил. И когда мне пришлось сказать Даффи, что я сама собираюсь отвести его к ветеринару, он не двинулся, пока я ему не сказала, что не собираюсь этого делать.

Бэзил ей поверил. Вообще-то он в любом случае знал, что Крыс — необыкновенный пес. Но он все еще хотел спать.

— И где его теперь искать? — с презрением спросил он.

— Я думаю, он ушел с Брюсом, — сказала Кэтлин. — Ты видел Брюса сегодня вечером, Бэзил. Отведи нас туда.

Несмотря на ворчание Бэзила, она взяла ручку мисс Смит и написала ей записку, чтобы она не беспокоилась. *Бэзил, Робин и я пошли за Лео и Брюсом к реке. С любовью, Кэтлин.*

Пока она это писала, Робин сонно оглядел все комнаты в доме мисс Смит, просто чтобы убедиться, что Шеймус не спит в кровати или где-нибудь еще. Но его нигде не было. Так что они тихонько вышли из дома.

Они все трое только наполовину проснулись. Им казалось, что они все делают во сне. Даже ночного холода они не заметили, а глухое эхо их шагов только усиливало ощущение сна, как и пустые магазины, заходящая желтая Луна и двойные, а иногда и тройные тени, которые они отбрасывали в свете луны и уличных фонарей.

Когда под ногами закрипел пепел, а все фонари исчезли, и осталась только Луна, они это восприняли как новый сон. Никто из них не встревожился при виде мужчины и женщины, спрятавшихся при их появлении за кучу щебня. И они совсем не удивились, увидев бирюзовый ореол вокруг мужчины и белый — вокруг женщины, потому что во сне и не то

можно увидеть.

— Это те самые люди, на которых лаял пес, — заметил Бэзил. — Чуть подальше, в зарослях. Я вам сейчас покажу.

Он повел Кэтлина и Робина за кучу щебня. Сорняки цеплялись за ноги. Дети спотыкались о кирпичи и почти не замечали, что их жалит крапива, потому что все по-прежнему казалось им сном.

И уж тем более им показалось сном, когда на них понеслась Дикая Охота. Дети услышали яростный морозный топот и обернулись. Огромная темная тень, мчавшаяся впереди, приближалась к ним. Они поскорее отскочили с ее пути. Но не успели они испугаться, как за тенью помчались сияющие белые собаки, все больше и больше, быстрее и быстрее. Дети смотрели на этот белый живой поток, ошеломленные и очарованные.

— Кажется, нам не повезло, — неуверенно заметил Робин.

— Там *Лео!* — завизжала Кэтлин.

— Где? — сказал Бэзил.

— Там! Там! — сказала Кэтлин и шагнула вперед, прямо в мчащуюся толпу собак. Псы просто расступились, не останавливаясь, холодные и быстрые, как пенящаяся река. Но Кэтлин увидела, как мимо нее пробежал пес в ошейнике, и ухитрилась схватиться за него. Брюс побежал дальше, таща за собой Кэтлин.

— Это не Крыс, — пренебрежительно сказал Бэзил.

Невероятный живой поток начал иссякать. Собак стало меньше, они двигались медленнее. Рыжеухий и Пятнашка, тяжело дыша, пробежали мимо, грязные, с стертыми лапами, не падавшие только потому, что неслышный звук по-прежнему звенел у них в головах. Робин схватил Пятнашку за ошейник.

— Хватайся! — сказал он Бэзилу. — Мы найдем Шеймуса, когда они остановятся.

Пират прибежал последним, хромя, в изнеможении. Бэзил схватился за ошейник Пирата и побежал с ним за остальными. Вероятно, если не Бэзил, Пират не добежал бы последних нескольких ярдов. Но он это сделал и вместе с Бэзилом шагнул в ничто.

Глава 15

Подземный мир — если это был он — показался Сириусу прохладным темным местом. На холодной, мягкой и и ярко-зеленой, как мох, поверхности его стертых лапам сразу стало легче.

Он слишком устал, чтобы осматриваться или хотя бы составлять планы. Как все остальные собаки, он просто бросился на мягкую зеленую почву и собрался заснуть.

Почти сразу же его нюющее тело загорелось и зашипало, как бывает, когда в онемевшей конечности восстанавливается кровообращение. Секунду-другую Сириус думал, что это какое-то полезное свойство зеленого вещества. Потом он узнал Зоаи, очень сильное и очень близкое. Близость Зоаи придала Сириусу столько сил, что он зашевелился и поднял голову.

Пес рядом с ним зарычал.

— Теплый! Вот этот — теплый!

Вокруг Сириуса поднялись усталые собачьи головы. Свет, казалось, исходил от мшистой зеленой почвы. В этом свете каждый пес напоминал злобную белую гаргулью с окровавленными ушами и светящимися глазами.

— На нем ошейник, — сказал один. — Это грязный самозванец!

Сириус узнал Йеффа.

— Йефф, — сказал он, — ты мне сказал, что мне можно будет бегать с вами.

— Я тебе ничего подобного не говорил, ублюдок! — рявкнул Йефф, поднимаясь на лапы. — Идите сюда все. Убейте его!

Усталые, медленные и сердитые, собаки вокруг Сириуса тоже тяжело поднялись на лапы, рыча и огрызаясь. Сириус встал и изо всех сил зарычал в ответ. Когда они двинулись к нему, он услышал рычание и визг там, где обнаружили Брюса, а потом Пятнашку. Пират где-то вдалеке во

всю глотку вопил «Спасите, спасите, спасите!» Шум нарастал. Сириусу показалось, что он слышал в этом шуме человеческий визг, но он был слишком занят попытками самозащиты. Йефф держал его за ухо, а еще один пес пытался схватить его за горло.

Рядом прозвучал голос.

— Что тут происходит? — устало спросил он. Это был темный голос, плоский, как потрескавшийся колокол, глубокий и мрачный, как звук ветра в пустом углу. Он не казался громким. Но тем не менее шум сразу же стих. Собаки вокруг Сириуса, испуганные и пристыженные, расплылись в стороны.

— Ложитесь, все вы, — сказал Хозяин Дикой Охоты, — и спите.

Сириус был потрясен мощью этого приказа. Все существа вокруг него, и рядом и вдалеке, сразу же легли и уснули. Сириус и сам чуть не уснул. Он устал, как собака. Он сумел воспротивиться приказу, только обратившись ко всей доступной ему мощи его зеленой сущности. Дрожа, медленно, подошел он по мягкой поверхности к Хозяину Дикой Охоты. Он был уверен, что не смог бы сделать ни шага, если бы в него не вливалось силы находившееся где-то поблизости Зоаи.

— Что ты такое? — спросил плоский глухой голос.

Когда Хозяин заговорил, его приказ спать вроде бы перестал действовать на Сириуса. Сириус прошел среди холодных спящих собак и оказался перед их Хозяином. Теперь неясная фигура казалась человекообразной. По крайней мере, Сириус видел две темных ноги, стоявших на мерцающем мху. Все остальное было трудно разглядеть, потому что свет шел только от земли, но Сириус посмотрел вверх и заметил красноватый отблеск круглых светлых глаз. Но когда Сириус заглянул в эти глаза, поднялась темная рука и закрыла их.

— Что ты такое? — повторил глухой голос.

Сириус понимал, что стоит перед силой, не уступавшей любой силе из тех, какие он только знал. Он не мог понять, как у Земли появилось такое дитя, как Хозяин Дикой Охоты, и почему Хозяин должен прятать глаза. Сириус почувствовал мощное уважение и ту яростную жалость, которая нахлынула на него по пути в город.

— Я некогда был звездой, — сказал Сириус. — И мне нужно поговорить с тобой.

— Я не уверен, что мне нужно говорить с тобой, — ответил Хозяин. — Звезды берут силу из света. Моя сила приходит из тьмы. Мы можем только повредить друг другу.

— Но я бежал с твоими собаками, чтобы поговорить с тобой, — сказал

Сириус. — Не думаю, что ты можешь отказать мне.

— Нет, — ответил Хозяин. — Не могу. Но...

— Поговори с ним, — неожиданно прошептала Земля из-под зеленого мха. — Он знает, как пользоваться Зоаи.

— Вот как? — сказал Хозяин, и в его плоском голосе зазвучала заинтересованность. — Тогда идем со мной, — сказал он Сириусу, развернулся кружащейся тенью и пошел мимо спящих собак. Идя следом за Хозяином по холодному мху, Сириус обнаружил, что свет, исходивший от него, казалось, освещал только маленькое пространство вокруг них. За пределами этого освещенного пространства было совершенно темно, но Хозяин, похоже, мог видеть и в полной темноте. Казалось, что он ищет кого-то среди отдыхающих псов. Сначала Брюс, потом Рыжеухий с Пятнашкой и, наконец, Пират встали и захромали к ним.

— Твои братья и сестра всего лишь обычные собаки, звезда, — сказал Хозяин. — Почему?

— Вообще-то я не знаю, — признался Сириус.

Хозяин остановился как вкопанный.

— А это кто?

— О, — сказала Пятнашка, оглядываясь. — Мертвые люди.

Кэтлин, Робин и Бэзил свернулись на мху и спали. Они лежали так неподвижно, что Сириус подумал было, что Пятнашка права. Он подбежал к Кэтлин и ткнул ее носом. К его облегчению, она была теплая и сонно отодвинулась от холодного носа, ткнувшего в ее лицо.

— Лео, — прошептала она.

— Это твоя хозяйка? — спросил Хозяин.

— Да, это Кэтлин, — сказал Сириус.

— С детьми все будет в порядке, — сказал Хозяин. — Идите сюда все.

Они прошли еще немного, и Сириус начал ощущать присутствие Зоаи как жалеюще-острое. Остальные собаки почувствовали то же самое и недовольно встряхнулись. Тем временем Мастер сел в кресло, которое образовала, поднимаясь, зеленая поверхность. Сириус заметил, что кресло движется вокруг Хозяина, обтекает его тело, чтобы стать как можно удобнее. Около кресла во мху было углубление — нечто вроде загона для красноухой белой собаки и кувыркающей массы морозных белых щенков. Увидев незнакомых псов, собака-мать поднялась на лапы, рычанием и сердитым взглядом предупреждая их не приближаться. Щелки вели себя так же, как лисята. Они попытались с восторженным визгом взобраться по отвесным, покрытым мхом стенкам загона, чтобы с ними

поиграли, и завизжали от досады, когда Хозяин протянул темную руку и подкатил их обратно к матери.

Разглядеть сидящего Хозяина оказалось не легче, чем стоящего. Он был всего лишь вспыхивающим мраком. Из этого мрака на четырех обыкновенных собак, сидевших перед его креслом, смотрели прозрачные печальные глаза.

— Вы бегали с Дикой Охотой, — сказал он им. — Чего вы хотите?

Брюс посмотрел на Сириуса, чтобы понять, хочет ли тот все еще, чтобы он попросил Зоаи, но тут Рыжеухий сказал:

— Нам много не надо. Мы просто хотим быть уверены, что дома нам не попадет.

— Да, мы этого хотим, — согласились Пятнашка и Пират. А Брюс сказал: — Особенно я. Меня уже два дня не было дома.

— Я думаю, что могу это устроить, — сказал Хозяин. В его глухом голосе прозвучал оттенок веселья.

— Спасибо, — поблагодарили его собаки и улеглись рядышком отдыхать. — Ты ведь понимаешь, да? — сказал Брюс Сириусу, прежде чем уснуть.

— Теперь, — сказал Хозяин Сириусу и вытянул руку. Темный палец указал на место во мху примерно в ярде от Сириуса, и оно открылось, как зеленый рот. Словно язык, из этого рта высунулся зеленый бугорок и вытолкнул на поверхность чешуйчатый пурпурно-серый камень примерно в фут длиной. Он выглядел как тлеющий уголек в форме сосновой шишки, только тяжелый — зеленый мох под ним прогнулся.

Сириус никогда раньше не видел, чтобы Зоаи выглядел так, но сразу узнал его и понял, что это, должно быть, форма Зоаи, наиболее подходящая для Земли. Его нос повернулся к Зоаи, как к ветру, хвост напряженно свернулся в кольцо. Сириус медленно подошел к Зоаи, почти не в состоянии поверить, что наконец-то нашел его.

И остановился, обнаружив, что не может подойти к Зоаи ближе, чем на фут. Сириус побежал вокруг Зоаи, чтобы попытаться подойти с другой стороны, но лучше не стало.

— Что ты делаешь? — спросил он Хозяина.

— Оно убило собаку, которая его нашла, — ответил тот. — С тех пор я не позволяю ни одному существу к нему прикасаться. Но я знаю, что в этой штуке заключена огромная сила, поэтому я хранил ее, надеясь, что смогу найти способ ее использовать. Скажи мне, звезда. Что оно такое, это Зоаи?

Сириус сел, повернув нос к вожделенному сухому углю, полному

энергии, и попытался объяснить.

— Если думать о любой силе как о своего рода движении, — сказал он, — то Зоаи состоит из движения, которое стоит за движением. Это вещество самой жизни, это...

— Если оно состоит из движения, — прервал Хозяин, — понятно, почему я не могу им воспользоваться.

Сириус изумился.

— Я думал, что у тебя есть сила. Почему нет?

Хозяин покачал огромной головой. На мгновение Сириусу показалось, что во тьме качнулись огромные ветвистые рога.

— Потому что тьма движением не является, — сказал он мрачно. — Не является движением и другая часть моей силы, исходящая из того, каким должен быть мир. Я сильнее тебя, звезда, но я не могу воспользоваться Зоаи. Оно принадлежит к иному порядку бытия.

— Как же Земля смогла породить тебя? — спросил Сириус.

— Земля содержит в себе семена всего, — сказал Хозяин. — Скажи мне, что может сделать это Зоаи.

— Все, — сказал Сириус. — Точнее, все, что есть движение. Оно может создать или изменить все, что угодно, дать жизнь или забрать ее, переместить что-то на другой конец вселенной и вернуть обратно...

Собака-мать опять зарычала. Сириус оглянулся и увидел, что над краем загона наклонился Робин и жадно глядит на щенков.

— Ой, я хочу одного! — сказал он Бэзилу, стоявшему на коленях рядом с ним.

Бэзил смотрел на Зоаи. Он явно не мог больше ни о чем думать.

— Это тот метеорит, — сказал он. — Я знаю, это он. Разве он не прекрасен?

Кэтлин тоже проснулась. Она сидела во мху, озадаченно наблюдая за Сириусом. Когда он посмотрел на нее, она встала и подошла его погладить.

— Лео, глупый ты пес! Ты совсем вымотался!

Затем она повернулась к Хозяину, чтобы извиниться за то, что пришла в его частные владения за своим псом, и встретилась взглядом с его прозрачными глазами. А потом девочка подняла взгляд к темному пространству над его головой, где, как два темных ветвистых дерева, определенно вздымалась пара огромных рогов.

— Извините, — сказала она. Это было все, что она хотела сказать. Она произнесла это слово почти так же, как тогда, когда отказалась открывать калитку Сириусу.

Хозяин настороженно сказал:

— Не слишком приглядывайся ко мне. У истины нет конкретной формы.

— Я знаю, — сказала Кэтлин довольно нетерпеливо. Но ее глаза по-прежнему смотрели на пространство над головой Хозяина.

— Вы Аравн, да? — сказала она.

Мальчики наконец увидели Хозяина и испугались. У Робина застучали зубы, и он сказал:

— Может, он Орион или Актеон?

— Или Джон Пиль, — сказал Бэзил насмешливо-насмешливо, потому что ужасно перепугался.

Интересно, подумал Сириус, что такого увидели в Хозяине трое детей, чего не увидел я. Похоже, Мастер знал, что они в нем увидели, потому что резко переменял тему разговора.

— Вы все бежали с моими собаками, — сказал он.

— Только совсем чуть-чуть, — сказала Кэтлин быстро и твердо.

— Но это дает вам право одной просьбы, — сказал Хозяин. — Чего вы хотите?

Сириус наострил уши, зная, что можно попросить Зоаи. Кэтлин посмотрела на Хозяина сначала с нетерпением, потом с сомнением. Робин обернулся и в восторге показал на загон, полный кувыркающихся белых щенков.

— Тогда можно мне...

— Я хочу тот метеорит, — громко сказал Бэзил. — Если у нас есть право одной просьбы, то нужно попросить его, потому что *иначе* я никак не могу его получить. А он мне нужен. Так что не будьте эгоистами.

Кэтлин и Робин обменялись тоскливыми взглядами.

— Хорошо.

— Я имел в виду, что у каждого из вас есть право одной просьбы, — сказал Хозяин.

Робин снова пришел в восторг.

— В таком случае, пожалуйста, можно мне одного из этих щенков?

— Конечно. Я отдам тебе щенка, когда ты уйдешь отсюда, — пообещал Хозяин. — Но, — сказал он Бэзилу, — я не думаю, что смогу отдать тебе твой метеорит.

— Почему нет? — сердито спросил Бэзил. — Это несправедливо!

— Если ты отдашь Зоаи мне, — сказал Сириус, в первый раз в жизни радуясь тому, что люди его не понимают, — я смогу за секунду создать для него точно такой же метеорит. Он не заметит разницы.

— Это было бы решение, — согласился Хозяин и обернулся к Кэтлин.
— А чего хочешь ты?

— Лео *действительно* говорит с вами! — воскликнула Кэтлин. — Мне уже раньше показалось, что он с вами разговаривает. И вы его понимаете, да? А я не могу. Я пыталась, и Лео пытался, но у нас не получлось. Вы можете сделать так, чтобы мы поняли друг друга?

— Я его понимаю, потому что мы с ним оба не люди, — сказал Хозяин. Его глухой мрачный голос стал еще более глухим и мрачным. — Если ты этого действительно хочешь, я могу сделать так, чтобы ты и твой пес поняли друг друга, но имей в виду, что ты можешь об этом пожалеть. Этого ли ты хочешь?

— Да, — не задумываясь, сказала Кэтлин.

— Попроси о чем-нибудь другом, — сказал Хозяин.

Кэтлин была озадачена и встревожена.

— Но у меня есть только два невыполнимых желания, и я знаю, что не могу просить вас о втором, — сказала она. — Значит, я не буду просить ни о чем.

Настало короткое молчание. Затем Хозяин сказал:

— Нет. Ты получишь то, о чем просила. Вы все получите то, что хотите, но я думаю, что двое из вас сделали очень неосторожный выбор. Ты действительно хочешь получить Зоаи, звезда?

— Я должен получить его, — сказал Сириус. — Ты не понимаешь — оно наносит вред Солнечной системе.

— Меня очень мало интересует Солнце, — сказал Хозяин. — Так же мало, как я интересую его. Но забирай Зоаи, если хочешь. А пока ты можешь для меня кое-что сделать. — Он наклонился и поднял Зоаи с зеленой моховой подушки. Взгляды Бэзила и Сириуса не отрывались от Зоаи. После слов Хозяина Сириус не удивился, увидев, как в его темных пальцах Зоаи потеряло четкость и уменьшилось. Искрящаяся жизнь в нем полностью остановилась, и наступил какой-то мертвый покой.

— Мне неприятно его держать, — заметил Хозяин. — Подержи его за меня. — К ужасу Сириуса и досаде Бэзила, он передал Зоаи Кэтлин.

— Эй! — сказал Бэзил.

Сириус прыгнул вперед, чтобы попытаться перехватить Зоаи — он был уверен, что оно убьет Кэтлин, как только она к нему прикоснется. Зоаи было тяжелым, Кэтлин невольно опустила руки, и Сириусу почти удалось выхватить его у нее. Но Кэтлин сказала: — Нет, Лео, — и подняла Зоаи так высоко, что Сириус не мог до него дотянуться. Он в тревоге запрыгал вокруг девочки, весьма удивленный тем, что Зоаи не причинило ей вреда.

Бэзил с завистью посмотрел на Кэтлин и встал.

— Он сказал, что я могу его взять.

— Ты его сейчас получишь, — сказал Хозяин. — Кэтлин, как ты думаешь, ты можешь заставить эту штуку работать?

Кэтлин, очень озадаченная, повертела Зоаи в руках и посмотрела на оба его конца. Ей оно, похоже, совсем не повредило. Искрившаяся в нем жизнь, казалось, стала слабее, чем до того, как оно побывало в руках у Хозяина. Сириус решил, что Хозяин Дикой Охоты сумел защитить Кэтлин от воздействия Зоаи.

— Здесь нет никаких выключателей.

— У метеоритов не бывает выключателей, чертова идиотка! — сказал Бэзил. — Они не...

Зеленая земля под ними затряслась. Раздался странный звук — как будто кто-то медленно разорвал кусок ткани. Собака-мать зарычала. Пятнашка и ее братья открыли глаза и огляделись вокруг. Сириус сначала подумал, что это эффект Зоаи, но тут все обернулось к темному пустому пространству за креслом Хозяина.

Оттуда донесся сильный запах паленого. Мглистая тьма, казалось, сворачивалась внутрь себя. Сквозь нее пробивался серый свет с бирюзовым оттенком. Свет приближался рывками, как будто кто-то рвал пространство, чтобы пройти вперед. Судя по звуку, так оно и было. Сириусу хватило одного взгляда, чтобы все понять и метнуться за Пирата и Красноухого. Он улегся на землю, отвернувшись от серо-бирюзового света, и притворился спящим. Он не знал, как еще здесь можно спрятаться.

По зеленому мху шли Новый Сириус и его Спутница, окруженные светящимися ореолами. Мох под их ногами обугливался и расплзался, на его месте оставался дымящийся черный шрам. От этого дыма закашлялись все, кроме Хозяина. За спинами светил были видны белый утренний туман, росистая крапива и мокрая трава, странно не соответствовавшие тускло светившейся зеленой поверхности.

— Мы пришли вон за тем псом, — сказал Новый Сириус. — Отдайте его нам, и мы никому не причиним вреда.

— Вот Зоаи, — сказала Спутница, указывая на Кэтлин. — Мы и его заберем.

Они приближались, и с ними приближались туман и крапива. Бедная собака-мать стояла в дыму над своими щенками и рычала на пришельцев. Дети непонимающе смотрели на них. Хозяин встал. В туманном сиянии рассвета разглядеть его стало еще труднее, но через секунду все переменялось. Как только Хозяин поднялся на ноги, внешний мир опять

исчез. Шрам в зеленом мху исцелился и зарос, так что голая обожженная земля осталась только у двух светил под ногами.

— Это мои владения, — сказал Хозяин своим глухим мрачным голосом. — Вам сюда путь закрыт.

— Нет, — сказал Новый Сириус. — Земля — часть сферы моего влияния. Я правлю всей этой системой.

— Но не мной, — сказал Хозяин.

— Ерунда! — сказала Спутница. — Ты всего лишь один из детей Земли. Отдай пса и Зоаи, или мы тебя заставим.

— И тебе это не понравится, — сказал Новый Сириус. Он шагнул к Хозяину, точнее, попытался. Но не сдвинулся с места. Он наклонился вперед и снова сделал шаг. И опять остался на месте.

— Ты не можешь этого сделать! — недоверчиво сказал Новый Сириус. — Мы — светила.

Его Спутница бросилась вперед и заколотила своими белыми кулачками в пустоту.

— Прекрати немедленно! Как ты *смеешь!*

Хозяин не двигался и ничего не говорил. Гнев двух звезд пылал широкими языками света и затухал в туманной мгле.

— Как ты думаешь, это какое-то силовое поле? — спросил Бэзил у Робина.

— Я не понимаю. Чего они хотят? — сказала Кэтлин.

Хозяин повернул к ней огромную рогатую голову.

— Они хотят убить твою собаку.

— Лео? — сказала Кэтлин, прижимая Зоаи к груди. — Пусть только посмеют! Раньше они сами умрут!

И тогда покалывание внезапно обернулось жалящим наслаждением — проснулась и начала действовать сила Зоаи. Сириус почувствовал, как от этой силы, словно от ветра, вздымается его шерсть. Он обернулся и увидел, как его Спутница поднимает руку, пытаясь защититься.

Но спасения не было. Она и ее новый Супруг с каждой секундой становились все меньше. Казалось, что они все отдаляются и отдаляются. Вот они стали высотой в фут, и нельзя было сказать, то ли они маленькие и рядом, то ли огромные, но в миллионе миль. Сириус вспомнил, как он в первый раз увидел, как уходит Солнце. Еще через мгновение две звезды превратились в зеленоватую и белую искорки, а потом уменьшились так, что их уже нельзя было разглядеть, и исчезли.

— Как будто телевизор выключили, — сказал Брюс Сириусу.

— Ой, это я сделала? — спросила Кэтлин. — В любом случае, они были ужасны, но куда они делись?

— Кто знает? — сказал Хозяин. — Но теперь, когда ты научилась работать с этой штукой, ты можешь воспользоваться ей ради меня?

— Как Кэтлин может работать с Зоаи? — спросил Сириус.

— Дети Земли на многое способны, — сказал Хозяин. — Кэтлин, я хочу, чтобы ты с помощью Зоаи изменила мою судьбу. Мне надоело жить во тьме. Мои предки могли ходить под солнцем и никого не пугали и не озадачивали. Я тоже так хочу.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Кэтлин.

— Твой пес может рассказать тебе, что он чувствовал, когда бежал с моими псами, — сказал Хозяин. — Он был одновременно жесток и добр. Думаю, что это его озадачило. Верно? — спросил он у Сириуса.

— Да, — сказал Сириус и начал рассказывать Кэтлин о странной смеси симпатии и жестокости, которую испытал. Но сразу же остановился, потому что Кэтлин ни слова не поняла. Она чуть не расплакалась.

— Он мне что-то говорит, я знаю, но по-прежнему его не понимаю. Ты обещал, что я смогу его понять!

— Ты ее обманул! — сказал Сириус. — Ты и меня обмануть собираешься?

— Я никогда не обманываю, — сказал Хозяин. — Вы сами себя обманули. Я обещал, я вас предупредил, и я сдержу обещание. Кэтлин, сделай так, чтобы Зоаи изменило мою судьбу. Я хочу ходить по Земле так же, как ты.

— Я не думаю, что это правильно, — сказала Кэтлин. — Если вы намерены всех обманывать и одурачивать.

— Я поступаю так, как поступаю, только потому, что я во тьме, — сказал Хозяин. — Разве ты не понимаешь?

Он шагнул к Кэтлин. Возможно, он хотел показать ей, что он имеет в виду. Как бы то ни было, его тьма накрыла Кэтлин почти полностью. Девочка в ужасе отступила.

— Нет, нет, — сказала она. — Не подходите ко мне. Не надо! — Из Зоаи снова вырвалась сладостная, жалиющая сила, и туманное зеленое пространство зазеленело.

— Я знал, что это случится, когда разорвется покров, — сказал Хозяин Дикой Охоты, складывая руки на груди.

И исчез — так тихо, что никто не заметил. И все таинственное пространство исчезло вместе с ним. Больше не было ни зеленого мха, ни собаки-матери, ни стаи холодных спящих псов. Они стояли на какой-

то наклонной поверхности, жесткой и полной кирпичей. Оглядевшись, они обнаружили, что находятся на боковом склоне кучи щебня — там, где Сириус потерял Йеффа. Стоял предрассветный час, холодный и бесцветный. Они задрожали от разлитой в тумане предутренней прохлады. И услышали, как где-то там, в тумане, ходят, окликают друг друга и свистят люди и лают собаки.

Глава 16

Четверо настоящих собак стояли, склонив голову набок и приподняв одну лапу, и прислушивались.

— Господи! — сказал Брюс. — Это свистит мой хозяин!

— И мой, — сказали Пятнашка, Пират и Рыжеухий.

— Если не возражаешь, — сказал Брюс, — я думаю, нам пора идти. Пока.

Не сказав больше ни слова, они убежали прочь, во влажную белизну. Кое-кто прекратил кричать и свистеть, с облегчением выдохнув «Вот ты где, плохой пес!» Но остальные крики не смолкли.

— Что происходит? — сонно спросил Робин и, спотыкаясь на каждом шагу, полез на вершину кучи — посмотреть, из-за чего поднялся шум. Оказавшись на вершине, он в восторге закричал:

— Посмотрите! Посмотрите! Он не забыл!

По крайней мере одно обещание Хозяин Дикой Охоты выполнил. По щебню ковылял и визгливо звал мать толстый белый щенок с кроваво-красными ушками. Робин ласково поднял его на руки. Обнаружив, что щенок совсем холодный, мальчик завернул его в свой свитер и сел с ним на землю, изо всех сил пытаясь согреть маленькую собаку.

— Да, — сказал Бэзил. — Хозяин выполнил его просьбу. Отдай мне мой метеорит.

Кэтлин прижала Зоаи к себе и сделала шаг назад к вершине кучи.

— Это не настоящий метеорит. Он опасен. Я не думаю, что мне следует отдавать его тебе.

— Он мне *обещал*. — сказал Бэзил, яростно карабкаясь за ней.

Сириус вскочил и запрыгал вокруг Кэтлин, всем своим видом показывая, что надо отдать Зоаи ему, а не Бэзилу. Но Кэтлин подняла Зоаи так, что Сириус не мог до него дотянуться.

— Нет, Лео. Это ужасно мощная штука. Ты ее тоже не получишь.

— Отдай его мне! — закричал Бэзил. Кэтлин побежала от него прочь на вершину кучи. Там Бэзил ее поймал и попытался вырвать Зоаи у нее из рук. Они боролись, качаясь туда-сюда, прямо над головой у Робина, который ничего не видел и не слышал, кроме своего щенка.

Бэзил, конечно, был сильнее. Сириус прыгал вокруг него, мешал ему, пытался сбить с ног. Ему не хотелось думать о том, что произойдет, если Бэзил прикоснется к Зоаи. И он не совсем был уверен, что Кэтлин не воспользуется Зоаи еще раз, случайно. Бэзил схватил Кэтлин за локоть и вывернул ей руку. Сириус толкнул его под локоть. Как это было знакомо! Некогда Сириус точно так же вырывал Зоаи у своей Спутницы, и теперь он боялся, что оно опять потеряется или уничтожит их всех.

От удара, который Сириус нанес Бэзилу, пальцы Кэтлин ослабли. Зоаи выпало у нее из рук и стремительно полетело к Земле. Поскольку Зоаи состояло из вещества, чуждого Солнечной системе, падало оно стремительно, как солнечный луч. Сириус прыгнул к Зоаи и еле успел схватить его пастью, прежде чем оно провалилось сквозь землю.

Было больно. Он и не знал, что может быть так больно. Боль началась у него в пасти и зеленым пламенем распространилась по всему телу. Он еще успел создать для Бэзила еще один угольный конус, падавший с обычной скоростью. А потом он больше не мог думать ни о чем, кроме боли.

Тяжелый кусок тлеющего угля упал на щебень. Бэзил бросился к нему, схватил и сердито посмотрел на Кэтлин.

— Я говорил тебе, что он мой! — сказал Бэзил и помчался вниз, опасаясь, что Кэтлин опять попытается отобрать у него метеорит.

Боль продолжалась недолго. Сириус поднялся из нее, выпрямился и потянулся — легкий, гибкий, свободный. Он снова обрел свой привычный рост и обнаружил, что смотрит на Кэтлин сверху вниз и видит сквозь белый туман, висящий над пустырем. На пепле были припаркованы полицейские машины с включенными фарами. Полицейские с собаками и факелами обыскивали щебень и крапиву. Он увидел, что рядом с ними стоит миссис Даффилд, а из окна одной из полицейских машин встрепенно выглядывает мисс Смит.

Но все это были только крохотные вспышки по краям его огромной зеленой свободы. Тепло, глупого пса больше не было. Зато в плечах были сила и легкость. Сириус так долго прожил в чуждом облике, что почти забыл, что это такое. Он расправил крылья и встряхнул ими, и серебристо-зеленое пламя, шипевшее у него за спиной, потекло вниз, на землю. Сириус завилал бы хвостом от радости, но у него больше не было

хвоста. Вместо этого он вытащил Зоаи изо рта и засмеялся, глядя на Кэтлин. Почему-то он не сомневался, что теперь она сможет его понять.

— Как мне хорошо! — сказал он.

Кэтлин его действительно поняла. Она подняла голову. При виде непонятно откуда взявшегося зеленого гиганта ее глаза изумленно расширились, остановились на его яростном серебристо-зеленом лице, рассмотрели на густые, похожие на пламя волосы и на огромные крылья у него за спиной. По сравнению с этим существом Хозяин Дикой Охоты показался ей маленьким и робким. Недоумевая, откуда взялось это великолепное создание, девочка вежливо сказала:

— Да? Я очень рада.

Озадаченный Сириус немного обиделся.

— Разве ты меня не узнаешь?

Кэтлин снова посмотрела ему в лицо.

— Вряд ли, — так же вежливо сказала она. — Вы ангел?

— Конечно, нет! — сказал он. — Я Сириус. Я целый год был твоим псом. Ты должна меня узнать!

— О, — сказала Кэтлин и посмотрела на землю.

Сириус тоже посмотрел на землю. С чего она там глаз не сводит? У его ног в траве лежал на боку крупный пес. Молодой, довольно тощий, с кремовой шкурой и рыжими ушами. Верхнее ухо недавно прокусили. Пес был мертв. Сириус это понял, увидев, как высыхает кожа у пса на веках, хотя они еще немного подергивались. Он посмотрел в неподвижное лицо Кэтлин и понял, о чем предупреждал их Хозяин Дикой Охоты. Наверно, поэтому Хозяин и отдал Зоаи Кэтлин, а не ему.

— Послушай, — сказал Сириус. — Это по-прежнему я. Я и есть этот пес. Понимаешь?

Кэтлин кивнула, но Сириус сомневался, что она понимает. Девочка сказала:

— Вы не похожи на Лео, — и затем вежливо добавила: — Но вы, конечно, очень красивы.

Она снова обернулась к псу. У нее было такое лицо, что Сириус не выдержал и протянул ей Зоаи.

— Возьми, — сказал он. — Попробуй вернуть пса к жизни.

Но Кэтлин спрятала руки за спину и отступила на шаг.

— О нет, все в порядке, — вежливо сказала она.

— Тогда я попробую, — сказал Сириус, выведенный из себя холодным вежливым поведением Кэтлин.

— Нет-нет, не нужно, — сказала Кэтлин. — Не стоит беспокоиться. Все равно прошлого не вернуть.

— В плазму! — сказал Сириус и повернул Зоаи в сторону подергивающегося тела. Ничего не произошло. Зоаи жужжало и шипело, как обычно, но не было сладостной жалящей силовой волны.

Сириус вскрикнул от досады, поняв, в чем дело. Он сам был этим псом. А с помощью Зоаи можно сделать что угодно, но только не для себя.

— Придется тебе это сделать, — сказал он Кэтлин. — Держи.

Он ткнул Зоаи в лицо Кэтлин. Девочка ахнула и отскочила назад. Сириус услышал, как зашипели ее волосы, и в ужасе отшатнулся. Он увидел, что шкура пса обгорела, а влажная трава у него под ногами исходит паром и дымом. Сириус начал понимать, что теперь он не может даже прикоснуться к Кэтлин.

Он, конечно, мог обуздать свой жар, как и его Спутница и Новый Сириус, но знал, что у него это не слишком-то хорошо получается. Во всяком случае, недостаточно хорошо, чтобы позволить себе подойти к Кэтлин. Он больше не мог лизать ее в лицо. Кэтлин не могла его обнять и прижать к себе — так, чтобы у него заболела спина. Она даже не хотела больше с ним говорить. Она хотела только смотреть на мертвого пса, лежавшего на земле.

И тогда Сириус начал понимать значение Дикой Охоты. Он считал, что добр к Кэтлин, но на самом деле был с ней жесток. Он не думал ни о чем, кроме Зоаи, и в результате оказался более жестоким, чем Даффи и те люди, которые убили отца девочки. Он понял, что не менее жесток и к самому себе. Он также понял, что и Кэтлин, добрейшая из всех, точно так же жестока с ним. Но легче от этого не стало.

— Боюсь, я тебя обманул, — сказал Сириус.

— О, ничего страшного, — вежливо сказала Кэтлин, по-прежнему не сводившая взгляда с пса, лежащего на земле.

Пес уже почти перестал подергиваться. Сириус знал, что, если он намерен вернуться в это тело, надо торопиться. Даже если бы ему удалось уговорить Кэтлин, Зоаи уже настолько раскалилось от огненных прикосновений Сириуса, что отдавать его девочке было нельзя. Значит, придется просить помощи у кого-то еще.

— Земля, — сказал Сириус. — Ты можешь взять Зоаи и...

— Извини, — с сожалением сказала Земля. — Я умею давать жизнь только однажды.

Оставалась только одна надежда. Сириус огляделся вокруг в поисках

Солнца. Туман приобрел жемчужно-розовый оттенок. В нем кругами ходили серые фигуры полицейских и их добропорядочных собак, которые честно пытались разобраться в ни на что не похожих запахах. Небо над домами тоже порозовело, но Солнце еще не поднялся из-за горизонта.

— Скорее приведи Солнце! — потребовал Сириус у Земли.

— Я вращаюсь настолько быстро, насколько могу, — сказала Земля.

Сириус не осмеливался отойти от холодеющего пса. Пришлось ждать, и ему казалось, что Солнце в тот день вообще не взойдет.

Наконец Солнце пришел. Он шагнул в небо над крышами в ярком венце колючих лучей, превратив влажные серые шиферные крыши в серебряные, а розовый туман — в нечто чудесное.

— Солнце, — отчаянно позвал Сириус.

Солнце бросил на него один золотой взгляд.

— О, вижу, — сказал он. — Стало быть, ты его нашел.

— Да, вот оно, — сказал Сириус, протягивая ему Зоаи. — Возьми его и верни меня обратно в этого пса. Скорее!

— Я могу попытаться, — с сомнением сказал Солнце. — Но я еще никогда не держал в руках Зоаи.

— Возьми, — сказал Сириус. — Верни меня *обратно*.

— Хорошо, — сказал Солнце и протянул золотую горячую руку. Сириус передал ему Зоаи. Кэтлин, моргая, подняла взгляд, прикрыла глаза рукой и увидела лучезарное существо, не то совсем близкое, не то очень далекое, которое стояло над крышами домов и держало в руках Зоаи. А потом Зоаи ярко вспыхнуло в его добела раскаленных пальцах.

Ничего не произошло.

— Верни меня в пса, — сказал Сириус. — Что ты делаешь?

— Я пытаюсь сделать то, что ты просишь, — сказал Солнце. — Теперь я понимаю, как с ним обращаться. Но извини. Вряд ли я смогу вернуть тебя в этого пса.

— Почему не можешь? Надо! — закричал на него Сириус. Солнце только пожал плечами. Сириус развернул крылья и вспыхнул таким гневом, что даже несколько полицейских обратили внимание на странный зеленый свет. — Верни меня *в пса!*

— Не могу, — сказал Солнце. — *А ты можешь?*

— Нет, — сказал Сириус. — Но это не имеет значения. Ну же!

От его гнева и солнечного света туман начал таять. Полицейский увидел Бэзила, склонившегося над своим драгоценным метеоритом, и крикнул:

— Я нашел одного из мальчиков!

— Я же говорю, что не могу, — сказал Солнце.

— *Иди ты в плазму!* — взревел Сириус. Но тут он заметил, что Кэтлин смотрит на него измученным, испуганным взглядом. Должно быть, он перепугал ее до безумия.

Сириус изо всех сил постарался унять пламя на крыльях и пригладить пылающие волосы. Потом он опустился на колени, чтобы хоть немного уравнивать разницу в росте.

— Солнце говорит, что он не может вернуть меня в твоего пса, — сказал он. — Прости меня.

— Я знаю. Я его слышала, — ответила Кэтлин. — Знаете, я и правда верю, что вы *были* внутри Лео. Когда он злился, его глаза светились таким же зеленым светом.

— Если бы я мог, я вернулся бы в его тело, — сказал Сириус.

— Но я же сказала вам, что прошлого не вернуть, — ответила Кэтлин. — Вы бы все равно ушли, и Лео просто опять умер бы, верно? Так что все в полном порядке. Благодарю вас за вашу доброту. Теперь мне надо идти. Я думаю, что эти полицейские ищут нас, и мне следует сказать им, что Робин заснул над своим щенком. До свидания. — Она вежливо улыбнулась Сириусу, повернулась и осторожно пошла вниз по куче щебня.

Сириус смотрел ей вслед.

— Что я могу сделать?

— Ничего, — сказала Земля.

— Идем, — предложил Солнце, протягивая руку, чтобы помочь Сириусу подняться в небеса.

Сириус развернул почти забытые крылья и пошел рядом с Солнцем. Он чувствовал себя странно и неуверенно. Небеса были темнее, чем в его памяти, и он с изумлением услышал музыку. Космос пел. В нем звучали и огромные медленные ноты, и приятные высокие звуки — все ноты человеческой музыки и еще множество нот, неизвестных земным композиторам — и все это вращалось, вило, сливалось и звучало в единой, торжественной, постоянно меняющейся мелодии. То была музыка сфер, которую Сириус почти позабыл. Со странным, неизвестным ему ощущением он направился туда, где, должно быть, находилась его зеленая сфера. Солнце оставил свою систему и шел рядом с ним. Сириус знал, как ревностно золотая звезда относится к своим обязанностям, и понял, что Солнце оказывает ему великую честь.

— А есть ли мне смысл туда идти? — спросил он. — Там ведь теперь живет Новый Сириус?

— Нет, — сказал Солнце. — Больше не живет. Боюсь, что и твоей Спутницы там тоже нет. Как раз перед тем, как я взошел над вашим городом, Полярис прислал мне сообщение, что кто-то с помощью Зоаи их, ну, уничтожил. Теперь обе сферы пусты. Кто это сделал?

— Кэтлин, — сказал Сириус. — Она не понимала, что делает.

— Так что можешь забрать обратно свою сферу, — сказал Солнце, — и начать искать другую Спутницу.

— Другой Спутницы у меня не будет, — сказал Сириус. — И я не допущу, чтобы у Кэтлин из-за этого были проблемы.

— Не будет у нее проблем, — сказал Солнце. — До тех пор, пока в моей власти что-то решать. Она — одна из моих подданных. И с Зоаи она обращаться умела не лучше меня — кстати, забирай его. Как бы то ни было, Полярис за нас ручается. Это он затеял всю эту историю. Жаль, что он мне ничего не *сказал*, но, может быть, и правильно сделал. Я не умею держать язык за зубами. Полярис увидел, куда упало Зоаи, не смог найти его сам и устроил так, чтобы тебя отправили как можно ближе к месту падения, потому что он был уверен, что ты прикрываешь свою Спутницу.

— Но он был одним из Судей! — возразил Сириус.

— Да. Они все трое сговорились, — сказал Солнце. — Вся эта идея с самого начала была неправильной, как орбита Плутона, и теперь мы получим протест от светил из системы Кастора, а может и еще откуда-нибудь, но, по крайней мере, теперь я смогу выступить свидетелем. Полярис говорит, что твоя пламенная верность не давала им никакой другой возможности получить какое-нибудь свидетельство против твоей Спутницы. Нет, все-таки лучше бы они мне *сказали*. Тогда я бы ее сразу узнал, когда она пыталась тебя утопить. Тогда всего остального бы просто не произошло.

— Но я бы не нашел Зоаи, — сказал Сириус.

— В конце концов Земля бы мне его отдала, — сказал Солнце. — Я недоволен Землей — рисковать ледниковым периодом, валять дурака передо мной и так наврать Полярису!

— Не надо на нее слишком сильно злиться, — сказал Сириус.

— Земля, — ответил Солнце, кидая на него подозрительные лучезагляды, — моя. Я могу поступать с ней так, как считаю нужным.

— Я знаю, я знаю, — торопливо сказал Сириус. — Я только хотел сказать, что Земля защищала очень странное дитя. Я так и не понял, чем он был, но он был сильнее любого Зоаи. Возможно, у Земли не было выбора.

Прежде чем Солнце успел ответить, им навстречу выбежал Полярис, протягивая Сириусу руку и улыбаясь своей обаятельной улыбкой. За ним спешили его братья из Плеяд, Антарес, Бетельгейзе и многие другие, и все рады были снова увидеть Сириуса. Сириус почувствовал, что не может на них смотреть, и обернулся назад, на Землю, чтобы успокоиться. Он увидел, как мисс Смит, немного поспорив с мистером Даффилдом, забрала Кэтлин к себе. Полицейская машина отвезла их обоих к дому мисс Смит, в дверь которого Сириус так часто стучался. Ну что ж, хоть это сложилось так, как он хотел. Сириус пожалел, что не смог сделать для Кэтлин большего.

С помощью Солнца он все-таки сумел сделать для Кэтлин еще кое-что. Это было в сентябре, перед началом школьных занятий. Кэтлин выросла, загорела и приобрела спокойную уверенность. Мисс Смит решила, что ей необходимо переменить обстановку, и на все лето увезла девочку во Францию. Они только что вернулись в Англию, и Кэтлин по поручению мисс Смит отправилась за продуктами. Больше она не могла ни видеть светила, ни понимать их язык, потому что она не об этом просила Хозяина Дикой Охоты.

Тем не менее Солнце и Сириус сумели потихоньку заставить ее выйти к реке. Оказалось, что она все еще не решается подходить к бывшему пустырю, несмотря на то, что там все переменялось — там строились дома и новая школа. Пришлось провести ее окольным путем вдоль берега. Сириус невольно вспомнил, как в облике пса ему приходилось толкать и разворачивать Кэтлин, чтобы привести ее туда, куда он хотел.

Толкая и разворачивая Кэтлин, они привели ее к реке, а потом повели вверх по узкой улочке, которую той осенью тоже должны были снести. Они показали ей калитку с проволочной сеткой, натянутой сверху и снизу. Потом им осталось только ждать и надеяться.

К тому времени щенкам Пятнашки исполнилось три месяца. Пятнашка, очаровательная, но измученная, сидела посреди двора, а щенки визжали, дрались и катались по всему остальному двору. Очевидно, Йефф или кто-то из его собратьев все-таки сумел перепрыгнуть через ограду. Почти у всех щенков была кремово-белая шкурка и рыжие уши.

Кэтлин осторожно поставила корзинку с покупками на тротуар, взялась за проволочную сетку, прижалась к ней лицом и стала смотреть на щенков. Солнце проскользнул в дом и подтолкнул хозяйку Пятнашки. Хозяйка вспомнила, что ее посудные полотенца как раз должны высохнуть, и вышла снять их с веревки. Кэтлин смотрела, как щенки толпой

подбегают к хозяйке и с воплями требуют еды.

— Маленькие притворщики, я же вас только что покормила! — сказала хозяйка и улыбнулась Кэтлин. — Необычная у меня тут работа, скажу я тебе.

— Я знаю, — сказала Кэтлин. — Скажите, а можно мне будет купить одного щенка, когда они подрастут?

— Купить! — воскликнула хозяйка Пятнашки. — Я их отдаю в добрые руки! Иначе я никогда их не пристрою. Посмотри, сколько их! Мы чуть с ума не сошли, когда Пятнашка оценилась. Она еще совсем молодая, и выкормить могла только двух-трех, так что и я, и Кен, и папа Кена, и моя мама, и мама папы Кена, мы все посменно выкармливали щенков из бутылочек. А я-то думала, что у нас проблемы, когда наш Кен выудил Пятнашку из реки! Честное слово, мы над этим весело посмеялись. Щенки уже достаточно подросли, чтобы отправляться к своим хозяевам. Так что заходи и выбирай.

Она отперла калитку, и Кэтлин осторожно прошла между куврыкающимися щенками. Все они были обаятельны. Некоторые как две капли воды походили на Пятнашку. Кэтлин их внимательно осмотрела. Конечно, зеленоглазых среди них не было, но нашелся один щенок с желтыми глазами, как у Ископаемого, собаки Робина. Кэтлин взяла его на руки.

— Вот этот. Вы действительно не возьмете за него денег?

— Нет, не возьму, милая. Забирай ее. Я считаю, что ты выбрала самого лучшего щенка во всем помете. Некоторые люди говорят, что им не нравятся ее глаза, но я им говорю, что они в этом ничего не понимают. Она умная, как обезьянка.

— Тогда спасибо, — сказала Кэтлин. — Я буду приходить к вам с ней и показывать, как она растет.

Она направилась к дому мисс Смит, сдвинув корзинку с продуктами на локоть и обеими руками прижимая к себе щенка — почти так же, как она когда-то несла крохотного Сириуса.

— Моя дорогая, вот чудесно! — сказала мисс Смит. — Я как раз думала, что тебе стоит завести другого щенка.

— Это не для меня. Это для вас, — сказала Кэтлин и осторожно положила щенка на колени мисс Смит.

Согнутые старостью руки мисс Смит погладили рыжие ушки.

— Я вижу, почему ты его взяла. Он очень похож на Сириуса, верно? Только глаза другие.

— Да, — сказала Кэтлин. — Но это не «он». Боюсь, это «она».

— Тем лучше! — воскликнула довольная мисс Смит. — Значит, у нас

в доме будут щенки. — Она осторожно опустила маленькую собачку на пол. Щенок принюхался к блестящим носкам ее туфель. — Леона? Виола? Миранда? — мисс Смит принялась подбирать кличку. Щенок отбежал от ее ног и яростно напал на них. — Я не стану называть тебя Пятнышком или Снежинкой, и Беатрис тоже не подойдет, — сказала мисс Смит, заглушая рычание щенка. — Агнес — нет. — Щенок нашел ее шнурки, сунул один в пасть и потащил, ворча, как трещотка, и яростно вращая хвостиком. — Мельпомена? Слишком величественно, — решила мисс Смит и рассмеялась, увидев, что щенок вытащил шнурок из ее туфли и с дерзким рычанием утащил добычу прочь. Кэтлин не смеялась.

— Что такое? — спросила мисс Смит.

— Я просто подумала... я только что поняла... — сказала Кэтлин, — что Сириусу нужна моя любовь, в каком бы облике он ни был. Только я раньше этого не понимала.

— Если что-то действительно очень нужно, то всегда можно найти способ этого достичь, — заметила мисс Смит.

Полярис часто говорит Солнцу, что теперь Сириус гораздо реже стал выходить из себя. Но он непременно вспыхивает яростным гневом, если предложить ему найти новую Спутницу. Сириус не хочет и слышать об этом. Маленькая белая сфера, которая вращается вокруг его сферы, пуста, потому что Сириус надеется, что мисс Смит сказала правду.